

ТЕМНЫЕ СИЛЫ
ЖАННА ДЕ ЛАМОТ

Михаил Николаевич Волконский

Жанна де Ламот

В основе произведений одного из самых известных беллетристов начала XX века князя Михаила Николаевича Волконского - "неофициальная история" XVIII столетия, сплетающаяся из множества скандальных историй, дворцовых тайн, приключений и мистики. Интриги, власть, коварство, любовь и деньги - неизменные составляющие его авантюрно-приключенческих романов "Темные силы" и "Жанна де Ламот"

Содержание

Глава I Семь цветов радуги	0006
Глава II Желтый	0013
Глава III Аукцион	0024
Глава IV Орест Беспалов	0033
Глава V Рассказ Ореста	0041
Глава VI Тень прошлого	0050
Глава VII Месье Орест опять «нездоров»	0062
Глава VIII Одиночество	0070
Глава IX Наследник кардинала Аджиери	0079
Глава X Мнимая графиня Савищева	0084
Глава XI Мыза в Голландии	0088
Глава XII Дивная встреча	0096
Глава XIII Решение	0100
Глава XIV Тайна молитвенника	0106
Глава XV Заседание	0114
Глава XVI Новые приятели	0122
Глава XVII Старые знакомые	0131
Глава XVIII Те же и княгиня	0138
Глава XIX Белый	0154
Глава XX Глава, из которой ясно, что Борянский незнаком с химией	0167
Глава XXI Вор	0181
Глава XXII Расписка кардинала	0194
Глава XXIII Дело запутывается	0202
Глава XXIV Праздник у графа Прозоровского	

Глава XXV Княгиня Мария Сан-Мартино . . .	0223
Глава XXVI Уголок Италии в Петербурге . . .	0230
Глава XXVII Желтый сок травы	0244
Глава XXVIII Первое дело	0252
Глава XXIX Второе и третье дело	0261
Глава XXX Психология	0269
Глава XXXI Семейный совет	0278
Глава XXXII Все, что нужно было Жанне . . .	0286
Глава XXXIII Забытый платок	0294
Глава XXXIV Медальон	0303
Глава XXXV Общественный маскарад	0314
Глава XXXVI Белое и черное домино	0329
Глава XXXVII Как жилось в богатом доме Дука . . .	0337
Глава XXXVIII Отсрочка платежа	0348
Глава XXXIX Глава, в которой происходит то, что гораздо более важно, чем кажется сначала .	0359
Глава XL В чем заключалась важность предыдущей главы	0369
Глава XLI Супружеская сцена	0376
Глава XLII Все дороги ведут в Рим	0384
Глава XLIII Тайный доброжелатель	0391
Глава XLIV Объяснение	0401
Глава XLV Три двери в гостиный	0410
Глава XLVI Он расскажет	0417
Глава XLVII Нет, это правда	0422
Глава XLVIII Святая сумма	0430

Глава XLXIX Выгодный оборот	0438
Глава L Еще платок	0444
Глава LI Медальон графини Косунской	0456
Глава LII Месть	0463
Глава LIII Последняя ставка	0474
Глава LIV Глава, пока еще не совсем понятная	0484
Глава LV Что значили слова Тиссонье?	0491
Глава LVI Седьмое мая 1801 года	0497
Глава LVII Итоги	0505
Глава LVIII Заключение	0511

Глава I

Семь цветов радуги

Летом 1808 года России приходилось воевать на два фронта: на севере со Швецией и на юге — с Турцией, но Петербург, несмотря на то, что стал почти театром северо-восточных действий, которые были очень близки к нему, продолжал жить своей обыкновенной столичной жизнью, даже мало отличавшейся от зимней, потому что двор не выезжал на дачу...

Государь император Александр I жил на Елагином острове в летнем маленьком дворце, бывшем доме масона Елагина, где, как говорили, сохранилось все, что касалось масонства.

Наиболее богатые из общества разместились на островах — на Каменном и на Крестовском, в особенности, те, кто имел тут свои дачи, и на Черной речке, считавшейся тогда самым аристократическим летним местопребыванием.

Здесь деревянные дома были построены

на манер каменных, в так называемом «итальянском вкусе», окружены цветниками и подстриженными деревьями, а в прозрачные тогда воды Черной речки гляделись сентиментально-поэтические плакучие березы, спускавшие свои ветки над гранитными урнами, статуями и плитами с таинственно загадочными надписями.

Такова тогда была мода.

В средних числах июня к одному из таких домов на Черной речке подъехала карета и из нее вышел господин в летнем полосатом фраке — наиболее употребительной тогда одежде — с высоким жабо и в круглой шляпе с большими полями.

Он поднялся по ступенькам крыльца твердой, уверенной походкой и, когда, завидев его, выбежали два лакея в ливерях и в пудре, спросил у них:

— Аркадий Ипполитович Соломбин дома?

Лакеи удивленно оглядывали господина как совершенно незнакомого и с первого взгляда не внушавшего особенного доверия.

В самом деле, хотя его костюм и легкая английская карета были безукоризненны, тем

страннее казались на таком господине огромные синие очки, целиком, почти с бровями закрывавшие его глаза, и, главное, неприятно поражали пряди жестких рыжих волос, ниспадавших из-под полей его шляпы.

Такой щеголь, каким был господин, приехавший в английской карете, должен был по тогдашней моде, во-первых, коротко стричь свои волосы, а во-вторых, носить никак не синие очки, а изящную золотую лорнетку...

Лакеи замялись, но все-таки старший из них спросил заинтриговавшего их приезжего:

— Как прикажете доложить?

— Доложи: Иван Михайлович Люсли, — приказал господин.

Лакей, видимо, никогда не слышавший такой фамилии, снова выказал сомнение.

Тогда господин, называвший себя Иваном Михайловичем Люсли, достал бумажник, вынул оттуда визитную карточку, дал ее лакею и велел отнести.

Эта визитная карточка оказалась не совсем обыкновенной, она была отпечатана фиолетовой краской и в углу ее стояли буквы: «В.П.О.»

Лакей, отправившийся докладывать с карточкой, вернулся так быстро, как только мог, и кинулся к гостю с такой предупредительностью, что сразу было видно, что хозяин просить велел.

Не успел господин Люсли снять свою шляпу, как навстречу ему показался Аркадий Ипполитович Соломбин, человек весьма привлекательной наружности с мягкими, красивыми манерами.

— Милости прошу, добро пожаловать, — заметил он на великолепном французском языке, на котором не только говорили, но и думали в аристократическом русском обществе тогда. И он с поспешностью повел приезжего, показывая ему дорогу:

— Сюда, сюда, пойдете ко мне в кабинет, — пригласил он, растворяя дверь.

Люсли следовал за ним, не меняя выражения лица, казавшегося совсем неподвижным благодаря огромным своим очкам.

Они вошли в кабинет.

Соломбин учтиво усадил своего гостя в кресло и стал приглядываться к нему, как будто видел его в первый раз.

Так оно и было на самом деле. Соломбин видел Ивана Михайловича Люсли впервые в своей жизни, но должен был встретить его и принять как знакомого и даже желанного гостя по его лиловой визитной карточке и по стоявшим на ней буквам «В.П.О.».

Люсли сел, подождал, пока сядет Соломбин, и тогда начал разговор — довольно странный и совершенно непонятный для человека, не посвященного в тайну, по-видимому, известную только им обоим.

Но они-то отлично понимали друг друга!..

— Вы знаете, что красный цвет весьма близок к фиолетовому, — сказал Люсли и взялся за борт своего фрака.

— Красный, смешанный с синим, дает фиолетовый, — спокойно ответил Соломбин, улыбнулся и, как будто случайно, три раза закрыл и открыл правый глаз.

— Синий тут ни при чем, — возразил Люсли, — я говорю про красный, — вынул из кармана лиловую кокарду и нацепил ее себе в петлицу.

Тогда Соломбин встал и надавил какую-то пружинку, достал маленький ящик из бюро,

достал оттуда кокарду красного цвета и тоже надел на себя.

— Я вижу, что вы именно тот, к которому у меня дело, — успокоительно произнес Люсли.

— Я не показал бы вам этого, если бы не убедился, что вы в самом деле тот, который может иметь ко мне дело, — заметил Соломбин.

Рыжий Люсли наклонил голову.

— Вы являетесь одним из семи цветов радуги — Красным.

— А вы — Фиолетовым...

— Совершенно верно. Остаются еще пять...

— Пять, но на самом деле четыре...

— И это верно. Мне известно, что прежний Желтый «выцвел», как принято выражаться между нами. Но я должен успокоить вас: взамен прежнего найден новый Желтый в Петербурге...

Соломбин пожал плечами, как будто хотел сказать, что это вовсе не касается его.

— Остальные четыре, — продолжал Люсли, — поручаются вам. Я приехал к вам с просьбой, чтобы вы известили Синего, Оран-

жевого, Голубого и Зеленого, что мы должны собраться в четверг в восемь вечера.

Соломбин ничего не возразил, только спросил:

— Где?

Люсли дал ему подробный адрес.

Глава II Желтый

— Однако, — сказал Соломбин, — все мы, насколько мне известно, должны собираться не иначе, как под председательством того, кто объединяет нас всех, то есть все семь цветов, в один — то есть Белый, — пояснил он Люсли.

— Ну да, Белый, — утвердительно кивнул головой Люсли и промолвил:

— В четверг у нас будет председательствовать новый Белый, присланный нам из Парижа.

Соломбин встрепенулся.

— Новый Белый? — переспросил он.

— Ну да.

— Присланный из Парижа?

— Да.

— Значит, иностранец?

— Не знаю.

— Наверное, иностранец. Во всяком случае, если он прислан нам из Парижа, то уж не может быть из тех, которые действовали

здесь прежде. Я не знаю, насколько это хорошо для нашего дела! По-моему, надо выбрать в качестве руководителя известное в стране лицо, обжившееся там и знакомое с бытом и нравами. Что может сделать тут присланный из Парижа, не только не знакомый, может быть, с Петербургом, но и о России-то ничего не знающий и воображающий, что у нас по улицам бродят белые медведи?.. Я об этом посылал в Париж две мемории... Вы были в Париже?

— Я только что оттуда.

— Не слышали ничего, как там смотрят на меня?

— Нет, не слыхал, да и вообще не желаю и не считаю себя вправе, вступать в какие-нибудь обсуждения по этому поводу, — коротко и сухо проговорил Люсли. — Мне поручено передать вам о том, что вы должны сообщить о собрании Синему, Голубому, Оранжевому и Зеленому, да и сами приехать. А если вы хотите что-нибудь сообщить об общем деле — сделайте это на собрании...

И с этими словами Иван Михайлович Люсли встал и, поклонившись, направился к две-

ри.

Соломбин не настаивал на продолжении разговора и проводил гостя до самой прихожей.

Люсли сел в карету, посмотрел на часы и велел ехать на Гороховую.

С Черной речки путь на Гороховую был неблизкий, но отличные лошади бежали быстро, и Люсли, сидя в карете, не выказывал признаков нетерпения.

Напротив, покачиваясь на мягких рессорах дорогого экипажа, он смотрел в окно по сторонам с нескрываемой, почему-то торжествующей улыбкой, и ехал по улицам Петербурга с видом победителя.

Петербург того времени, то есть самого начала прошлого века, девятнадцатого по счету, не представлял собой еще громады камня и железа, каким он является теперь, а потому не был летом столь душен и тяжел.

Сад, давно уже вырубленный и теперь застроенный, свежим дыханием радовал людей, масса зелени позволяла глубоко дышать, а воды Мойки, Фонтанки и каналов не были столь загрязнены и казались прозрачными;

вдоль всего Невского проспекта тянулись два ряда деревьев, зеленевших и превращавших тротуары в бульвары...

На Гороховой дома тоже перемежались с заборами, из-за которых свешивались ветки, но все-таки улица была пыльная и грязная.

Карета Люсли остановилась у двухэтажного дома, низ которого был занят двумя магазинами, а на верхний этаж вела довольно неказистая каменная лестница, заканчивавшаяся площадкой с дверьми, обитыми окрашенным в зеленую краску холстом...

У этих дверей на цепочке висела кисть звонка, что было довольно большим новшеством, едва еще перешедшим в Россию из-за границы...

Люсли, поднявшись по лестнице, дернул за звонок, подождал и, так как ему не отпирали, позвонил еще и еще раз.

За дверью слышались шаги, стукнул засов и перед Люсли появилась заспанная фигурка лохматого подростка — казачка, испуганно смотревшего на посетителя.

— Поди доложи Ивану Александровичу, что их желают видеть, — приказал Люсли так

грозно, что казачок, видимо, оробел и попятился.

Люсли вошел в прихожую.

— Кому? — переспросил казачок.

— Ивану Александровичу Борянскому, барину твоему, — повторил Люсли.

— Барину! — протянул казачок и стал чесать затылок. Он был в полном недоумении, как ему поступить.

Ему было приказано говорить, если спросят, дома ли, что «дома нет», так он и говорил до сих пор, но тогда ему еще не приходилось иметь дело с прямым приказанием посетителя «идти и доложить»...

— Барина дома нет, — наконец выдавил он.

— Да, верно, он еще спит?

Барин действительно спал, и потому казачок уже решительно не знал, как ему быть теперь.

Между тем Люсли из прихожей уже вошел в первую большую комнату, вроде зала.

Трудно было вообразить, в каком виде был этот зал: посередине стояли три сдвинутых вместе ломберных стола, закапанных воском

и исписанных мелом. Груда карт лежала в беспорядке. Восковые свечи, догоревшие до подсвечников, казалось, все еще чадили. Карты валялись повсюду — и на полу, и на столе. Они были согнуты, разорваны на клочки, редко целые.

Особенно неприглядный вид имели растоптанные куски мела.

Стулья были разбросаны по всей комнате в полном беспорядке. В подсвечниках высились кучки золы, выбитой из трубок. Несколько чубуков с трубками были брошены как попало.

Вдоль стены тянулся длинный стол, узкий, покрытый залитой вином скатертью и уставленный опустевшими бутылками и грязными, липкими стаканами.

Зал носил на себе явные следы продолжавшейся всю ночь картежной игры, закончившейся настолько недавно, что дорвавшаяся, наконец, до сна прислуга не успела убрать его.

Люсли сел на первый же попавшийся стул и, достав визитную карточку, передал ее казначку и приказал:

— Поди разбуди барина и отдай ему это!
Казачок нехотя ушел.

Некоторое время было тихо. Затем послышалось громкое ворчание, окрик и звонкая пощечина. Казачок стремительно вылетел и, держась за щеку, с воем пробежал через зал.

Люсли не двинулся со своего места.

Ворчание усилилось; дверь, из которой вылетел казачок, распахнулась, и в зал вошел огромного роста мускулистый человек с курчавой черной головой и большими бакенбардами. На нем был халат, который он, запахнув, держал одной рукой на груди.

Он остановился, расставив ноги, утвердился на них, опустил голову и красными, налитыми кровью глазами поглядел на Люсли.

— Я имею честь говорить с Иваном Александровичем Борянским? — спросил Иван Михайлович.

— Ну, удовольствия, я думаю, мало говорить со мною, в особенности в такой вот обстановке, — ответил Борянский, осмотрев зал, и проговорил: — Фу, какое свинство! Пройдемте сюда вот, в гостиную!..

Но и в гостиной оказалось ничуть не луч-

ше. Там тоже повсюду валялась зола из трубок, недопитые вина в стаканах и в бутылках.

— Говорите, пожалуйста, быстрее, в чем дело, — сказал Борянский, — мне спать хочется!

— Я вижу, — улыбнулся Люсли, — вы всю ночь играли в карты.

— Двое суток подряд... Ну, вы ко мне явились от этого... как его... общества «Восстановления прав обездоленных», что ли?

При этом Борянский посмотрел на лиловую карточку Ивана Михайловича Люсли, которую держал в руках, и в углу которой стояли буквы «В.П.О.», что и означало «Восстановление прав обездоленных».

Ивану Михайловичу Люсли такой откровенный приступ не совсем понравился, он поморщился и проговорил:

— Вы высказали желание поступить в это общество и были приняты в него как один из семи деятелей, различавшихся по цветам радуги. Вам достался желтый цвет, и я привез для вас кокарду этого цвета, чтобы вы надевали ее в знак вашей принадлежности к обществу «Восстановления прав обездоленных».

И с этими словами Люсли передал своему собеседнику желтую кокарду, а сам нацепил в петлицу лиловую.

Борянский взял кокарду, мельком взглянул на нее и, небрежно бросив ее на стол, сказал:

— Все это — пустяки... эти цвета, кокарды... и всякая такая мистика... А вы мне лучше о деле расскажите! Ведь, насколько я понимаю, общество занимается тем, что отыскивает наследства без прямых наследников и находит затем подходящих людей, к которым правдой или неправдой может перейти вымороченное наследство?

— Ну зачем же неправдой?.. — попробовал возразить Люсли.

— Ну ведь и я не вчера родился! — перебил его Борянский. — И не считаю себя институткой; да и не все ли равно: правдой там или неправдой, раз все делается на законном основании и за это получают денежки!.. Ведь вы-то права обездоленных не даром же восстанавливаете!

— Ну, конечно, не даром, — согласился Люсли.

— Ну вот то-то и оно!.. Видите, если умно дело повести, то большие капиталы на этом нажить можно!

— Об этом с вами распространяться я не имею права! — остановил его Люсли. — Мое дело передать вам кокарду вашего цвета и пригласить вас на общее собрание в четверг. Оно будет происходить под председательством нового Белого!

— Ох! — махнул рукой Борянский. — Бросьте вы эти кокарды и цвета!.. Тут человек две ночи не спал, у него глаза словно бы медом смазаны, а вы разные рацеи разводите. Если вы меня зовете в четверг только затем, чтобы в краски играть да кокардами щеголять, так я и не приеду! Я, знаете ли, такой человек, что мне подавайте существенное, а без этого самого существенного я совсем никуда не гожусь!

— Если вы под существенным, — спокойно сказал Люсли, — подразумеваете деньги, то могу вам вручить от имени общества до тысячи рублей сейчас, если вам угодно; на это я уполномочен!

— Вот это — дело! — воскликнул Борян-

ский, ударив рукой по столу. — Вот это — дело!.. Мне деньги кстати сегодня!

— А? Проигрались, верно! — усмехнулся Люсли, доставая из кармана пакет с кредитками.

— Я никогда не проигрываю, — даже обиделся Борянский, — нет-с, в эти двое суток у меня недурной улов был; до двадцати пяти тысяч я как раз восемь сотен с тремя десятками недобрал... Вот я этот недобор из этой тысячи и восполню и кругленькой суммой в двадцать пять тысяч в банк внесу. Оно остроумно и выходит: выиграю в банк и будет положено тоже в банк. Но не карточный стол, а государственный!

Борянский взял деньги, пересчитал их, зажав в кулаке, и, видимо, считая весь разговор оконченным, раскланялся с Люсли, заявив ему, что теперь он пойдет спать, но что в четверг придет на заседание. Затем он удалился, держа в кулаке деньги, полученные от Люсли.

Глава III

Аукцион

Иван Михайлович Люсли, разговаривая с Борянским, несколько раз посматривал на часы, как человек, который торопится и поэтому не может пускаться в долгие разговоры.

Он остался доволен краткостью своей беседы с Борянским и, выходя от него и садясь в свою карету, еще раз посмотрел на часы, которые показывали без двадцати минут два, и проговорил:

— Я еще успею...

Не более как через десять минут он подъехал к небольшому одноэтажному дому-особнячку на Моховой улице.

По-видимому, в этом доме был съезд. У крыльца стояло несколько собственных экипажей и извозчиков, но съехались сюда, по всем признакам, отнюдь не гости.

В передней не было прислуги, она не выскакивала на крыльцо навстречу подъезжавшим экипажам.

На крыльце топтались какие-то чуйки, некоторые окна были отворены и в них можно было увидеть внутри дома свободно расхаживающих людей самых различных сословий. Тут были и щеголи, и бородатые купцы.

Было похоже, что в доме происходят похороны. В сущности, так оно и было на самом деле, только хоронили не человека, а его состояние, распродавая последнее, что у него было.

Дом этот принадлежал Максиму Геннадьевичу Орлецкому и продавался с аукциона вместе со всей находившейся в нем обстановкой.

Кто, собственно, был этот Максим Геннадьевич Орлецкий, никто хорошенько не знал. Не знали также, почему продается с аукциона его имущество — за долги или по какому другому случаю.

В «Петербургских ведомостях» было помещено об этом аукционе объявление, и по этому объявлению в дом на Моховую съехались и сошлись разного звания люди.

Начало аукциона было назначено на два часа, и Люсли, по-видимому, сильно интере-

совался продажей, потому что торопился попасть к этому времени. Войдя в дом, он не стал осматривать продававшиеся вещи и обходить дом, а преспокойно сел в первой, служившей залом комнате на стул и, заложив ногу за ногу, принялся терпеливо ждать, когда начнется аукцион...

Последний начался минут на сорок позднее назначенного часа, и было объявлено, что сегодня будут продаваться книги из библиотеки, причем первыми пойдут дорогие, старинные.

Эти книги, несмотря на то, что они были «дорогие и старинные», были оценены в два и в три рубля. Они так и пошли за эту цену, потому что никто из присутствующих почти ничего не добавлял, и аукционист то и дело постукивал в третий раз молоточком и обращался к тому, кто накидывал пятак, или, в лучшем случае, двугривенный против оценки, со словами:

— За вами!

Дошла очередь до старого латинского молитвенника, обтянутого кожей, с медными застежками.

— Латинский молитвенник! — провозгла-
сил аукционист. — Оценка — полтора рубля..
Кто больше?

— Пять копеек, — сказал Люсли.

— Рубль пятьдесят пять, — протяжно, на-
распев, привычным тоном произнес аукцио-
нист. — Кто больше?

— Рубль... — вдруг послышался голос из уг-
ла, противоположного тому, где сидел Люсли.

Голос был довольно хриплый и неприят-
ный.

Люсли, приподнявшись со своего места,
постарался рассмотреть своего конкурента,
посмеявшего сразу на рубль повысить цену на
молитвенник.

Это был человек в довольно потертом го-
роховом костюме, в мятой, далеко не первой
свежести рубашке, с торчащими во все сторо-
ны взъерошенными усами. Эти усы служили
как бы главным отличительным типом его
существа. Он сидел, слегка склонив голову, и,
зажмурив правый глаз, левым издали глядел
на лежавший на столе аукциониста молит-
венник так, будто бы целился в него.

— Два рубля пятьдесят пять копеек... Кто

больше? — выкрикнул аукционист.

— Пять копеек! — поспешно добавил Люсли.

— Рубль! — сейчас же прозвучал хриплый голос конкурента.

Люсли не отстал; он сейчас же набавил пятак, и тут же со стороны его конкурента раздалось, как эхо, «рубль!».

Так они стали перекликаться, и аукционист едва успевал подхватывать и выкрикивать набавленную цену.

Цена уже была набита до ста трех рублей тридцати пяти копеек, но Люсли все прибавлял по пятак, а его конкурент — по рублю.

Наконец, тот, словно размахнувшись, вдруг стал прибавлять по двадцать пять, а Люсли хватил сто рублей сразу.

— Двести тридцать два рубля пятьдесят пять копеек! — провозгласил аукционист.

— Двадцать пять рублей! — спокойно прибавил хриплый голос усатого человека.

Люсли начал горячиться и прибавлять десятками рублей.

Среди присутствовавших начался удивленный шепот, почему это вдруг латинский

молитвенник так непомерно растет в цене. Большинство никак не могло предположить, чтобы книга могла оцениваться сотнями рублей и чтобы могли найтись люди, способные заплатить за книгу такие деньги.

Не менее других был удивлен и сам аукционист. Много вещей приходилось ему продавать на своем веку, но во всей своей практике он не помнил случая, чтобы цена на книгу росла так, как теперь.

Цена уже перевалила за тысячу, а конкуренты все набавляли, и ни один не желал отступать.

Первым все же стал выказывать беспокойство Люсли. Он достал кошелек, перебрал все находившиеся там золотые, достал бумажник и пересчитал находящиеся там деньги.

Всего у него было тысяча восемьсот восемь рублей — цифра особенно оставшаяся у него в памяти, потому что она случайно совпадала с цифрой года, в котором все это происходило, и он шел до этой цифры. Но вот его конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять рублей, и Люсли вынужден был отстать.

Он был бледным как полотно и сильно

взволнован, когда аукционист, ударив молотком по столу, громогласно заявил:

— Тысяча восемьсот двадцать пять третий раз!.. — и затем, обращаясь к усатому человеку, добавил: — За вами!..

Люсли сжал кулаки, стиснул зубы и, топнув ногой, в досаде пошел к двери, показывая этим, что только и интересовался на аукционе латинским молитвенником и не желает больше оставаться, так как не хочет покупать больше ничего.

Он выскочил на крыльцо в таком виде, как будто готов был упасть в обморок — настолько поражен он был своей неудачей.

На свежем воздухе Люсли вздохнул немного свободнее и остановился, вбирая в себя этот воздух и вместе с тем как бы обдумывая, что ему теперь делать.

Пока он так стоял на крыльце, появился и его более счастливый конкурент, который тоже приходил, видно, на аукцион за молитвенником и, приобретя его, вполне удовлетворился и теперь уходил домой.

— Скажите, пожалуйста, — обратился к нему Люсли. — Почему вы так набавляли це-

ну на молитвенник?..

Усатый человек поглядел на него прищурясь и принял такой гордый вид, который совершенно не соответствовал ни потертому гороховому костюму, ни его взъерошенным усам.

Люсли увидел, что с этим человеком нельзя было обращаться бесцеремонно, и потому поспешил назвать себя и спросил, в свою очередь, с кем имеет честь.

Тогда его конкурент галантно расшаркался (на ногах его вместо сапог было нечто вроде спальных туфель) и, сняв картуз, проговорил:

— Я наречен при крещении Орестом, а фамилия моя Беспалов!.. Чем могу служить вам?

— Мне хочется узнать, почему вы так набавляли цену на молитвенник?

Орест Беспалов поставил усы ежом, задумался и пожевал губами, а потом спросил:

— Вы в карты когда-нибудь играли?

Люсли удивился неожиданному вопросу, но все-таки ответил:

— Играл!

— Ну так должны знать, что такое фант! С географией вы тоже, вероятно, знакомы?

— Ну!..

— Ну, значит, знаете, что такое Азия? А все вместе выйдет фантазия... Поняли?

— Ничего не понял! — сказал Люсли.

— Странно! — сказал Орест, — А между тем все так просто, как «добрый день», как говорят французы! Такова была моя фантазия, чтобы набавлять именно на молитвенник цену.

— И вы бы мне не уступили ни за что?

— Ни за что!

— И все только из-за фантазии?

— Только из-за фантазии!

Глава IV

Орест Беспалов

— Но, может быть, теперь, когда ваша фантазия, так сказать, удовлетворена, — проговорил Люсли, — вы согласитесь перепродать мне этот молитвенник?

Орест покачал головою и, подняв палец, помотал им в воздухе:

— Никогда!

— Почему же это?

— Это — наша государственная тайна...

— Ваша? Значит, вы не один знаете ее, а и еще кто-то?

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что иначе вы бы сказали не «наша», а «моя»...

Орест нахмурил брови и строго произнес:

— Во-первых, должен вам, досточтимый джентльмен, заметить, что Орест Беспалов имеет обыкновение говорить про себя во множественном числе, хотя и признает, что он — единственный в мире и что доказано несомненными данными; а, во-вторых, в дан-

ном случае вы совершенно правы: эта государственная тайна не моя, а другого лица... И тут есть еще и третье лицо... Замечаете мое красноречие?..

Люсли некоторое время подумал, потом вдруг предложил Оресту:

— Не хотите ли пойти позавтракать?

— Вы хотите угостить меня или хотите, чтобы я вас угостил?

— Нет, отчего же?.. Я с удовольствием поставлю вам бутылку вина.

— Не пью! — пожал плечами Орест.

— Не пьете, вы?!

— Ну да... Вина не пью!

— А что же?

— Только водку! Всем другим пренебрегаю: кислятина!

— Отлично. Я угощу вас водкой!

— Покорно благодарю, с удовольствием. Сейчас же видно, что вы — человек воспитанный, а с таким я всегда охотно вступаю в общение. Это ваша колесница? — спросил Орест, показывая на карету Люсли.

— Моя, — ответил тот. — Не угодно ли вам сесть?

— С восхищением!.. — И Орест ловко вско-
чил по подножке в экипаж с таким видом,
словно бы кататься в каретах для него было
дело привычное.

Люсли, одетый франтом, сообразил, что
ему неудобно будет показаться в хорошем ре-
сторане вместе с таким по виду невзрачным
товарищем, каким был Орест Беспалов, и ве-
лел кучеру своей кареты остановиться у трак-
тира средней руки, где, по правде сказать,
очень редко останавливались кареты...

Зато их встретили с поклонами и проводи-
ли не в общий зал, а в отдельную комнату,
предназначенную для почетных посетителей.

— Так что же заказать? — обратился Люс-
ли к Беспалову.

— Вина и фруктов! — сказал тот.

— Но вы ведь вина не пьете?!

— О, святая простота! — улыбнулся
Орест. — Под вином подразумевается водка, а
под фруктами — огурцы!

— Значит, водки и закуски?

— Вот именно.

Люсли распорядился.

Видно, он был очень заинтересован молит-

венником, купленным Беспаловым на аукционе, если не погнушался познакомиться с этим не только по облику подозрительным субъектом, но и по разговору тоже, и отправился с ним вместе в трактир...

Не могло быть сомнения, что Беспалов купил молитвенник не для себя — откуда ему было взять тысячу восемьсот двадцать пять рублей?

Но странным казалось, что кто-то мог ему доверить такую сумму?

Все это Люсли надеялся выяснить.

Поэтому, когда принесли водку и закуску, он сначала дал Оресту выпить хорошенько, а после этого принялся его расспрашивать.

Сам-то он знал, почему можно было дать такие большие деньги за молитвенник, и его интересовало, известно ли это самое Беспалову или тому, кто ему дал это поручение?

— Итак, вы купили молитвенник на том основании, что это — ваша государственная тайна? — начал Люсли, когда Орест опрокинул три рюмки водки, причем, первую закусил кусочком черного хлеба с солью, а после второй и третьей только понюхал корочку.

— Да-с, это — тайна, так сказать, Впрочем не такая уж и сокровенная, — заявил Беспалов, заметно подобрев после выпитой им водки.

— А в чем тут дело? — подзадорил его Любли.

— Все дело тут в том, что оный молитвенник составляет до некоторой степени семейную реликвию...

— Вашу?!

— Нет, не мою, но лица, мною покровительствуемого...

— Вы кого-нибудь покровительствуете?

— То есть, положим, что это выражение не совсем подходящее, потому что правильнее было бы сказать, что мы с ним просто в отличных, даже дружеских отношениях...

— Как же его зовут?

— Его полное имя — Александр Николаевич Николаев, а в аристократическом обществе все его зовут сокращенно — Саша Николаич...

— И этот молитвенник составляет его фамильную реликвию?

— Совершенно верно, — этот вопрос, похо-

же, ничуть не смутил Беспалова, и потому он, не задумываясь, продолжал: — Этот молитвенник некогда принадлежал аббату Жоржелю, ставшему впоследствии...

— ...кардиналом Аджиери, — подсказал Люсли, не выдержав.

— Вот-вот, кардиналом Аджиери, оно самое.

— Так какое же отношение имеет кардинал Аджиери к господину Николаеву?

— Так он ни более, ни менее, как отец этого господина Николаева.

— Так Николаевич — сын кардинала?!

— Да, и еще одной русской графини, то есть, вернее, одной бывшей графини, а теперь просто госпожи Дюплон...

— Это что-то очень сложное...

— Да, история очень длинная и непростая; это, смело можно сказать, не медведь в трубку начхал... Романея... печальная романея!..

— Как вы сказали?

— Я говорю, романея, то есть романтическое происшествие, и если вы — писатель или хотя бы желаете стать таковым, не сможете заимствовать готовый сюжет...

— Расскажите, пожалуйста...

Орест Беспалов покачал головой.

— Если все рассказывать, так в этом графинчике водки не хватит...

— Вы не беспокойтесь, я велю подать еще, — заявил Люсли, после чего налил и себе рюмку водки и выпил ее приемом человека, тоже умеющего обращаться с этим напитком.

— Тогда извольте, — согласился Орест — Надобно вам сказать, что я жил в так называемой своей семье, которая состояла из четырех человек: меня, то есть Ореста Беспалова, моего брата, слепого Виталия, молодой девицы, воспитанницы, или приемной дочери, Марии, и нашего отца, титулярного советника в отставке Власа Семеновича Беспалова. Сей почтенный гражданин земли русской разгуливал больше по дому с трубкой и в халате. Слепой Виталий сидел в углу и мечтал о том, сколько миллиардов ему нужно для исполнения его мечтаний. Девица Мария, отличавшаяся необыкновенной красотой, брала работу — шитье от различных лиц аристократического происхождения — и тем увеличивала наш скромный бюджет... Я по преиму-

ществу ходил в трактир и играл там на бильярде...

— Да что вы все про себя рассказываете? Вы мне расскажите про Александра Николаева и про молитвенник...

— Дойдет дело и до всего этого. Вы только следите внимательно за нитью моего рассказа, а также за тем, чтобы была в графинчике водка...

Люсли велел принести еще водки.

Глава V

Рассказ Ореста

— Титулярный советник Влас Семенович Беспалов, в сыновьях которого я имею честь состоять, — продолжал Орест, — обладал домишком весьма низменного, правда, свойства, но все-таки довольно приличного для местожительства нашего, извините за выражение, семейства. Досточтимый мой родитель нашел, что наше обиталище несколько просторно, и что имеется возможность сдавать одну комнату, хотя, заметьте, я, Орест Беспалов, имел свое логовище в проходном коридорчике за шкафом. Как сейчас помню это время. Родитель сам написал на куске бумаги: «Сдается комната со всеми удобствами», сам сварил и клейстер и, не пожалев его, наклеил эту бумагу с надписью на окно, и вот эту-то комнату и занял упомянутый уже мною Александр Николаевич Николаев, с которым впоследствии я сошелся так, что не могу упустить случая, простите, выпить за его здоровье.

Орест налил себе еще водки, выпил, а потом опять заговорил:

— Господин Николаев был молодым человеком, блиставшим, можно сказать, в петербургском обществе, но не знавший ни отца своего, ни матери и вообще не имевший никаких сведений о своем происхождении. Однако по паспорту он значился дворянином, был воспитан в Париже неким человеком, а затем, после смерти этого человека и по его указанию, перебрался в Петербург и получал здесь через заграничный банкирский дом неизвестно от кого изрядную сумму, кажется, тысячу рублей в месяц. Ну, разумеется, эти деньги позволяли ему быть среди высшего общества столицы, и все прочее... Как вдруг в банке ему сообщили, что выдача денег ему прекращается и он их больше получать не будет... Александр Николаевич распорядился круто, и это послужило ему спасением, потому что он отыскал меня... Он решил, лишившись средств, немедленно изменить свою жизнь, катившуюся до сих пор для него слишком роскошно, и тогда же нанял сдававшуюся титулярным советником Беспаловым комна-

ту. Тогда-то мы и встретились и с тех пор уже не расставались.

— И что же, он тоже очень любит выпить? — усмехнулся Люсли.

— К сожалению, — вздохнул Орест, — у него есть огромный недостаток: он совершенно не признает водки и, несмотря на все мои убеждения, пренебрегает этим напитком... Мало того... даже меня он старается отучить от водки, хотя это все равно, что отучить месяц ясный от солнечных лучей, которыми он и светит... А вы знаете? — вдруг перебил сам себя Орест. — Это же так здорово сказано, что я даже по этому поводу выпью...

— Ну, хорошо, так что же Николаев-то?

Орест снова выпил, закусил огурцом и продолжил свой рассказ:

— Вы спрашиваете, что сделал Николаев?... Он нанял у нас комнату и жил якобы в бедности. Но затем в Петербурге объявился француз Тиссонье, бывший приближенный его отца, чтобы сообщить ему о смерти его отца, кардинала Аджиери, который и оставил ему все свое состояние, а оно заключалось в мызе, расположенной в отдаленной от нас стране

Голландии. Надобно вам сказать, что этот кардинал Аджиери в прежнее время под именем аббата Жоржеля служил у знаменитого кардинала де Рогана личным секретарем. В это время он, то есть аббат Жоржель, сошелся с некоей русской графиней, и у нее в Амстердаме от него родился сын, которого она была вынуждена скрыть от своего мужа, находившегося тогда в России. Аббат взял на себя все заботы о дальнейшей судьбе ребенка и исполнял их свято, хотя и не мог держать мальчика при себе даже в качестве воспитанника, потому что этот мальчик был как две капли воды похож на него. Он воспитал мальчика, дал ему средства к существованию, и средства очень большие, а затем, когда он умер, оставил ему и все свое состояние.

— И большое? — поинтересовался Люсли.

— Огромное! — сказал Орест. — Мы с Александром Николаевичем были в Голландии и вступили в права наследства, а потом, когда уже вернулись в Петербург, случайно нашли тут и свою мать. Это была графиня Савищева, женщина очень богатая, но затем, по воле рока или, вернее, происков злых людей, лишив-

шаяся всего своего состояния и даже имени... Дело было в следующем: оказалось, что она была венчана по подложному документу и потому ее брак с графом Савищевым был расторгнут, ее сын был объявлен незаконным и лишился таким образом своего титула, а их состояние по закону перешло к ее племяннице. И вот эта несчастная женщина, как пишется в повестях, была в чрезвычайно бедственном положении, когда вдруг совершенно случайно благодаря одному документу выяснилось, что мой приятель Николаев — не кто иной, как ее родной сын... И он снова окружил ее царственной роскошью.

— Ну а тот, другой, бывший граф Савищев?.. Что с ним сделалось? — тихо проговорил Люсли, слушавший все это с опущенной головой.

— А он пропал неизвестно куда! — ответил Орест.

Люсли провел руками по лбу и после некоторого молчания, не сразу спросил:

— Ну, а она сама, эта бывшая графиня Савищева, вспоминает ли она когда-нибудь его?..

— Кого это? — не понял Орест.

— Своего пропавшего сына?..

— Нет, редко, — равнодушно произнес

Орест.

— Ну, хорошо, — не стал дальше спрашивать Люсли, — а этот молитвенник?..

— За который вы давали на аукционе бешеную цену? — поинтересовался Орест.

— А вы дали еще больше...

— Ну, я-то давал известно почему... а вот вы-то ради чего так лезли на стену?.. Хотя, я вижу теперь, что молитвенник этот стоит тех денег, раз вы готовы были заплатить...

— Я просто любитель старых и редких книг, — пояснил Люсли, — и не мудрено, что желал приобрести редкий экземпляр, не жалея никаких денег... но почему вы-то решились дать такую сумму...

— Да потому, что тут для меня в некоторой степени шел вопрос о жизни и смерти... Дело в том, что на покровительствуемого мною, вольного кабальера Николаева нисходит иногда такое странное желание отучить меня от водки... Тогда он меня лишает так называемых ливров, и тогда перестает мне давать

деньги на приобретение необходимого для моей природы количества алкоголя... Можете вы войти в мое положение?.. Мое существование тогда превращается в подлое прозябание, которое совершенно не соответствует достоинству Ореста Беспалова. Я не знаю, какую же надо иметь ожесточенную душу, чтобы обвинить меня в том, что я, лишенный водки, в тоске по ней спер латинский молитвенник у француза Тиссонье... «Ведь француз знает и без того этот молитвенник наизусть... так зачем он ему?» — рассудил я и снес книгу к букинисту. Тот мне за нее дал пять рублей. Ну, разумеется, и разыгралась история! Саша Николаич поставил мне ультиматум: или чтобы я достал назад молитвенник, или чтобы я ему больше на глаза не показывался... Это было довольно неделикатно с его стороны, но я решил не обращать внимания на эту неделикатность, потому что, между нами, джентльменами... знаете... это — наплевать, как говорила королева Мария Антуанетта... Мой милейший Саша Николаич велел мне не стесняться в деньгах, лишь бы откупить молитвенник, но оказалось, что букинист, которому

я уже спустил молитвенник, успел его продать господину Орлецкому, а тут еще, как нарочно, этот аукцион у него... вот я и едва подоспел...

— И торговали на деньги господина Николаева?

— Истина говорит вашими устами!

— И не постеснялись дать тысячу восемьсот рублей?

— Такова уж ширина моей натуры!

— Ну, благодарю вас за сведения... Мне уже пора отправляться восвояси...

— Куда же вы? — с некоторым сожалением протянул Орест. — Вы бы лучше велели мне еще водки, а я бы вам рассказал о нашем пребывании в Голландии...

— Как-нибудь в другой раз, а теперь я уже тороплюсь. У меня стоят дела. Где вас можно найти?

— В доме Александра Николаевича Николаева...

— У него свой дом?

— Да. На Невском проспекте, двухэтажный каменный, недалеко от Аничкова моста, с садом... Так вы положительно уходите сейчас?

— Ухожу.

— Значит, дальше мне на свой счет пить?..
Грустно! Вы, может быть, хоть на бильярде играете? Хотите партию?..

— Нет, благодарю вас...

— Жаль! Вы такой отличный собеседник!..

Но Люсли уж не стал дальше слушать его, а, простившись с Орестом, ушел из трактира. После его ухода Орест приказал половому:

— Принеси мне теперь графинчик за мой собственный счет!..

Глава VI

Тень прошлого

Выйдя из трактира, где он только что беседовал с Орестом Беспаловым, Люсли выказал поспешность необычайную. Он вскочил в карету и крикнул кучеру:

— Как можно скорее домой!

Домом Люсли оказалась гостиница в Новоисакиевской улице, куда и привезла его карета во весь дух, потому что он то и дело погонял кучера.

Люсли занимал номер в дорогом нижнем этаже и быстро прошел к себе.

Его ждал высокий благообразный старик с длинною седою бородой и волосами, выбившимися из-под черной шапочки, которую он не снял и в комнате. Одежду старика составлял длинный черный немецкий оберрок старинного фасона и по-старинному же на его ногах были чулки, башмаки с пряжками и короткое исподнее платье.

По виду старика можно было принять за ученого восемнадцатого столетия, как бы слу-

чайно забытого на земле в девятнадцатом веке. Он сидел в большом кресле спиной к окну, так что мог сразу же разглядеть вошедшего Люсли.

Последний, войдя, поклонился так, точно хозяином здесь был не он, а ожидавший его старик.

— Ну что? — спросил тот, не отвечая на поклон Люсли и лишь пристально уставившись на него своими горячими, как уголья, глазами. — Молитвенник куплен?

Люсли, видимо, не ожидал ни такого сурового тона, ни такого определенного вопроса. Он остановился и почувствовал, что бледнеет и невольная дрожь охватывает его. Подобного пронизывающего взгляда он еще никогда не видел.

— Нет, — нерешительно произнес он.

— Нет? — переспросил старик. — Молитвенник не куплен, несмотря на мое приказание купить его во что бы то ни стало?

— На это у меня не нашлось денег, — слабо возразил Люсли.

— Вы пошли торговаться на аукцион, не захватив с собой даже денег?!

— Со мной было всего тысяча восемьсот рублей, а мой конкурент дал тысячу восемьсот двадцать пять...

— Надо было дать больше!..

— Но у меня с собой было всего тысяча восемьсот восемь рублей! Я никак не ожидал, что кто-нибудь будет так набавлять и мне таких денег не хватит...

— Вы, значит, не имеете понятия об условиях аукциона. Даже имея меньшую сумму в кармане, вы могли бы набавлять сколько вам угодно!..

— Как это так? — удивился Люсли.

— Очень просто, — пояснил старик, — ни в одном аукционе не требуют немедленного взноса платы. Вам сегодня было бы достаточно только внести небольшой задаток, а плату вы бы могли внести завтра или даже позже...

Люсли опустил голову на руки.

— Я же этого не знал! — прошептал он.

— А между тем это настолько просто, что я даже не счел нужным предупредить вас об этом, — проговорил старик. — К сожалению, я не знал, что имею дело со столь малоосведомленным человеком! Как же вы не справились

ранее обо всем? Ведь вы знали, насколько важно для общества иметь этот молитвенник в руках!..

— Знал!

— Вы знали, что то, что скрыто в этом молитвеннике, стоит неизмеримо больше несчастных тысячи восьмисот рублей?..

— Знал!

— И все-таки упустили эту вещь, упустили по-детски, по-младенчески легкомысленно!.. А это же было ваше первое дело, порученное вам мною, обществом нашим. Я знал, что вы — новичок еще и потому дал вам легкое поручение, но вы и его не сумели исполнить. А это означает, что вы доказали свою полную неспособность. Общество не сможет в дальнейшем доверять вам. Я приказываю вам немедленно вернуть вашу фиолетовую кокарду, вы лишаетесь вашего цвета. Я вас заменю другим членом общества...

При этих словах старика Люсли отступил на шаг назад и, прижав одну руку к груди, провел другою по воздуху, как бы желая отстранить нечто, надвигающееся неумолимо на него.

— Я не отдам своей кокарды! — решительно произнес он.

Старик усмехнулся и сказал:

— Вот как? Вы насильно хотите остаться одним из семи?

Люсли всплеснул руками и заговорил взволнованно и быстро:

— Нет, я ничего не хочу делать насильно, но я буду просить вас, молить, потому что имею право больше, чем кто-либо, носить эту кокарду. Тем, что я не купил сегодня на аукционе молитвенника, еще не все потеряно, решительно ничего, потому что я знаю, в чьих он руках. Молитвенник опять вернулся к французу Тиссонье, от которого попал к буккинисту, продавшему его Орлецкому. Но этот Тиссонье, этот наперсник кардинала Аджиери, он же находится при сыне кардинала, Николаеве. А этот самый Николаев — заклятый враг мой, понимаете ли. Я не отступлю ни перед чем в отношении его, если это будет нужно. Я должен во что бы то ни стало свести с ним свои счета. Вы — новый Белый для нас, только что приехавший в Россию, — хотя и владеете отлично русским языком, но не зна-

ете всего того, что происходит здесь и что происходило до вас. Вы не знаете, ни кто я такой, ни что я такое. Ну, так вот, я вам расскажу... Я расскажу вам, потому что вы — Белый, соединяющий все семь цветов, — властвуете над нами и, значит, властвуете и надо мной. Так слушайте же! Эти рыжие волосы — не мои, они поддельные. Эти огромные синие очки, которые я ношу, служат мне для того, чтобы изменить мое лицо так, чтобы меня не опознали. Я называюсь Иваном Михайловичем Люсли, а на самом деле я родился графом Савищевым Константином. Я еще совсем недавно был богат, жил в роскошном доме, у меня была мать, обожавшая меня... И я был дружен с этим Николаевым, но был принужден разойтись с ним, потому что он перестал вдруг получать деньги, составлявшие его ренту, словом, он вдруг обеднел и не мог поддерживать прежние знакомства. Когда я сказал ему это, то он еще и назвал меня подлецом. И этого-то «подлеца» я не прощу ему никогда! С тех пор меня стали преследовать несчастья. Я позарился на большое дело, у меня выманили метрическое свидетельство моей матери и

устроили так, что оно вдруг оказалось подложным. Как это вышло, я не могу разобраться до сих пор, но в конце концов на основании этого подложного метрического свидетельства брак моей матери с моим отцом, графом Савищевым, был расторгнут, а я был объявлен незаконным сыном!.. Наше состояние перешло к моей двоюродной сестре, и я сразу же оказался нищим со старухой-матерью на руках, лишенным рода и племени, лишенным даже имени... И вдруг снова появляется этот Николаев, Саша Николаич, как все мы его звали. Он стал богатым, он владеет огромным состоянием, полученным им от отца, и теперь пренебрегает мною, которому он бросил в лицо «подлеца»... Этого я не мог вынести... Чаша моего терпения переполнилась, и я, правда, плохо сознавая окружающее, вышел на улицу, пошел, сам не зная куда, очутился на мосту и бросился в реку. Жить мне стало невозможно. Но, оказалось, за мной следили! Меня спасли, и спасен я был по приказанию вашего предшественника, который, вернув мне жизнь, не захотел снова вернуть меня к нищете, но дал мне руководителя. По-

следний мало-помалу посвятил меня в тайны общества «Восстановления прав обездоленных» и взамен этого потребовал от меня отречения от всех прежних связей, потребовал, чтобы я даже оставил мать, словом, все, и предался исключительно обществу. Я согласился на все, лишь бы мне дана была возможность отомстить моему обидчику. И мне обещали это. Я согласился на все, сегодня я исполнял первое данное мне поручение от общества, и вот при исполнении этого первого своего поручения опять же наткнулся на того же Николаева. Молитвенник был куплен его посланным. Мне кажется, это сама судьба посылает мне его. И я сделаю все, чтобы достать для общества этот молитвенник, хотя бы для этого мне пришлось бы убить Сашу Николаича. О, будьте покойны, я не моргну, делая это, — до того он мне ненавистен. Вот почему я не хочу отдать кокарду и молю не лишать меня моего цвета. Если вы сделаете это, уверяю вас, вы лишитесь самого преданного, самого отчаянного слуги вашего общества.

В начале XIX столетия народилось так много таких секретных обществ, которые, наряду

с масонами, розенкрейцерами, перфектиби-
листами и другими всевозможными брат-
ствами преследовали более или менее возвы-
шенные цели, прикрывая их таинственными,
мистическими оболочками различных обря-
дов и условностей. Общество «Восстановле-
ния прав обездоленных» было организовано
по образцу тех мистических союзов, то есть с
известной иерархией, посвящениями, разде-
лениями на степени, совершением обрядов. И
в первые годы своего существования оно ис-
кренне помогало только обездоленным, отыс-
кивая действительных наследников, чтобы
помочь им в получении следуемых им по за-
кону или по завещанию состояний от умер-
ших родственников. Вначале члены общества
отчисляли в свою пользу лишь самый незна-
чительный процент от сумм наследства, что-
бы иметь возможность поддерживать суще-
ствование общества, но впоследствии этот
процент постоянно увеличивался, и общество
стало главным образом заботиться только о
себе, стремиться к своему личному обогаще-
нию, и таким образом превратило благород-
ные идеи в средство самой грубой наживы.

Не довольствуясь уже и крупными процентами с разысканных ими наследств, члены общества перестали отыскивать лишенных состояния, чтобы восстановить их права, а старались прежде всего найти богатые спорные наследства и сделать затем так, чтобы львиная часть их пришлась на их долю, а якобы облагодетельствованные ими наследники получали оставшиеся крохи. Но в это время они стояли на почве самого строгого закона и обделывали все свои дела так, что к ним никак нельзя было бы придраться. При этом они пользовались огромными связями и капиталами.

Главари, направлявшие «рабочие силы», находились в штаб-квартире в Париже. Отделения их и агенты были разбросаны повсюду.

Обрядовая мистическая сторона общества совершенно утратилась в погоне за материальными благами и их единственным пережитком были кокарды и разделение вожаков и агентов общества по цветам.

Люсли говорил долго, а старик молча, терпеливо слушал его. Бесстрастное, спокойное его лицо все время оставалось неподвижным,

и по нему нельзя было определить, о чем он думал и как относился к этой горячей речи бывшего графа Савищева. Наконец, когда тот закончил, старик на него поднял медленно взор и сказал:

— Все это так. Но неужто вы думаете, будто бы мне все это не известно?

Люсли растерянно взглянул, он никак не ожидал такого...

— Вам все это было известно?

— Ну, разумеется, иначе я бы не годился в ваши Белые тут, в Петербурге, если бы не знал о составе всех цветов. Разумеется, мне все это было известно!.. Но я не перебивал вас, пока вы все это говорили, потому что мне нравилась та горячность, с которой вы делали это... И эта ваша горячность и спасает вас в моих глазах... Хорошо! На этот раз сохраните свой цвет и постарайтесь дальнейшей деятельностью своей заслужить мое одобрение и одобрение общества.

— О! — воскликнул Люсли. — Поверьте, что я достану этот молитвенник!..

Старик встал со своего места, подошел к нему и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Помните одно! Ничего не делайте по собственному почину, без моего приказа, иначе я отниму у вас кокарду.

После этого он вышел, махнув рукой Люсли, чтобы тот не провожал его.

Глава VII

Месье Орест опять «нездоров»

Орест Беспалов выпил на собственный счет еще целый графинчик и так «разукрасился», что домой возвращался совсем не твердыми шагами. Он шел пошатываясь, на растопыренных ногах, как ходят по палубе моряки, и громко рассуждал сам с собой.

Рассуждения Ореста были очень глубокомысленны, и он изредка находил, что дважды попал не туда, потому что положительно плохо было то, что он был в незнакомом трактире, так как из знакомого ноги сами идут домой по привычке, а тут удивительно трудно сообразить, где он и куда надо идти.

Конечно, можно было бы спросить, но все дело в том, что бывает удивительно трудно выговорить такие слова, как «Невский проспект!». Но вот Орест отыскал эту улицу, а на ней и дом Саши Николаича.

Стараясь держаться теневой стороны, он обогнул этот дом, причем на углу, на поворо-

те, удержался за водосточную трубу и проник к растворенному окну в кабинет Саши Николаича. Тут Орест, после невероятных усилий, уселся на подоконник и прислонился к косяку.

Его появление было замечено Сашей Николаичем, сидевшим у себя в кабинете и читавшим книгу. Увидя Ореста на подоконнике своего окна, он сейчас же понял, что тот опять напился.

— Что вы тут делаете?.. Зачем безобразничаете?

— Гидальго! — беспомощно произнес Орест, помотав головой. — Я должен немедленно иметь у вас аудиенцию по весьма серьезному делу, а я между тем помню завет...

— Какой еще завет?

— Не переступать порога вашей священной обители в нетрезвом состоянии. А так как я нахожусь в таковом, то и вышел из положения со свойственной мне гениальностью, сев, как вы видите, на подоконник с внешней стороны вашего кабинета!

Николаев махнул рукой и только спросил:

— Где это вы так напились опять?

— Невозможно было иначе! — энергично заговорил Орест. — Закон светских приличий того требовал... понимаете, гидальго? Новое аристократическое знакомство, великолепный джентльмен в собственной карете... трактир... и все такое прочее... И все по поводу такого священного предмета, как молитвенник... Отсюда вы видите, что я руководствовался возвышенными чувствами!

— Да! — вспомнил Саша Николаич. — Вы же должны были откупить на аукционе молитвенник... Ну, хоть это-то вы сделали, по крайней мере!..

Орест пожал плечами.

— Разве вы могли сомневаться в словах Ореста Беспалова? Разумеется, купил!

— И где же он, этот молитвенник?

— Остался в руках аукционного мастера, которому я смог внести выданную мне вами сумму задатка с тем, что остальное доплачу потом...

— Но ведь я вам дал сто рублей!

— Совершенно верно.

— И вы их внесли только в виде задатка?!

— Д-да!

— И за сколько же вы купили молитвенник на аукционе?

— За тысячу восемьсот двадцать пять рублей!

Саша Николаич выпустил из рук книгу и открыл рот.

— Да вы как? — спросил он. — Напились-то до аукциона или после?..

— Нет, гидальго, после!.. И напился я в обществе того самого джентльмена, который и набавлял цену! Во всяком случае, можно утешаться тем, что молитвенник, значит, стоит таких денег... Вероятно, это величайшая библиографическая редкость!..

— Тысяча восемьсот двадцать пять рублей! — повторил потрясенный Николаев.

— Да ведь вы же сами, — остановил его Орест, — изволили сказать мне, чтобы я не стеснялся в деньгах, если нужно!

— Ну, хорошо... Ну я-то думал... ну там сто рублей все... Но чтобы такую сумму доплатить!..

— Да кто это вам сказал, гидальго, что ее надо платить?

— А как же иначе? Я хочу вернуть этот мо-

литвенник во что бы то ни стало!..

— И вернете!

— Каким же это образом?

— Гениальность Беспалова, — Орест подтянул и утвердил обе ноги на подоконник, обхватил их руками, оперся подбородком о колени и пристально посмотрел на Сашу Николаича, после чего произнес: — Сегодня на аукционе торг, и на нем догнали цену молитвенника до тысячи восьмисот двадцати пяти рублей... В счет этой суммы я внес сто рублей, а остальные деньги вносить я вовсе не собираюсь. . тогда молитвенник поступит на переторжку, на которую я явлюсь, а мой конкурент, вероятнее всего, больше не появится, и на переторжке молитвенник останется за мною рубля за два-три... Ведь книга — не водка, и таких любителей, которые платили бы за нее большие деньги, можно встретить не каждый день... Таким образом, вся операция будет стоить вам сто три или сто четыре рубля... Вы поняли теперь?

— Да, теперь понял.

— Ну, еще бы, когда я так все толково разъяснил!.. Ну а теперь, гидальго, до свидания, я

отправляюсь отоспаться, по обыкновению, к родителю своему, титулярному советнику Беспалову, ибо вполне сознаю, что в моем настоящем виде я в этот дом неприемлем!

— Ну, так уж и быть! — усмехнулся Саша Николаич. — Пройдите в вашу комнату потихоньку и выспитесь там!

Орест спрыгнул с подоконника, пошатнулся, но самостоятельно выпрямился во весь свой рост и произнес:

— Орест Беспалов не унижится до снисхождения... В милостях не нуждаюсь, поэтому удаляюсь под родительский кров... Будьте здоровы!..

Он снял картуз, раскланялся и исчез.

В это время в кабинет входила маленького роста старушка с высокой прической и лицом маркизы.

Саша Николаич обернулся к ней и спросил:

— Вы ко мне, маман?.. Отчего вы не послали за мной, а обеспокоились сами?

— Ах, мой миленький, — быстро заговорила она, — ну какое же тут беспокойство?.. И потом, знаешь, я пришла просто посидеть у

тебя... тут прохладнее!.. Я очень люблю тут, у тебя... А месяе Орест, кажется, опять нездоров? — сказала она, указав на окно, с которого исчез Орест Беспалов.

Она никогда не называла его иначе, только «месяе Орест», и слово «пьян» почитала неприличным настолько, что вместо него произносила всегда «нездоров»...

— Он-то уверяет, маман, что в нем «два угодя»! — улыбнулся Саша Николаич.

— Это, должно быть, милый, очень остроумно, только я не понимаю! — добродушно откликнулась старушка. — Какие еще два угодя?

— А это по пословице: пьян да умен — два угодя в нем!

— Ах, эти пословицы, я их всегда путаю!.. Но все-таки, что за охота тебе, мой друг, держать при себе этого человека?

— Ну что ж, маман, он мне предан, а самое главное, куда же он денется без меня? Он ведь тогда совсем пропадет!

— Да, но эта история с молитвенником месяе Тиссонье...

— Ну, молитвенник добудем обратно!

— И потом, знаешь, — покачала старушка головой, — я боюсь, чтобы он не имел на тебя дурного влияния!

— Ну что вы, маман!.. Ведь я уже не маленький! — рассмеялся Саша Николаич.

— Ну, делай, как знаешь, — покачала опять старушка головой. — Я боюсь, чтобы только он не имел на тебя дурного влияния! — и добавила так, точно делала невесть какое открытие, только что пришедшее ей в голову: — А знаешь что?.. Будем чай пить!

Саша Николаич знал и почему-то любил это милое пристрастие матери к чаю. Она как-то особенно уютно усаживалась за столом, за подносом с чайным прибором и так разливала чай и пила сама, что каждому неудержимо хотелось при этом тоже выпить чаю.

Саша Николаич позвонил и приказал появившемуся лакею в богатой с галунами лифрее подать чай.

Глава VIII

Одиночество

Далекий от Петербурга южный берег Крыма издавна составлял по красоте одно из лучших мест на земле, но в начале XIX столетия был почти необитаем. Нужны были месяцы, чтобы добраться сюда из центра России.

Вследствие этого Крым был населен по преимуществу местными татарами, не вносившими никакой цивилизации в его дикую природу.

Когда тут были цветущие греческие колонии, а затем генуэзские владения, то жизнь кипела здесь ключом, особенно торговая. Но теперь от этой жизни не осталось ничего, кроме разрушенных старых стен да развалившихся четырехугольных башен.

В начале XIX столетия Крым переживал переходное состояние. Его прежняя культура окончательно пала, а новое влияние России было еще совсем незначительно.

Однако голубое море было ярко и красиво, как всегда, и белою пеной рассыпалось в при-

бое о выступавшие далеко в него скалы причудливых форм, темные вблизи и нежно фиолетовые и голубые вдали.

Солнце грело и светило. Пролегавшие по скалам прежние дороги заглохли, и лишь кое-где вились тропинки, в лабиринте которых трудно было разобраться нездешнему человеку.

Татарские поселки с их белыми с плоскими крышами лачугами попадались довольно редко, и заросшие выжженным кустарником скалы казались пустыней.

Среди этой пустыни на выдававшейся в воду косе стояла женщина, хотя по платью ее нельзя было причислить к этому полу. На ней была полотняная мужская блуза, широкие шаровары и турецкие туфли. Ее волосы были подобраны под соломенную шляпу, лошадь с мужским татарским седлом, на которой она приехала, была отпущена на волю и, казалось, ее обладательница сама забыла о ней.

Странной была судьба этой женщины, волею providения попавшей на дикий, но благословенный берег Крыма, где она на воле чувствовала себя лишенной свободы...

Широкий простор моря, пустынные скалы и густые леса не давали свободы этой женщине, которая привыкла дышать спертым воздухом большого города и чувствовала себя госпожой среди большого скопления людей, теснящихся в добровольных темницах, называемых городами. Для этой женщины было тяжело, будто наказание, одиночество среди ласковой природы Крыма.

Чего бы только не дала она, чтобы снова попасть в Париж, в так называемую «столицу мира», где день кажется минутой и где каждая прожитая минута дает столько, сколько в ином месте не переживешь и за год!..

Там, в Париже, теперь властвовал баловень счастья, ставший из простого, незаметного корсиканца императором, властелином почти всего мира... А она?!

Она же была королевского рода, урожденная Валуа, и, несмотря на это, была вынуждена носить дырявые башмаки! И она даже была рада, когда за нее посватался этот ничтожный господин де Ламот, исполнявший, как впоследствии оказалось, должность сыщика!..

Выйдя замуж, женщина — ее звали Жан-

на — получила на положении замужней женщины возможность действовать самостоятельно, а ей только этого и было нужно! Целым рядом просьб и унижений она добилась того, что на нее обратила внимание королева Мария Антуанетта; да иначе и быть не могло: недаром госпожа де Ламот была королевской крови, прирожденная графиня Валуа.

Ей достаточно было того, что Мария Антуанетта обратила на нее свое внимание, а о дальнейшем она позаботилась сама, и это дальнейшее развернулось было, как ей казалось, сначала блистательным ковром для ее торжественного шествия, на котором она сама вышивала изящные узоры... Она начала запутывать интригу влюбленного в королеву кардинала де Рогана и закончила знаменитой историей с ожерельем...

Это драгоценное бриллиантовое кольцо понравилось Марии Антуанетте, но она тогда себе отказала в покупке, предпочтя, чтобы на эту его стоимость было куплено военное судно для Франции...

А госпожа де Ламот уговорила Рогана подарить это ожерелье королеве, и затем последо-

вал целый ряд событий, среди которых, как в омуте, закружилась голова и трудно было разобрать, что тогда следовало, а чего и не следовало делать!..

Жанна Валуа де Ламот, словно бы сорвавшись, по наклонной плоскости неудержимо и стремительно катилась вниз и, словно ее кто подхлестывал, все более и более запутывала бедного кардинала, несчастную королеву и запутывалась сама. Кардинала, требовавшего свидания с королевой Марией Антуанеттой, она одурачила тем, что передала ему много поддельных записок королевы и, найдя схожую с нею лицом девушку, устроила ему свидание с этой мнимой королевой. Роган попал в западню, купил ожерелье, но это ожерелье де Ламот оставила у себя, потому что оно могло стать основанием для ее богатства, а ей это было очень нужно, без него она просто не могла бы существовать.

Она думала, что успеет скрыться из Франции в нужный момент и что, во всяком случае, Мария Антуанетта не даст разыгаться этому делу, которое грозило и для нее огромным скандалом.

Но скрыться Жанна де Ламот не успела, а Мария Антуанетта не побоялась скандала...

Госпожу де Ламот судили, приговорили к публичному наказанию на эшафоте. Она была наказана и палач наложил на нее позорное клеймо, но потом ей удалось бежать из тюрьмы, где ее должны были заточить на всю жизнь, и поселиться в Лондоне. Однако и там враги не оставили ее своими преследованиями.

Правда, она успела написать и напечатать свои мемуары о Марии Антуанетте, в которых не пощадила несчастной королевы. И за это убийцы, подсланные французскими дворянами, несколько раз покушались на ее жизнь...

Дело дошло до того, что Жанна де Ламот должна была спасаться только тем, что вынуждена была выпрыгнуть в окно.

После этого она поддалась на уговоры одной русской княгини, с которой подружилась в Лондоне, и потихоньку исчезла, выехав с нею в Крым, но предварительно распуслав слухи о своей мнимой смерти.

И с тех пор она жила с княгиней только в

Крыму; та старалась окружить ее всевозможными заботами и попечениями, и ни за что не соглашалась никуда уезжать, не представляя даже возможности, чтобы где-нибудь могло быть лучше, чем в Крыму!..

Много воды утекло и множество событий произошло. Во Франции отпраздновала свой кровавый пир революция. Мария Антуанетта и ее супруг, король Людовик Шестнадцатый, погибли, и деспотизм Республики увенчался деспотией Наполеона, возвышению которого не могла не завидовать госпожа де Ламот, так как вся ее жизнь была одним сплошным падением.

Все изменилось во Франции, но Жанна не могла вернуться туда, будучи клейменной палачом, и должна была продолжать довольствоваться жизнью на прекрасном, но диком берегу Крыма и ездой на лошади по его горам...

И у нее не было ни копейки собственных денег, она во всем зависела от княгини, а между тем она могла бы обладать богатством, которое составляло цену ожерелья. Она считала, что выстрадала это свое богатство и ку-

пила его ценой своей жизни и собственного позора; и, действительно, оно могло бы быть в ее руках, если бы не обстоятельства, причиной которых была глупость ее пособников...

В то время, когда в Париже разыгрывалось судилище над нею из-за ожерелья, оно уже было отослано ею в Амстердам с верным ей человеком, который смог продать его, а вырученные за него деньги укрыв в надежном месте. Последним был потайной подвал на небольшой мызе, купленной специально с целью спрятать там на время это ее богатство.

Когда Жанна освободилась из тюрьмы и, бежав в Лондон, надумала воспользоваться спрятанными там деньгами, оказалось, что ее верный человек умер, а мыза вместе с тайником была куплена аббатом Жоржелем, секретарем кардинала де Рогана, и находилась в его полном владении, а для Жанны де Ламот деньги окончательно пропали...

Однако же она надеялась, что рано или поздно, но они вернутся к ней...

В Лондоне она вступила в тайное общество «Восстановления прав обездоленных», от-

крыв этому обществу тайну подвала на мызе аббата Жоржеля, впоследствии кардинала Аджиери. И ей было обещано, что если не все деньги, то большая их часть не минует ее рук, нужно лишь подождать смерти больного кардинала Аджиери.

И Жанна ждала, ждала долгие годы. Наконец, наступила эта долгожданная смерть кардинала Аджиери; но общество «Восстановления прав обездоленных» ничего не могло сделать, потому что, очевидно, слишком уж неумело повело дело, и мыза вместе со всем состоянием, которое Жанна де Ламот уже считала своим, перешла во владение к незаконному сыну аббата Жоржеля, он же кардинал Аджиери, которому он официально завещал все свое имущество...

Как члены общества выпустили из рук этого наследника, за которым они следили, она не могла хорошенько понять, но факт был налицо: сын аббата завладел состоянием, а она, одинокая, должна была доживать свой век в диком Крыму...

Глава IX

Наследник кардинала Аджиери

А между тем дело обстояло так... В Петербурге как-то вдруг неожиданно объявился Александр Николаевич Николаев, или Саша Николаич, как называли его приятели, и несмотря на то, что никто не знал его происхождения, стал возвращаться в лучшем обществе столицы. Его положению в обществе много содействовало то, что по паспорту он был дворянином, что он вел, хотя и скромную, но в то же время барскую жизнь, что он отличался светскими манерами, и, главное, обладал, по-видимому, большими средствами.

Однако относительно последнего обстоятельства знакомые Саши Николаича жестоко ошибались. Состояния у него тогда не было никакого. Правда, скончавшийся в Париже воспитатель Саши Николаича перед смертью передал ему двадцать тысяч франков, но Николаев истратил их на приобретение обста-

новки в Петербурге, куда он переехал после смерти своего воспитателя из Парижа. Кроме того, воспитатель Саши перед смертью передал ему пакет, в котором лежало указание одному из петербургских банкиров, и последний стал выплачивать Саше Николаичу ежемесячно тысячу рублей. Эти деньги по тому времени были огромными и служили Саше Николаичу единственным ресурсом к жизни.

Впрочем, эти ежемесячные получения были столь же непрочны, сколь и таинственны. Саша Николаич не знал, от кого именно и на каком основании он получал эту тысячную ренту, банкир лишь выплачивал ему деньги, но не мог сообщить ему лица, по чьему приказу он это делает. И вдруг этот источник исчез. Саша Николаич получил извещение банкира, в котором последний сообщал, что дальнейшая выдача ему денег прекращается.

Это обстоятельство сразу же изменило образ жизни Саши Николаича. Ему пришлось распродать всю свою обстановку и лошадей, отпустить прислугу, из своей роскошной барской квартиры перебраться жить в комнатушку в доме захудалого чиновника Беспало-

ва.

Все знакомые и великосветские приятели Саши Николаича, как это водится, тут же отвернулись от него.

Оставшись совершенно одиноким, Николаев не очень-то унывал и стал искать себе средства к жизни работой, но места для него не находилось.

И тут судьба столкнула его с одним из членов общества «Восстановления прав обездоленных», назвавшим себя Агапитом Абрамовичем Крыжицким. Тайнственное общество, по-видимому, было заинтересовано в Саше Николаиче, следило за ним и было уже осведомлено о перемене жизненных обстоятельств молодого человека, потому что Крыжицкий сам обратился к Саше Николаичу с предложением денег за «некоторые услуги». Николаеву показалась двусмысленной и подозрительной подобная формулировка этого предложения, и он с гордостью его отверг.

Между тем время шло. Саша Николаич успел позабыть своих коварных друзей, среди которых особенно больно обидел и ущемил его самолюбие вроде бы лучший друг — граф

Савищев... Константин Савищев резко прекратил с ним знакомство тотчас же после того, как Саша Николаич сообщил ему о печальном факте своего банкротства. Николаев стал уже привыкать к обстановке, в которую его забросила судьба, и к людям, с которыми она его столкнула, когда случились обстоятельства, сильно отразившиеся на его судьбе.

Саша Николаич полюбил. В убогом доме чиновника Беспалова он встретил девушку, с первой же встречи покоровившую его сердце. Это была Мария Беспалова, дочь или же воспитанница квартирохозяина Саши Николаича, которую Беспалов только выдавал за свою дочь.

Маня Беспалова весьма благожелательно относилась к чувству Саши Николаича и даже сперва поощряла молодого человека, но, когда он ей признался, что у него почти нет никаких средств к жизни, резко к нему изменилась и стала сторониться его. Тогда Саша Николаич решил обратиться к Крыжицкому, тем более, что его натолкнула на эту мысль Маня Беспалова, так боготворимая им.

Как-то Николаев отправился к Крыжицкому

му, но его визит закончился тем, что он выдал на имя Андрея Львовича Сулимы расписку, согласно которой он обязывался предоставить последнему «половину принадлежащего ему наследства. .» Саша Николаич в то время и не помышлял ни о каком наследстве, и ему, конечно, ничего не стоило выдать подобную расписку на чье бы то ни было имя; он даже не особенно настаивал на выяснении того, кто был этот Андрей Львович Сулима и удовлетвовался только туманным намеком на то, что таким путем в будущем он обеспечит себе богатое наследство.

Андрей же Львович Сулима был Белым Петербургского отделения общества «Восстановления прав обездоленных», то есть его председателем.

Глава X

Мнимая графиня Савищева

Охотясь за будущим наследством Саши Николаича, члены общества «Восстановления прав обездоленных» наткнулись еще на одно наследство, которое могло бы быть спорным, и обратившее на себя их жадные взоры. То было наследство самого графа Савищева. Последний обладал громадным состоянием, которое он нажил не совсем честным путем и оставил своим законным наследникам — своей жене Анне Петровне и сыну Константину Савищеву, приятелю Саши Николаича. Кроме них, у покойного графа Савищева других родственников не оставалось.

Младший брат покойного графа Савищева запутался в долгах и, желая их поправить, выдал туркам важные государственные документы, был обвинен в государственной измене и, будучи лишенным чинов и орденов, был сослан и исчез без вести.

Его жена, потрясенная столь тяжким несчастьем, преждевременно разрешилась от

бремени девочкой и умерла при родах. Таким образом, новорожденная дочь графа Савищева-младшего с первого же дня появления на свет оказалась круглой сиротой. Ее дядя, граф Савищев-старший, и слышать не захотел о дочери своего опозоренного брата, и девочку отдали в воспитательный дом, где она и затерялась среди тысячи таких же обездоленных, зачастую записанных под одним и тем же именем. Точно так же, под именем Марии, была записана и дочь Савищева-младшего. Все это было известно членам общества, и они задумали оттягать состояние у настоящих неоспоримых наследников графа Савищева-старшего в пользу его племянницы, заменив ее подставным лицом.

Вскоре нашлось также и такое лицо. Крыжицкий выслеживал Сашу Николаича, познакомился с его окружением и, узнав, что Беспалов взял свою воспитанницу Марию из воспитательного дома, сопоставил ее возраст с датой рождения Савищевой-младшей и сразу же решил, что эта девушка вполне может пригодиться для выполнения их преступного плана, тем более, что она и крещена была тем

же именем, как и несчастная дочь Савищева-младшего. Привлечь Маню Беспалову к содействию этим замыслам общества «Восстановления прав обездоленных» было совсем не трудно, так как она была девушкой довольно легкомысленной и во что бы то ни стало стремилась выбиться из полной нищеты и зажить в роскоши и довольстве. Гораздо труднее было устранить от владения имуществом графа Савищева и его законных наследников.

Но и это не затруднило находчивых искателей чужих наследств. Крыжицкому удалось обманным путем добыть метрическое свидетельство графини Анны Петровны Савищевой, и на нем была произведена подчистка года рождения графини Анны Петровны, а Сулима — Белый — с помощью консисторского чиновника сумел обработать метрические книги так, что, по их данным, в указанное число никаких записей о графине Савищевой, урожденной Дюплон, не оказалось. Вот таким образом графиня Савищева и оказалась мнимой графиней, а ее сын Константин Савищев — без роду-племени, и наследство

графа Савищева-старшего, которым они владели якобы не как законные наследники, должно было перейти в пользу его племянницы Марии, ставшей его единственной наследницей.

Когда Андрей Львович Сулима явился в дом Беспалова и развернул перед Марией-воспитанницей блестящие перспективы роскошной жизни, то без труда уговорил ее переехать к нему и начать дело о мнимом наследстве.

Глава XI

Мыза в Голландии

Саша Николаич, узнав о вероломном поступке любимой девушки, впал в совершеннейшее отчаяние. Но ему не пришлось долго пребывать в таком состоянии. В тот же день, когда Маня Беспалова переехала к Сулиме, к Николаеву явился ее брат Орест — пьяница и мот, под разными предложениями выживавший из жильца своего отца мелкие суммы на выпивку, и конфиденциально сообщил Николаеву, что он в своем излюбленном трактире случайно встретился с приезжим французом, прибывшим в Петербург искать Александра Николаевича Николаева.

Молодой человек с недоверием отнесся к словам Ореста, но все же согласился на встречу с французом.

При первой же встрече Саши Николаича с Тиссонье, так звали француза, последний рассказал ему, что он, Саша Николаич, — сын кардинала Аджиери и одной русской графини и что тот при своем духовном сане не мог его

держатъ при себѣ. По этой причинѣ он сперва отослал его в Париж, потом в Россію, и что именно он поддерживал Сашу Николаича до сих пор ежемесячной рентой и что теперь эта рента прекратилась, потому что кардиналъ умер, но что он, Тиссонье, состоит душеприказчиком кардинала и приехал за Сашей Николаичем с целью увезти его в Голландію. Там и находилась завещанная ему кардиналом небольшая мыза.

Это имение было оставлено Николаеву по официальному завещанію, но кроме того Тиссонье объявил Саше Николаичу, что на этой мызе в тайникѣ хранится огромная сумма денег, которую он должен был тайным образом передать Саше Николаичу.

Молодой человек тотчас собрался и вместе с Тиссонье и увязавшимся вслед за ними Орестом выехал в Германію и далее в Голландію.

После того как Николаев вступил во владѣніе мызой, Тиссонье действительно указал ему тайник, представлявшій собой тщательно скрытый подвал, который имел сообщеніе с кабинетом мызы.

В этом подвале Саша Николаич нашел огромный сундук, наполненный золотом, драгоценностями и английскими процентными бумагами.

Между тем Сулима тоже не дремал. Заполучив расписку Саши Николаича в предоставлении ему половины его наследства в собственность, тотчас же отправил Крыжицкого в Крым, где последний должен был сообщить Жанне де Ламот о благополучном окончании дела о наследстве Саши Николаича, которое, собственно, и связало Жанну де Ламот с обществом «Восстановления прав обездоленных». Однако, едва успев отъехать из Петербурга, Крыжицкий, как и другой член того же общества — Кювье, случайно столкнулся с французом Тиссонье в день приезда того в Санкт-Петербург из Франции, и словоохотливый француз тотчас же рассказал ему о цели своего приезда в Россию. Узнав о том, что наследство состоит из одной только мызы (о спрятанных в ней сокровищах Тиссонье, конечно же, умолчал), Кювье понял, что члены его общества, что называется, опростоволосились.

Мыза представляла собой столь ничтож-

ное имущество, что о половинной доле его даже не стоило хлопотать.

Кювье тут же поспешил с этой печальной новостью к Белому, и Сулима приказал ему немедленно выехать вслед за Крыжицким и остановить того на пути в Крым. Однако Кювье этого сделать не удалось, и он прибыл в Крым к Жанне де Ламот всего через несколько часов после прибытия туда Крыжицкого. Жанна де Ламот уже успела узнать от Крыжицкого, что членам их общества удалось заручиться распиской Николаева, согласно которой половина состояния кардинала Аджиери переходила в их собственность, от чего пришла в неопишное бешенство, и его усугубило известие, присланное вослед Крыжицкому Кювье, второго посланца Белого.

Печальные вести эти, доставленные Жанне де Ламот Кювье, вызвали у нее припадок гнева, но отнюдь не сломили ее энергии. Она то была твердо уверена, что кардинал Аджиери оставил после себя огромное состояние, в числе которого должна была находиться и сумма, вырученная за украденное ею, Жанной де Ламот, ожерелье, которое кардинал де

Роган в свое время послал в подарок королеве Марии Антуанетте. Она была убеждена, что если кардинал не передал этого состояния своему наследнику явно, то он должен был сделать это тайно!

И тут ей пришла в голову мысль, что сокровища кардинала хранятся в тайнике на его мызе в Голландии, и она, не задумываясь, приказала Крыжицкому и Кювье отправляться в Голландию и на свой страх и риск во что бы то ни стало раздобыть эти сокровища.

Крыжицкий и Кювье отправились морем. Крыжицкого в этой поездке сопровождала его любовница-турчанка и евнух, постоянно стороживший ее. В то же время этот евнух, будучи тайно подосланным к Крыжицкому Сулимой, был шпионом последнего. В дороге к ним присоединился еще и старый турок Али, который ранее был знаком с Крыжицким, когда тот носил имя Симеона Ассемани. У Али с Крыжицким были старые счеты. Как тот, так и другой принадлежали к секте фанатиков-ассасинов, но только Крыжицкий изменил ей, и Али теперь последовал за ним, чтобы наказать его по поручению руководителя

этой секты за его вероломную измену.

Конечно, Али скрыл от Крыжицкого свои действительные намерения и изъявил свою готовность помочь тому в погоне за наследством Саши Николаича.

Али прибыл в Голландию отдельно от своих единомышленников и поступил на мызу Александра Николаевича садовником.

Немного спустя туда же явился и Крыжицкий, и его план там был близок к осуществлению, когда совершенно ничтожное обстоятельство разрушило его планы.

Беспутный Орест, отыскивая любым способом деньги для пьянства, украл у турка Али его священные амулеты, свидетельствовавшие о его высоком положении в секте среди его братьев. Орест, предположив, что они золотые, отправился их пропивать.

Судьбе оказалось угодно, чтобы в том же трактире, где Орест пытался сбыть эти амулеты за столь любимую им живительную влагу, из-за ненастной погоды остановился и Крыжицкий, навещавший Сашу Николаича. Он тотчас же признал эти амулеты Али и купил их у Ореста.

На следующий день во время бурного объяснения между Али и Крыжицким первый заметил свои амулеты в руках у Крыжицкого и, предполагая, что тот украл их с целью воспользоваться среди ассасинов силой и авторитетом этих амулетов, пришел в неописуемый гнев и полоснул по горлу Крыжицкого отравленным кинжалом. Рана эта была для того смертельной, но и сам Али в борьбе этим же кинжалом случайно задел себя, и пустяковая царапина оказалась смертельной и для него.

Так Николаев избавился от двух своих преследователей. Третий же, Кювье, прибыв в Голландию, заболел, так и не встав больше на ноги. Перед смертью он призвал к себе Сашу Николаича, покаялся перед ним, раскрыв, что он вовсе не француз Кювье, а исчезнувший без следа граф Савищев-младший, и просил Николаева передать от его имени пакет его дочери, если ему, конечно, удастся отыскать ее.

Таким образом, распоряжения Жанны де Ламот оказались не исполненными.

Однако приезд Крыжицкого в Голландию

не прошел совсем бесследно для Саши Николаича, так как тому удалось заронить в душу молодого человека искру сомнения относительно чистоты происхождения денег кардинала Аджиери. Николаев не хотел верить Крыжицкому, и последний обещал ему подтвердить свои слова документами, однако внезапная смерть этому помешала.

Чтобы рассеять свои сомнения и исполнить волю умирающего Кювье, Саша Николаич снова вернулся в Петербург.

Глава XII

Дивная встреча

Вернувшись в Петербург, Саша Николаиич прежде всего навестил тех из своих друзей, которые и в дни несчастий оставались верными ему и тепло отнеслись к нему в горе. Таких было немного, но тем дороже было их участие. Веселый приятель Николаева Лека Дабич и милая молодая девушка Наденька Заозерская, племянница фрейлины императрицы баронессы Пильц фон Пфиль, не отвернулись от него, и теперь Саша Николаиич прежде всего поехал к ним.

От них он узнал о катастрофе, постигшей графиню Савищеву и ее сына, узнал, что графиня просто бедствует, а некогда блестящий граф Савищев, потеряв титул и состояние, опустился на самое дно.

Николаев счел своим долгом навестить графиню Анну Петровну. Во время этого визита графиня заговорила с ним о том, что, очень сильно нуждаясь, она хотела бы продать один ценный исторический автограф.

Искренне желая помочь бедной женщине и стесняясь предложить ей помощь просто так, Саша Николаич тут же решил, что купит у нее этот автограф, и попросил его показать ему.

Графиня Анна Петровна со взволнованным видом достала вчетверо сложенную пожелтевшую бумагу, и по тому благоговению, с которым она ее развертывала, было видно, как дорог ей этот документ.

Каково же было удивление Саши Николаича, когда он увидел, что этот документ не что иное, как собственноручное письмо Рогана к кардиналу Аджиери, как раз касавшееся злополучных денег, в присвоении которых обвиняли покойного кардинала. Это письмо совершенно реабилитировало кардинала Аджиери, так как свидетельствовало о том, что де Роган расплатился за ожерелье своими собственными средствами, а эти деньги, в знак благодарности за долголетнюю службу, подарил кардиналу Аджиери.

Он со слезами радости на глазах спросил, откуда у нее это письмо. Графиня созналась, и тут Николаев узнал, что Савищева — та самая

русская графиня, о которой ему рассказывал Тиссонье, то есть его, Саши Николаича, мать.

Минуты радостного свидания были несколько омрачены. Графиня Савищева после долгой разлуки нашла своего сына, но в тот же день потеряла другого. Судьба коварно подшутила над ней. В то время как она ласкала Сашу Николаича, граф Константин Савищев, будучи не в силах перенести свое бедственное положение и позор, бросился с моста в Неву и исчез в ее волнах. Народ сбежался, но на поверхности воды уже не было человека. Так и исчез бедный граф; не нашли даже его труп.

Саша Николаич нашел свою мать, но окончательно потерял любимую девушку. Андрей Львович Сулима открыл Мане Беспаловой, что он — не тот, кем его называют, а дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, что он любит ее и предлагает ей руку свою и сердце. Маня, прельстившись таким блестящим именем, согласилась выйти за него замуж.

Свадьба должна была состояться за границей. Однако Маня уехала туда одна, и тотчас же после ее отъезда в доме Сулимы произо-

шел пожар, дом сгорел дотла, не удалось спасти ничего из обстановки и даже самого владельца дома, который в то время спал. Только после пожара под развалинами дома удалось найти обуглившиеся останки Сулиммы...

Глава XIII

Решение

Вот так обстояли дела в тот момент, когда мы застаем Жанну де Ламот в Крыму, над морем, за тяжкими думами о неудачной до сих пор погоне за наследством Саши Николаича. Долго она еще стояла со скрещенными руками на груди и оглядывала простор моря, широко открывавшийся ей с высоты, на которой она находилась.

Это море было так же пустынно, как и окружающие его скалы: ни паруса, ни единой чайки не виднелось на нем...

Жанна стояла лицом к нему, и голубая ширь его так же далеко расстилалась перед нею, как позади нее тянулось бесконечное сухопутное море степей. Нужно было так или иначе миновать это пространство степи, чтобы попасть в то место, где бурлила городская, так манившая Жанну своими прелестями жизнь...

Человек, который владел, как она считала, всем ее состоянием, жил в Петербурге, и ей

нужно было отправиться туда, чтобы отнять у него «свою» собственность...

Конечно, добровольно он ее не отдаст, придется побороться с ним, но Жанна слишком привыкла к борьбе, чтобы испугаться такого врага, как какой-то незаконный сын французского аббата. Она его считала своим врагом, потому что сама готова была сделать ему любое, даже самое дикое зло, чтобы заполучить деньги. Но разве с такими людьми и с такими врагами мерилась она силами в своей жизни, она, которая враждовала с самой венценосной Марией Антуанеттой?!

Ей нужны были эти деньги как средство для развертывания настоящей деятельности, на которую она считала себя вполне способной.

Судьба Наполеона не давала ей покоя и соблазняла своим счастьем. Почему ему удалось все до сих пор, а ей ничего?!

«Потому что, — думала Жанна, глядя в далекий морской простор, — что он смел, а я даром теряю время в нерешительности...»

И она вдруг круто повернулась и пронзительно свистнула. Лошадь, забежавшая до-

вольно далеко, услышала этот свист и подлетела к Жанне; та вскочила в седло, и быстрой иноходью ее лошадь направилась по знакомым горным тропинкам...

Ее дом был не особенно далеко, но этот переезд показался Жанне необыкновенно долгим... Где только было возможно, Жанна пускала лошадь во весь опор и осадил ее, всю взмыленную, только у самого крыльца.

Жанна спрыгнула, бросила поводья, и поспешно прошла через анфиладу комнат на балкон, где княгиня разбирала груды цветов, составляя из них букет в стоявшую перед нею вазу.

— Что это ты пропадала так долго? — встретила она Жанну, бегло и отчетливо выговаривая французские слова. — И что с тобой? — сейчас же спросила она, мельком взглянув на Жанну.

Та остановилась, оперлась резким, решительным, чисто мужским движением о стол и, в упор посмотрев на княгиню, произнесла с расстановкой:

— Я не могу больше так жить здесь. Я просто должна отправиться в Петербург.

Княгиня развела руки, уронив и рассыпав цветы.

— Как в Петербург?! — переспросила она. — Разве тебе здесь не хорошо?

— Дело не в том, что мне здесь хорошо или дурно; но для меня настало время действовать. Я должна прекратить свое сидение здесь сложа руки...

— Жанна, Жанна! — со вздохом покачала головой княгиня.

— Мне нужно ехать! — настойчиво произнесла Жанна.

— Но постой же, погоди! Надо же обсудить возможность этого! Одну я тебя не могу отпустить в такое путешествие...

— Я могу ехать и одна.

— Нет уж, во всяком случае мы туда отправимся вместе. Об этом и говорить нечего. . Но надо же собраться. . Как же ты хочешь все вот так вдруг... Надо решить хотя бы денежный вопрос...

— Пустяки!.. Трать последнее, что есть у тебя... Там, в Петербурге, я отдам тебе... отдам... там мы получим такие деньги, что хватит нам и оплатить переезд туда, да и чтобы

ехать дальше, в Париж или Лондон, как мы только захотим...

Княгиня смотрела на Жанну с каким-то даже испугом.

— Ты думаешь, я сошла с ума? — продолжала та. Будь покойна, никогда мои умственные способности не были в таком порядке, как сейчас. Слушай, я решила во что бы то ни стало получить мои деньги сама... Напрасно я надеялась на членов общества «Восстановления прав обездоленных», они ничего не сделали. Мои деньги перешли к одному русскому, незаконному сыну аббата Жоржеля и русской графини. Мне нужно найти его в Петербурге и, чего бы это мне ни стоило, вырвать у него эти мои деньги. Я так решила!..

Княгиня противоречила и сопротивлялась недолго. Она по природе своей была слишком мягка, чтобы оказать серьезное сопротивление всепокрушающей энергии Жанны: та всегда брала верх над нею...

И уже на другой день на маленьком крымском дворике, мирно жившем до этого на побережье Черного моря, поднялась возня и суета по случаю внезапного отъезда в Петербург.

Путешествие предстояло длительное и нелегкое, и поэтому сборы требовались немалые...

Но для Жанны, казалось, не существовало ничего невозможного. Она сама съездила верхом в Бахчисарай и нашла там весьма приличную дорожную карету, которая продавалась по случаю, после скоропостижной смерти приехавшего на ней в Крым из Петербурга ревизора. Словом, не успели все, в том числе и княгиня, осмотреться, как они обе уже сидели в этой уютной, купленной Жанной карете, и вовсю катили, вздымая пыль, по столбовой Екатерининской дороге в далекую северную столицу.

Глава XIV

Тайна молитвенника

С покупкой молитвенника произошло все именно так, как предсказывал Орест. Он отправился на переторжку, не встретил там конкурента и купил молитвенник всего за три рубля, то есть он ему обошелся всего в сто три рубля. Эта сумма была довольно крупной, но все же ничтожной в сравнении с тысячей восьмистами двадцатью пятью рублями, и Саша Николаич даже был рад, что отделался сравнительно дешево.

Орест, совершенно трезвый, принес книгу Николаеву и на этот раз говорил с ним очень серьезно и не через окно, а вступив в его кабинет на правах полноправного гражданина.

— Позвольте вручить вам, драгоценный гидальго, — заявил он Саше Николаичу, — вашу семейную реликвию в полной неприкосновенности... Вместе с тем, я приношу тысячу извинений, что стал невольной причиной исчезновения этой книги! Но в таком случае вы, главным образом, должны пенять на самого

себя и собственную вашу суровость по отношению ко мне. Однако твердость вашего характера наскочила на мою изобретательность...

— Да полно вам молоть вздор! — остановил его Саша Николаич. — Ну, принесли молитвенник, и я очень рад этому!.. Надо скорее позвать господина Тиссонье и отдать ему молитвенник...

Орест, развалившись в кресле, положил ногу на ногу и, серьезно подумав, заявил:

— Совершенно согласен с вами и уже заранее вижу ту радость, с которой почтенный француз примет этот молитвенник; он будет счастлив, а я, бедный, останусь в полном огорчении!.. — и Орест, глубоко вздохнув, опустил голову.

— Почему же в огорчении? — спросил Саша Николаич.

— Потому что с утра не имел во рту ничего, кроме зубной щетки.

— Вы опять пить?!

— Гидальго!.. Это слово «пить» мне не нравится совершенно!.. И потом, уверяю вас, что нынче в высшем обществе принято пить вод-

ку; я могу это доказать моим знакомством с господином Люсли...

— С кем, с кем? — переспросил Саша Николаич.

— С господином Люсли... с тем самым, с которым мы на торгу набавляли цену на молитвенник, а потом он не побрезговал в своей колеснице отвезти меня в трактир. Вы вот этого для меня не делаете, гидальго!..

— Вы говорите, его зовут Люсли? — снова спросил Саша Николаич. — Вы точно помните, что его называли именно так?

— Если вы сомневаетесь, могу вам принести самую страшную клятву. — Орест высоко воздел руку и торжественно произнес: — Высохни на земле вся водка!..

— Да бросьте! — опять остановил его Саша Николаич. — Как имя и отчество этого господина?

Орест стал припоминать.

— Видите ли, великолепный гидальго, — убедительно проговорил он, — надо отдать мне полную справедливость, я был в уже известном градусе, когда поближе познакомился с этим господином; поэтому мне непременно

но надо выпить три рюмки. Велите подать их мне, и я сейчас же вспомню!

— Орест! — серьезно сказал Саша Николаич. — Я вам уже раз и навсегда сказал, что у меня в доме вы водки не получите...

Орест развел руками:

— Твердость вашего характера напоминает скалу. Но, может быть, пару рюмок разрешите?..

— Ни одной!..

— Делать нечего, приходится припоминать и без водки!.. Его звали, если я не ошибаюсь, Иван Михайлович...

— Иван Михайлович Люсли?! А каков он собой?

— Рыжий, с большими темными очками, строго говоря, как выражаются в салонах, в общем, такая морда, что так и хочется плюнуть в нее...

— Странное совпадение! — продолжал Саша Николаич.

— Что вы в этом находите странного?

— То, что человека, который воспитывал меня в Париже и на попечении которого я рос, звали тоже Иван Михайлович Люсли.

Орест прищурился и покачал головой.

— Нет, мой джентльмен по годам как будто бы не годится вам в воспитатели.

— Да он им и быть не может, потому что мой воспитатель умер!

— Царство ему небесное! — вздохнул Орест.

— Вы знаете, где живет этот господин?

— Вот этого я не знаю! — пожал плечами

Орест. — Признаюсь больше: он меня спрашивал, где мое местопребывание, я же осведомиться у него о том совершенно не догадался!

— Очевидно, это совершенно случайное совпадение! — рассудил, наконец, Саша Николаич. — И все-таки мне бы очень хотелось повидать этого господина.

— Он, верно, объявится еще! — успокоил его Орест.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что его крайне интересуется этот молитвенник, и, очевидно, он еще надеется, чтобы справиться о нем.

— Я никак не ожидал, — признался Саша Николаич, рассматривая молитвенник, — что это такая редкая и ценная книга.

— Вообще я не понимаю, — даже обиделся Орест, — как это можно платить за самую редкую книгу такие большие деньги!..

В это время в комнату вошел старик — француз Тиссонье, человек очень почтенной наружности, одетый во все черное.

— Я слышал, — заговорил он, — что вы принесли назад мой молитвенник?

— Да, да! — подтвердил Саша Николаич. — Вот он! Возьмите его!

Тиссонье быстро схватил книжку и, тщательно осмотрев ее со всех сторон, как бы желая вполне убедиться, та ли эта самая книга, произнес:

— Да, это она!

— А вы знаете толк в книгах? — спросил у него Саша Николаич.

— Я несколько по привычке обращаться с ними в библиотеке монсеньора кардинала...

— Так что вы должны знать, что этот молитвенник — библиографическая редкость?

— Помилуйте! — улыбнулся Тиссонье. — Таких экземпляров довольно много и они никакой библиографической ценности не имеют!

— Вот и верьте после этого ученым! — пожимая плечами, вставил свою реплику Орест. — Один хочет заплатить за эту книгу тысячу восемьсот рублей, а другой говорит, что она ничего не стоит! И выходит, только и справедливо, что правда — только на самом дне стакана...

— Однако, — обратился Саша Николаич к Тиссонье, — за этот молитвенник только что давали тысячу восемьсот рублей...

— А, вот оно что! — протянул Тиссонье. — Теперь я понимаю, монсеньор мне перед смертью наказал хранить этот молитвенник и не отдавать его никому, ни за какие деньги, кроме одного лица, точные приметы которого он мне определил...

— Какие же это приметы?

— Я не имею права говорить это даже вам. Я, признаюсь, думал, что слова монсеньора относительно денег за молитвенник были, так сказать, лишь способом выражения, но теперь я смог убедиться в их полной справедливости, если за эту книгу давали такие бешеные деньги...

— Что же в ней такое? — с живейшим лю-

бопытством спросил Саша Николаич.

— Этого мне монсеньор не открыл! — с почтительным поклоном ответил ему Тиссонье.

Разговор заключил Орест, который встал со своего места и резюмировал все ими сказанное так:

— Чем больше я живу на свете, тем больше мне хочется пить водки!..

Глава XV

Заседание

В четверг, в назначенный Иваном Михайловичем Люсли час сошлись в указанном месте семь человек на заседание под председательством седовласого старца в черной шапочке.

Комната, в которой они собрались, была невысокой, со сводами. Ее окна выходили в сад, стены были выкрашены белой клеевой краской. Посередине ее стоял стол и семь стульев, кресло. Другой мебели в комнате не было.

Приглашенные входили каждый с кокардой своего цвета, вдетой в петлицу, почти-тельно раскланиваясь с сидевшим в кресле стариком, у которого была белая кокарда, занимали свои места вокруг стола.

Последним в комнату вошел высокий плечистый черноголовый Борянский, развязностью своей походки и свободой манер сразу нарушивший чинность этого собрания. Желтой кокарды не было в его петлице. Он вошел

боком, не то поклонился, не то оглядел присутствующих, рассевшихся вокруг стола, и проговорил, ни к кому не обращаясь: «Привет честной компании!», сел за стол и положил на него локти.

Все переглянулись между собой, пораженные таким поведением нового сочлена, и оглянулись на старика, который не спускал взора с Борянского и пристально смотрел на него, чуть улыбаясь одними губами.

— Ты забыл, — сказал он, — надеть отличительный знак твоего цвета!

— Однако Белый отлично говорит по-русски! — шепнул Соломбин, у которого красная кокарда криво сидела в петлице.

— Будет вам бирюльками-то заниматься! — просто и громко проговорил Борянский. — Я к вам пришел сюда по делу, так и будем рассуждать о деле!

— Ты пришел сюда, чтобы повиноваться мне! — тихо произнес Белый.

Борянский удивленно вскинул на него взор и вдруг рассмеялся.

— Ну, уж это, знаете ли, не того! Этого у вас со мной не выйдет!

Все присутствующие, видимо, были поражены тем, как держал себя Борянский. И только Белый сохранял полное спокойствие.

— И ты будешь повиноваться мне! — с улыбкой сказал он опять.

Это было сказано так, что даже Борянский в первый момент опешил и с удивлением взглянул на старика.

— Седьмого мая 1801 года, — чуть внятно выговорил тот, едва шевеля одними только губами.

Никто не понял, что означало это число, но Борянский вдруг весь вспыхнул, потом кровь быстро отлила от его лица, и он побледнел, как мел.

— Вот тебе желтая кокарда, надень ее! — приказал старик Борянскому, бросив ему через стол кокарду, и тот покорно взял ее, нацепил в петлицу.

Все переглянулись, на этот раз как бы сказав друг другу, что ими распоряжается настоящий Белый.

— Для первого заседания, — начала Белый, — я сообщу вам о двух делах, или, вернее, о двух задачах, которые нам предстоит

решить.

Первая относится к Александру Николаевичу Николаеву, получившему наследство кардинала Аджиери. Дело в том, что этот Николаев не знал своего отца, который был вынужден держать его вдали от себя из-за своего сана. Затем было учреждено тщательное наблюдение нашим обществом за ним, мы вступили в переговоры о наследстве, о котором Николаев не подозревал даже. Мы взяли с него расписку, что он в случае получения им наследства половину его отдаст нам. Конечно, были приняты меры к тому, чтобы Николаев думал, что он получает наследство благодаря помощи лиц, взявших с него расписку. Все было обставлено безукоризненно.

Наше общество и в этом случае действовало, как всегда, наверняка и в первый раз в течение времени своего существования дало промах. Вы спросите, как это случилось? Как все могло случиться? Разве расписка не была действительна и Николаев уклонился от платежа? Нет, наоборот, Николаев не уклонился от платежа и внес нашему агенту всю причитающуюся с него сумму. Но дело в том, что эту

сумму составляли сравнительные гроши, о которых не стоило и заботиться, потому что официально Николаев получил в наследство небольшую мызу в Голландии, стоившую очень недорого. Все состояние же, на которое мы рассчитывали, было спрятано в тайнике на мызе и не подлежало никакому учету, став для нас недосыгаемым.

Но наше общество слишком много затронуло на это дело, чтобы примириться с таким положением, в которое оно благодаря этому попало, к тому же в первый раз. Если мы не получили половины состояния, перешедшего к Николаеву, то в вознаграждение за это мы должны будем получить его полностью. И теперь нам с вами предстоит конкретно обсудить это.

Старик замолчал. И не нашлось никого, кто смог бы ответить ему сразу.

— Если Николаев, — произнес после долгой паузы Борянский, — играет в карты или же хотя бы чувствует склонность к ним, то я берусь легко и скоро обделать это...

Старик покосился на него и, отвернувшись, недовольно проворчал:

— Нет, он в карты не играет.

— Я не могу предложить никакого плана, — сказал Люсли, — но заявляю лишь, что по совершенно особым причинам, известным нашему Белому, что бы общество ни решило сделать с Николаевым, я готов исполнить все.

— А нельзя ли привлечь его просто членом в наше общество? — предложил Соломбин.

— Чем же вы привлечете его? — спросил Люсли.

— Как это чем?.. Огромными доходами, которые он может получить, вложив свой капитал в наше общество. У него и без того достаточные доходы...

— Но он, как человек случайно разбогатевший, должен непременно желать большего.

Однако все почувствовали, что это предложение более чем слабо, и, казалось, Соломбин и сделал-то его только для того, чтобы не молчать, а сказать хоть что-нибудь.

После этого все замолчали окончательно...

— Теперь второе дело! — снова заговорил старик. — Оно заключается в наследстве маркиза де Турневиль и еще не вполне выяснено мною во всех подробностях, которые, впро-

чем, я считаю сообщить вам преждевременным. Скажу лишь по этому делу, что нам прежде всего нужно достать латинский молитвенник, переданный в Голландии маркизой Елизаветой де Турневиль кардиналу Аджиери, когда она, бежав из Франции во время террора, вынуждена была искать убежища за границей. Она боялась потерять этот молитвенник и потому дала его на сохранение кардиналу Аджиери. В этом молитвеннике находится указание места, где де Турневиль скрыл в Париже свои богатства, не имея возможности увезти их. Этот молитвенник сейчас находится у бывшего камердинера кардинала Тиссонье, который живет у того же Николаева.

— Однако! — заметил Соломбин. — Всюду Николаев!.. Неужели с ним одним не в состоянии будет бороться наше общество?

— Справимся! — уверенно заявил Люсли.

— Тем не менее, мы даже не пришли ни к какому плану действий и не знаем, что будем делать.

— Я скажу вам сейчас, что делать, — проговорил Белый. И когда все поглядели на

него, внушительно произнес: — Слушаться меня!..

На этом совещание закончилось, и все стали расходиться.

Соломбин вышел вместе с Люсли и сказал ему уходя:

— С этим Белым у нас, кажется, дела пойдут!

Глава XVI

Новые приятели

Когда расходились после заседания, старик задержал Борянского, и тот с некоторой робостью остановился перед ним.

Странно было видеть, как этот огромный и мускулистый, обладающий атлетической силой человек скромно, даже робко стоял перед слабым, хилым, седым старичком.

Но этого никто не видел, потому что в комнате они остались одни. Борянский, сразу же приведенный старичком в повиновение указанием какого-то числа, таинственного седьмого мая 1801 года, видимо, боялся, оставшись наедине со стариком, что тот захочет продолжить разговор об этой дате. И он вздохнул свободнее, когда старик спросил его:

— Ты сможешь много пить?

Борянский только улыбнулся и ответил одним словом:

— Много!

— Вина или водки?

— И того, и другого.

— Хорошо. Тогда ступай в трактир на Моховой, называется «Веселый Ярослав»...

— Да ведь это заведение из мелкокоразрядных, — брезгливо поморщился Борянский. — Я туда не хожу...

— Мне это все равно. Ты пойдешь туда и там завяжешь знакомство с неким Беспаловым, который там почти каждый день или пьет, или играет на бильярде. Затем, когда это будет сделано, получишь от меня другие, особые инструкции. Самое лучшее будет, если в «Веселый Ярослав» ты отправишься сейчас же.

Орест Беспалов, разумеется, ничего не подозревая, катал в своем излюбленном трактире шары на бильярде, не находя себе партнера, с кем бы стоило сыграть, как вдруг заметил перед собой огромного, плечистого господина с бриллиантовыми кольцами на пальцах.

Это был Борянский, поспешивший с точностью выполнить указание Белого.

Орест нацелил на него прищуренный глаз и решил, что это, должно быть, приехавший из провинции богатый помещик. Он чмокнул

губами и, для того чтобы произвести впечатление на «помещика», раскатисто крикнул:

— Половой! Рюмку хлебного вина Беспалову!

Провозгласив это, он ударил кием по шару и всадил его в лузу так, что тот щелкнул наподобие пистолетного выстрела...

— Не угодно ли сыграть? — дрыгнув ногой, предложил «помещику» Беспалов.

Тот, зная уже, что имеет дело с Орестом Беспаловым, то есть именно с тем, с которым он должен был свести знакомство по приказанию Белого, ответил ему: «С удовольствием!» — взял себе кий, и игра началась...

Борянский, несмотря на то, что бильярд был совершенно не знаком ему, стал показывать такие чудеса игры, что Орест в первую минуту даже вытаращил на него глаза, но потом вдруг уложил кий по борту и протяжно свистнул:

— Нет, маэстро! Со мной это не пройдет!.. Вижу, что вы обладаете самыми сокровенными познаниями бильярдной игры, и до некоторой степени, маэстро, мы в ней тоже кое-что понимаем!

— То есть, позвольте, что именно? — с достоинством спросил Борянский.

— А вот что! — сказал Орест. — Вот этот маневр «подпихом» называется, а этот делается при помощи рукава... — и он на бильярде продемонстрировал несколько весьма ловких приемов, с помощью которых можно было выигрывать наверняка.

Борянский пустил с Орестом эти приемы просто из любви к искусству как виртуоз, великолепно изучивший свое дело.

Собственно, по профессии он главным образом орудовал картами, но не чужд был и бильярду, хотя давно уже не играл на нем, но сейчас он, как говорится, просто «попробовал руку»... Но опытный глаз Ореста сейчас же различил, в чем тут дело, и Борянский должен был убедиться, что наскочил тут на такого же доку, каким был и сам.

— А вот этот прием вы изволите знать? — увлекаясь своим искусством, спросил его Орест. — Вот если желтый стоит тут... — и он показал такой фортель, что Борянский не мог не ахнуть от удовольствия.

— Нет, это для меня новинка, — невольно

вырвалось у него. Он уже больше не отрицал своего «искусства». — А знаете что, — предложил Оресту, — не хотите ли выпить вместе?

— Ну что за вопрос! — застенчиво отозвался Орест и еще застенчивее добавил: — В особенности, ежели за ваш счет!

Борянский велел подать им водки, и они поместились за отдельным столиком.

— Что мне нравится в вас! — продолжал разглагольствовать Орест, разглядывая Борянского. — Приемы физической силы! Вот я про себя скажу: у меня, так сказать, и игра ума, и мощь фантазии, а вот телосложением я слаб, то есть в смысле мускулатуры... А вы — положительный Буцефал...

— Буцефал — это лошадь была, — улыбнулся Борянский.

— Именно-с, я в этом смысле и изрек, ибо вы, так сказать, олицетворение лошади в мужском роде...

— Берегитесь, чтобы я, несмотря на всю вашу игру ума, не сравнил вас с ослом! — заметил ему Борянский, впрочем, добродушно рассмеявшись.

— А что ж, это недурно сказано! — похва-

лил Орест. — Во всяком случае, видно, что вы и за словом в карман не полезете! Ваше здоровье, маэстро!

И они чокнулись.

— Вы знаете, — стал говорить Борянский Оресту, — вы мне понравились!

— Не вам одним! — с апломбом заявил Орест. — У меня как-то врожденно, что я всем нравлюсь!

— Ну, да, да, разумеется! Так знаете что, чем нам прохлаждаться тут, в трактире, хотите попросту пойдете ко мне, и я вас дома угощу на славу!.. У меня такой коньяк есть!..

Орест приложил палец ко лбу в знак глубочайшего размышления.

Конечно, Борянскому удобнее было возиться с Орестом у себя дома, раз уж так необходимо, чем сидеть в трактире.

— Однако это нужно обсудить и взвесить! — сказал Орест. — С одной стороны, конечно, коньяк, а с другой... где вы живете?

— На Гороховой.

— Ну, вот видите... Значит, до вас еще добираться надо!.. А главное, из этого трактира я пьяный ощупью домой дорогу нахожу, а от

вас куда я уйду?..

— А у меня вы можете остаться и заночевать! А коньяк такой, что, право, ради него стоит отправиться на Гороховую...

— Я всегда говорю, — вздохнул Орест, — что лаской со мной что угодно можно сделать! Одним словом, уговорили!.. Платите за истребованные нами запасы и — пойдете!

От Моховой на Гороховую был изрядный конец, но Борянский не взял извозчика, а пошел с Орестом пешком, не желая, чтобы кто-нибудь из знакомых встретил его едущим вместе с таким субъектом, как Орест. Идя же с ним вместе, он имел возможность при встрече с кем-нибудь из знакомых приотстать и сделать вид, будто гуляет совсем один.

С Моховой от церкви Симеона и Анны они свернули на Фонтанку.

Орест шел, насвистывая, мелкими шажками, но так быстро, что Борянский едва поспевал за ним, несмотря на размах своей геркулесовской походки.

— Куда это вы торопитесь так? — спросил он у Ореста.

Тот покрутил головой и, остановившись,

сказал ему:

— Как это куда!.. К коньяку... И даже к вашему коньяку!..

Он остановился, но не потому, что Борянский окликнул его, а потому что они уже как раз были у крыльца барского дома, к которому подъезжала великолепная карета, запряженная четверней цугом, с фореитором.

Ливрейный лакей отворил дверцу, и из кареты вышла высокая, стройная женщина, такая красавица, что вместе с Орестом остановился и Борянский, невольно заглядевшись на нее.

Она прошла из кареты в подъезд совсем близко от них и, когда скрылась за затворившейся за нею дверью, Орест обернулся к Борянскому и с некоторым волнением заговорил:

— Вы знаете, кто это такая?.. А я с этой женщиной, можно сказать, рос вместе! Эта красавица — воспитанница титулярного советника Беспалова, у которого я имел счастье состоять в сыновьях...

Борянский подошел к карете и спросил у кучера фамилию его госпожи.

Кучер в пышной ливрее, по всей видимости, вольнонаемный иностранец, ответил, не без труда выговаривая по-русски:

— Княгиня Мария, жена дука Иосифа дель Асидо, князя Сан-Мартино!

— Знай наших! — выпалил Орест и прищелкнул языком.

Глава XVII

Старые знакомые

Александр Николаевич Николаев, или просто Саша Николаич, как его звали в обществе, был красивым, видным и богатым молодым человеком. Немудрено, что несколько барышень на выданье были бы непрочь ответить торжественным согласием в том случае, если бы он им сделал предложение руки и сердца.

Сам Саша Николаич после того, как снова стал богатым, не любил показываться в обществе, которое недавно отвернулось от него, когда сочло его разорившимся. Он бывал по преимуществу в небольшом кругу своих друзей, близких приятелей Леки Дабича, относившегося к нему по-дружески и в минуты его несчастья...

А среди знакомых ему девушек давно была одна, особенно покровительствуемая им, а также и его матерью, Наденька Заозерская, судьба которой тоже не была завидной.

Жила и воспитывалась она у тетки, старой

фрейлины Пильц фон Пфиль, никуда не показывавшейся и сидевшей безвыходно и безвыездно в трех комнатах на нижнем этаже Зимнего дворца, где ей отведена была квартира. Если куда и выезжала Наденька, то исключительно благодаря матери Саши Николаича, иногда бравшей ее с собой.

Трудно было сказать, какое чувство питал к Наденьке Саша Николаич. Это совсем не было любовью, потому что разговаривая с Наденькой, Саша Николаич был холоден и, когда видел ее, его сердце не билось сильнее. Но это не было и дружбой, потому что они никогда не вели друг с другом задушевных разговоров.

Но нельзя также было и сказать, что Саша Николаич был равнодушен к Наденьке, потому что ему было скучно, если он долго не видел ее, и потому еще, что ему казалось, что он знал и понимал ее, как никто другой.

Что же касается самой Наденьки, то она прямо, попросту, без всяких затей, с увлечением, по-девичьи любила Сашу Николаича, по-девичьи же скрывала ее, эту любовь, боясь даже себе самой признаться в ней и даже ду-

мать о ней в тишине ночи, чтобы эта тишина не подслушала ее мыслей.

Наденька даже не мечтала, как мечтают многие, если не все, в ее положении. Ей казалось, что для нее никакое счастье немислимо...

Несчастной или обиженной судьбой считать себя она не могла. У нее была прекрасная комната во дворце у фрейлины-тетки, комната в Зимнем, была в ее распоряжении придворная карета с лакеем на козлах, в которой она ездила, когда хотела. Она была одета, обута и сыта...

А что за это она должна была просиживать долгие часы со своей сварливой старой теткой, так это Наденьке казалось ее святой обязанностью. По ее мнению, у каждого человека были свои обязанности, и вот на ее долю почему-то выпала обязанность возиться с престарелой теткой и терпеливо сносить ее капризы.

Тетка боялась сквозняков и потому, несмотря на жару, окна в их квартире постоянно были закрыты.

Наденька сидела у окна, выходящего на

набережную Невы, и вязала гарусные напульсники. В стороне от окна, на диване, с подушками под спиной и скамейкой под ногами, сидела фрейлина и также вязала напульсники.

С тех пор как Наденька помнила себя, они с теткой вязали эти напульсники для бедных, но кто были эти бедные, нуждались ли они на самом деле в этих напульсниках и доходили ли последние до них, Наденька никогда не знала.

Она привычными движениями машинально перебирала спицами, а сама глядела в окно на темную, быстро несущую свои, как бы отяжелевшие воды, Неву. Медленно двигалась по реке баржа. Как чайка взмахивает крыльями, так поднимались вдали весла удалявшегося ялика. Вдруг Наденька, вздрогнув, подбежала к окну и, взглянув в него, застыла на некоторое время без движения.

В это время по набережной мимо окна проезжала кавалькада молодых людей, целое общество, веселое и смеющееся. Все были верхом — и мужчины, и дамы — и всех: их Наденька узнала, но первым среди них узнала

Сашу Николаича, который был в синем рейт-фраке, в блестящих крагах, в надетом слегка набекрень цилиндре, и ехал на тонконогой гнедой лошади. Он ехал рядом со своей дамой, и ею (Наденька сразу же узнала ее) была черноглазая и бойкая, хорошенькая Лидочка, графиня Косунская.

Наденька проводила взглядом проехавшую мимо кавалькаду и грустно опустила голову. Ей было жаль, что она не умеет ездить верхом. Зачем тетка не пускает ее вот так участвовать в удовольствиях и прогулках, которые то и дело устраиваются молодежью, и зачем ей приходится проводить всю жизнь в этих комнатах? Ведь и она могла бы так же ехать верхом рядом с Сашей Николаичем, и так же смеяться и улыбаться тому, что говорит он, а что счастлива она была бы в тысячу раз больше всякой Лидочки-графини, как в виде прозвища звали Косунскую, об этом знала уже только она одна...

Кавалькада промелькнула, как видение, вдруг явившееся и исчезнувшее, и снова все стало по-прежнему: Нева катила свои темные тяжелые волны, медленно двигалась баржа и

взмахивали весла на ялике... Тетка перебирала спицами, вязала напульсник, и Наденька — тоже, и так вот изо дня в день...

Скучно! Хоть бы приехал кто!.. Но приехать к ним некому!

Как раз в эту минуту, словно бы в ответ на мысли Наденьки, вошел лакей и доложил:

— Княгиня Гуджавели, прикажете принять?

«Кто же это? — стала вспоминать Наденька. — Кажется, мы такой и не знаем!»

— Княгиня Гуджавели? — переспросила фрейлина. — Не помню что-то! Надин, мы ведь не помним такой? — обратилась она к Наденьке.

— Я не знаю, тетя! — пожала плечами Наденька.

— Извинитесь и скажите, что я никого не принимаю, — приказала тетя Пильц фон Пфиль.

Лакей ушел, но почти тут же вернулся с подносом, на котором лежал лист бумаги, где было написано по-французски:

«Зизя Атанианц, институтская подруга Ли-ли Пильц, ныне княгиня Гуджавели, просит

принять ее как старую подругу!»

— Ах, да это же Зизя Атанианц! — воскликнула фрейлина. — Просите ее скорей, просите же, как же, помню ее!

Зизя Атанианц стремительно влетела в дверь и кинулась на шею своей подруге.

— Откуда ты?.. Где была?.. Как же так вдруг?..

Княгиня едва успевала рассказывать:

— Ах, дорогая, я жила за границей, в Лондоне, а потом в Крыму... Там у нас земной рай, в Крыму-то... И вот соскучилась по столичной жизни... Я там оставалась в стороне от жизни и так отстала от всего...

— А я, моя милая, — рассказала в свою очередь Пильц фон Пфиль, — тоже живу затворницей, как в монастыре, никуда не показываюсь, да и здоровье не позволяет...

— Ну, все-таки я так рада видеть тебя!..

— А я-то разве не рада? Ты надолго?

— Не знаю еще... Как поживется...

— Ну и отлично!.. Но твой приезд так меня взволновал...

И разговор старых подруг затянулся до бесконечности.

Глава XVIII

Те же и княгиня

Орест Беспалов пропал на три дня и в доме Николаева не показывался, так что даже Анна Петровна, мать Саши Николаича, обеспокоилась и пришла в кабинет сына расспросить его, что могло такое случиться с «месяем Орестом», и отчего его так долго нет.

— Вероятно, он хронически нездоров, маман! — ответил Саша Николаич. — Впрочем, если он не явится сегодня, то я пошлю о нем узнать у его отца!

— То-то же! Его же три дня уже нет!

— Неужели три дня?

— Вот что значит, милый мой, вести рассеянную жизнь, участвовать в кавалькадах и тому подобное!.. Вы же потеряли счет времени!

— Да, и в самом деле! — согласился Саша Николаич. — Я в эти дни что-то уж слишком разгулялся! А что, вы давно не видели Наденьку Заозерскую?

— Она вчера была у меня и сегодня опять

хотела заехать. К ее тетке явилась приехавшая в Петербург товарка по институту, какая-то восточная княгиня из Крыма, и Наденьке теперь посвободнее.

— Не пугайтесь, это я! — послышался в это время голос Ореста, и в растворенном окне показалась его фигура.

Хотя он и просил не пугаться, но его появление было так неожиданно, что Саша Николаич и Анна Петровна невольно вздрогнули.

— Вы что же это? — спросил Саша Николаич. — Опять нездоровы, как говорит маман, если опять показываетесь в окне?

— Гнусные предположения, помилуйте, г-дадьго! Сегодня я как стеклышко и мог бы, не нарушив чистоту ваших заветов, переступить порог вашей хижины, если бы не некоторый изъян в деталях моего туалета, пришедшего в некоторый беспорядок за прошедшие три дня!

— Где это вы пропадали? — спросил его Николаев.

— Еще одна новая связь в аристократическом обществе!.. Ничего тут не поделаешь... Известное положение в свете обязывает!..

Объявился маэстро бильярдной игры; ну, понимаете, я и увлекся...

— Игрою?!

— Нет, коньяком. Коньяк у него просто удивительный! Он дышит, но зато и выдержать его для человека просто невозможно. Я из всех трех ночей только коньяк и помню, а потом там все сливается; ну и, по правде сказать, я никак не могу сейчас рассудить, что там сон, а что — действительность! Какие-то голоса... табачный дым... трубки!..

— Ну, я уйду! — сказала Анна Петровна вставая.

— Благодетельница!.. — остановил ее Орест. — Может быть, я шокирую вас? Так вы меня без всяких там церемоний в три шеи позагривку!..

— Нет, нет, я пойду! — настаивала Анна Петровна и обратилась к сыну: — Верно, сейчас Наденька приедет, и тогда я пришлю за тобой!..

И она мелкими шажками вышла из комнаты.

— Ну, так вот, — продолжал Орест, подпрыгнув и удобнее устраиваясь на подокон-

нике, — я и говорю: табачный дым, трубки, какие-то рожи... Потом чувствую, что меня хоронят... Заколотили в гробу, и я слышу разговор про вас! Вам готовится какая-то гадость: что именно — вспомнить не могу. Для этого надобно снова напиться, тогда вспомню. Потом я ужасно мучился, что меня заживо зарыли в землю; я сделал нечеловеческое усилие над собой, очнулся, поднял руки и уперся ими в доски, вскинул ногами и они тоже ударились в доски... Представьте себе мой ужас... Но потом все оказалось просто: я лежал под столом... заснул там... Ну, а дальше опять канитель. Опять коньяк, да!.. Вот что, гидальго!.. Это я помню уж, когда я совсем пришел в себя... хотя я был еще... Ведь я видел принчипессу!

— Какую принчипессу?

— Марию, которую вы знавали еще в качестве воспитанницы титулярного советника Беспалова. Я видел ее на Фонтанке, как она проследовала из кареты в подъезд; оказалось, что она жена какого-то итальянского князя, все титулы которого трезвому, уважающему себя россиянину произнести никак невоз-

МОЖНО...

— Вас спрашивает дама, — доложил вошедший в это время лакей, обращаясь к Николаеву.

— Дама? — удивился Саша Николаич.

— Да-с, княгиня... дальше я не мог запомнить... Вот они тут написали...

И он подал золотообрезный листок, очевидно, вырванный из элегантного дамского блокнота.

— Супруга, — прочел Саша Николаич, — дука дель Асидо, князя Сан-Мартино.

— Это она! — воскликнул Орест. — Говорю вам: это она!.. Поступайте, как знаете, а я исчезаю, ибо боюсь смутить ваши и принципессы прекрасные очи видом своего ничтожества...

И он действительно исчез в единый миг, будто бы провалился сквозь землю.

Саша Николаич хотел остановить его, сейчас же выглянул в окно, но, посмотрев направо, а потом налево, уже не увидел Ореста нигде.

— Вероятно, княгиня не меня, а барыню спрашивала? — поинтересовался он у лакея.

— Нет-с, они именно вас спрашивали! — настаивал лакей.

— Тогда проси ее сюда!

В кабинет Саши Николаича вошла высокого роста женщина, хорошо сложенная, с твердою, почти мужской походкою, но по фигуре, очевидно, уже немолодая. Ее лицо было закрыто густой вуалью. Она тотчас же подняла вуаль, и Саша Николаич увидел перед собой совсем не ту, которую, на основании слов Ореста, он ожидал увидеть.

Явившаяся к нему княгиня Сан-Мартино была, скорее, пожилой женщиной, с резкими чертами лица, лишь свидетельствовавшими о том, что когда-то и она была красива. Ее кожа была смуглой от солнечного загара. Манера и осанка были безукоризненными, и Саша Николаич сразу же увидел, что он имеет дело с женщиной, привыкшей жить среди людей, которые присвоили себе право распоряжаться другими.

Княгиня вошла, подняла вуаль, с достоинством поклонилась и села в кресло, пригладила рукою волосы и указала Саше Николаичу рукою на кресло.

— Я нарочно приехала в Петербург, чтобы повидаться с вами, — начала она. — Как вы можете судить по моему имени, я — иностранка, очень плохо говорю по-русски и приехала в Петербург издалека нарочно, чтобы повидаться с вами...

Говорила она на том изысканном французском языке, на котором изъяснялись при дворе французских королей и который был выработан целым рядом поэтов и писателей в салонах Рамбулье.

— Я к вашим услугам, — вежливо склонил голову Саша Николаич, — будьте добры, княгиня, приказывать, чем я могу вам служить?

Он тоже воспитывался в Париже и владел французским языком в совершенстве.

— Дело касается вас, — начала княгиня, — главным образом потому, что в нем замешана не только память вашего покойного отца, но и его честь...

Саша Николаич так мало знал о своем отце, что каждое упоминание о нем сильно его волновало.

— Вы знали моего отца? — воскликнул он.

— Нет, к сожалению, я не была знакома

лично с кардиналом Аджиери; несмотря на все мои старания, обстоятельства складывались так, что мы встретиться не могли. Судьба не захотела этого, а то, вероятно, мне не пришлось бы сейчас разговаривать с вами и все было бы покончено еще с вашим батюшкой... О, я слишком уверена в чести кардинала Аджиери и не сомневаюсь также и в том, что это его достоинство перешло и к его сыну! Поэтому я и приехала в Петербург издалека, чтобы повидаться с вами.

— Дело, очевидно, очень серьезное, — с пониманием сказал Саша Николаич, заметив, что она уже в третий раз повторяет, что нарочно приехала для встречи с ним в Петербург.

— Да, на нем основано благосостояние целой семьи.

— Вот как?

— У вашей батюшки в Голландии, вблизи Амстердама, на мызе, которая, вероятно, перешла в ваше владение вместе с остальными поместьями кардинала, был сооружен тайник, в котором хранились не принадлежащие вашему отцу деньги. Он купил эту мызу,

не подозревая о существовании тайника. Может быть, тайник этот остался неизвестен ему до конца его жизни, неизвестен он и вам... В таком случае, я хочу сказать вам, что я знаю секрет этого тайника, и одно это уже может служить вам доказательством того, что я имею на него некоторое право.

— Простите, княгиня, — остановил ее Саша Николаич, — но в ваших речах есть несколько неточностей. Мыза в Голландии составляет единственное поместье, доставшееся мне от кардинала...

— Понимаю, — подхватила княгиня, — вы хотите сказать, что получили от него в наследство эту ничтожную по своей ценности мызу, а та роскошь, которая окружает вас, этот дом, деньги, которые вы тратите, все это — ваша личная собственность...

— Нет, я вовсе не хочу сказать этого, — спокойно возразил Саша Николаич, — напротив, я хочу подтвердить только, что все, что было мною получено, было взято из того тайника, о котором вы говорите...

— А, вы признаете это!

— Я не могу не признавать, если вы спра-

шиваете меня... Ложь я не считаю достойной дворянина.

— Тем лучше! — обрадовалась княгиня. — Если вы будете разговаривать со мной как дворянин.

— Иначе я говорить не умею!

— Тогда мы быстро сойдемся с вами. Вы знаете о происхождении денег, хранящихся в вашем тайнике?

— Знаю! Они были выручены от продажи ожерелья, украденного у герцога де Рогана...

— Украденного! — подчеркнула княгиня. — Такие слова не должны срываться с вашего языка, когда речь идет о вашем отце. Дело с ожерельем слишком темно!

— Напротив — оно совершенно ясно! Де Роган купил это ожерелье, чтобы подарить его королеве Марии Антуанетте потому, что его уверили, будто королева примет его подарок, но те, которым он поручил доставить его королеве, украли его, продали в Амстердаме и спрятали деньги на мызе, впоследствии купленной моим отцом.

— Хорошо, пусть будет так, — согласилась княгиня, — главное тут в том, что вы призна-

ете, что эти деньги получены от продажи ожерелья и, следовательно, не принадлежат вашему отцу...

— Да, они выручены от продажи ожерелья, но они принадлежат моему отцу, я точно это знаю...

— Как же так? — воскликнула княгиня, теряя самообладание. — Вы называете ожерелье краденым и не смущаетесь, что на вырученные от его продажи деньги мог жить ваш отец, которому они принадлежали? Разве это называется разговаривать, как подобает дворянину?

— А все это очень просто, — улыбнулся Саша Николаич, — ведь кардинал де Роган оплатил бриллианщикам сразу всю сумму за ожерелье!..

— Положим!..

— Значит, он только один может распоряжаться этим ожерельем или деньгами, вырученными за него?. И вот на основании его воли, мой отец, который был секретарем при кардинале де Рогане, получил эти деньги в свою собственность.

— Но разве имеются на этот счет какие-ни-

будь данные? — кусая губы, произнесла княгиня, чувствуя, что почва уходит у нее из-под ног.

— О да! — подтвердил Саша Николаич. — И если вы так интересуетесь этим, я могу вам показать сейчас неоспоримое свидетельство... — Он встал со своего места, подошел к бюро, отпер верхний ящик с правой стороны и достал оттуда небольшую связку документов, перевязанных черной лентой. Он развязал ее, перебрал бумаги и, вынув сложенное вчетверо письмо, сказал:

— Вот, княгиня, позвольте прочесть?

И он прочел:

«Дорогой аббат!

Вы пишете мне, что по воле Промысла к Вам в руки вместе с купленной Вами мызой перешли деньги, вырученные за украденное у меня ожерелье, за которое я уплатил полную стоимость ювелирам. Поэтому Вы совершенно правы: деньги мои, и я благодарю Вас, что Вы, как всегда, желаете доказать мне свою преданность, вернув мне эти деньги по принадлежности. Но, я думаю, Вы поймете, что все, связанное с

этим несчастным делом об ожерелье, вызывает у меня слишком грустные и тяжелые воспоминания. Между тем я сознаю, что еще недостаточно вознаградил Вас за Вашу долгую службу при мне, и потому прошу Вас принять эти деньги от меня как слабый знак моего всегдашнего к Вам расположения и благодарности...»

Письмо подписано кардиналом де Роганом, а опечатано в левом углу внизу печатью с гербом Роганов и их девизом:

*«Королем быть не могу.
Быть принцем — не считаю
Достойным себя.
Я есмь Роган!»*

— Вот вам, — пояснил Саша Николаич, — подлинное письмо кардинала к аббату Жоржелю, как тогда звался мой отец... Я думаю, что теперь всякие сомнения у вас должны исчезнуть?..

Княгиня взглянула на подпись.

— Да, это собственноручный почерк кардинала де Рогана, — сказала она, видимо, отлично знакомая с подписью Рогана.

После этого княгиня поникла головой и закрыла лицо руками, но вот, сделав над собой невероятное усилие, она поднялась, опустила вуаль, и, как тень, выскользнула из комнаты, не произнеся более ни единого слова.

Саша Николаич пошел было проводить ее, как вдруг услышал голос Ореста, появившегося снова в окне.

— Это была не она! — провозгласил он и поднял палец кверху.

— Откуда вы взяли и куда вы исчезаете? — спросил его Саша Николаич.

— Все очень просто! — пояснил Орест. — Я лежал во прахе на земле под окном. Когда вы выглядывали из окна, то не догадались посмотреть вниз. А я лежал внизу и слышал всю вашу интересную беседу с княгиней... Хотите знать, кто она на самом деле?

— Кто же?

— Маркиза де Ламот...

— Что за вздор!

— Очень может быть. Я это вспомнил в пьяном бреду... я сейчас вот лежал за окном, пока вы разговаривали с нею, и мне пришло в голову сравнение, как я лежал под столом

маэстро Борянского...

— У кого?

— У известного маэстро бильярдной игры Борянского; вы не слышали разве о нем?

— Нет.

— Как же вы, гидальго, отстали от общественных течений!.. Впрочем, немудрено, ведь я же три дня отсутствовал и не мог вас просветить насчет означенного маэстро. Итак, лежа под столом в состоянии опьянения у маэстро Борянского, я был не замечен некими существами, одно из которых было самим Борянским, а другое осталось неизвестным, и я услышал их разговор, как я уже докладывал вам, как бы сквозь сон или полусознание... Это смешивалось с тем, что будто бы меня погребли... Но вот сейчас, лежа под окном, я вспомнил. Они упоминали, что приехавшая в Петербург госпожа де Ламот явилась здесь под фамилией, ну, как там ее... княгини, что только что была у вас...

— Княгини Сан-Мартино...

— Ну, вот именно, и я вспомнил, даже подумал, какая-то тут странность! Принчипесса Мария носит ту же фамилию... А, впрочем, все

это мне, может быть, почудилось...

— Вернее всего, что почудилось, — сказал Саша Николаич. — Госпожа де Ламот, участница знаменитого дела об ожерелье, умерла в Лондоне...

— А все-таки, как эта княгиня в разговоре напирала насчет этого дела!..

— Что ж, вы думаете, к нам приехало привидение с того света, что ли?.. Насколько я знаю, привидения днем не гуляют и не велят докладывать о себе лакеям...

— Может быть, — пожал плечами Орест, — я в политику не вмешиваюсь... Но мне все-таки было бы занятно, что вот я, Орест Беспалов, и вдруг вхожу в сношения с историческими, можно сказать, личностями! Понимаете?! Вдруг слово Ореста принадлежит истории... Завидное великолепие, а?

Глава XIX

Белый

То, что слышал Орест Беспалов и принял за свой бред, было полной действительностью.

Жанна де Ламот приняла имя дука дель Асидо, его жены, княгини Сан-Мартино, и об этом говорилось у Борянского, когда Орест, незамеченный и забытый, пьяным лежал под столом, покрытым скатертью.

Вот как все это случилось.

Приехав в Петербург, Жанна де Ламот остановилась вместе с княгиней Гуджавели в гостинице. Они вместе проделали весь путь из Крыма в Петербург почти безостановочно, ехали день и ночь.

В Петербурге Жанна первым делом отправилась к одному из членов общества «Восстановления прав обездоленных», с которым была в деловой переписке и адрес которого она знала.

Родом он был, как и она, француз, а в обществе носил синий цвет. Этот Синий очень уди-

вился появлению Жанны де Ламот, а она потребовала, чтобы общество немедленно предоставило помещение для нее и достало ей вид на жительство, причем она соглашалась исполнять какую угодно роль — гувернантки или даже продавщицы в магазине.

Синий озабоченно покачал головой и ответил, что сам ничего не может поделать, и что он обо всем должен доложить Белому...

На счастье Жанны доклад у Белого был как раз в день ее приезда, и Синий повез ее прямо к нему.

Белый, название которого, как заметила Жанна, вполне подходило к нему, потому что волосы его были белы, как снег или серебро, не выказал ничего по поводу неожиданного появления Жанны. Она же приготовилась к тому, чтобы защищаться от его упреков, зачем она явилась незваной, приготовившись высказать в красноречивой форме все, чем, по ее мнению, было обязано ей общество, которое могло по ее указаниям получить большие деньги, и не ее вина, если общество не дало ей самой действовать, а повело дело само и ничего не сделало толком.

Но все эти ее приготовления были совершенно напрасными. Белый встретил Жанну совершенно бесстрастно, расспросил, как она перенесла дорогу и, узнав, что та приехала с княгиней Гуджавели, поинтересовался, сохранила ли княгиня связи в Петербурге.

Узнав о наличии таких связей, Белый предложил Жанне остаться в Петербурге под видом жены дук дель Асидо, князя Сан-Мартино, брат-де которого, младший дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, только что приехал в Петербург вместе с молодой женой. Эта молодая русская княгиня знакома в Петербурге очень немногим, и дук, ее муж, очень рад будет, если Жанна, под видом его невестки, с помощью княгини Гуджавели представит ее высшему обществу.

Жанне очень понравился предложенный им титул, она сомневалась только насчет самого дук — согласится ли он предоставить ей этот титул?

Белый сказал, что ее это не касается и что он в отношении дук все берет на себя.

Жанна поняла, что дук Асидо, князь Сан-Мартино, вероятно, сам входит в состав обще-

ства «Восстановления прав обездоленных», но ей это было совершенно безразлично, если тот, кто носил этот титул, соответствовал ему по манерам и по обстановке своей жизни.

А Жанне нетрудно было уговорить княгиню Гуджавели, делавшую все, что она только желала, переехать в дом, занимаемый дуком и его женой, и согласиться выдавать самое Жанну за невестку дука.

Ламот объяснила ей, что дук по старой дружбе готов выручить ее из затруднения, так как знает, что ей нельзя под своей фамилией нигде появиться.

Объяснение было мало правдоподобным, но простоватая княгиня, до пожилых лет сохранившая наивность институтки, тут же поверила ему, главным образом потому, что это объяснение предложила Жанна, в которой она души не чаяла.

И вот Жанна с княгиней переехали на Фонтанку, в дом, занимаемый дуком. Им отвели в нижнем этаже помещения целую квартиру.

Сам дук не оставлял желать ничего лучшего в смысле своей внешности и манер. Высокий и стройный, с густо-черными, как и

должно быть у итальянцев, лоснящимися волосами, он был одет и держал себя безукоризненно, со спокойствием и уверенностью, с вежливостью аристократа... На вид он казался, несомненно, старше своей жены, однако, трудно было определить это с точностью, трудно даже было определить его приблизительный возраст.

Жена дука была красива, умна, говорила по-французски, умела одеться с большим вкусом и никогда и ни в чем не проявляла ни малейшей тени вульгарности. А это было все, что требовалось от женщины в ее положении.

Жанна сразу же поняла и оценила, что такую женщину будет нетрудно ввести в высшее общество.

Относительно дома дука и его обстановки тоже ничего нельзя было сказать худого. Дом был убран с изысканной роскошью, солидный и полон слуг в ливреях с замысловатыми гербами.

Все было хорошо, и Жанна должна была быть довольна, хотя, конечно же, Петербург нельзя было сравнить с Парижем, о котором

она уже давно мечтала. Но все-таки и в Петербурге жили недурно, в особенности же в доме дука.

В первые дни после приезда Жанна занималась приведением в порядок своего туалета, что всегда приятно женщине, каких бы лет она не достигла. Нужно было покупать материи, заказывать платья, примерять их, и Жанна, хотя и говорила, как все женщины в подобных случаях, что страшно устает и терпеть не может этого, с почти ребяческой радостью покупала, выбирала и примеряла. Ни Белого, ни Синего она не видела и ничего не смогла предпринять в отношении дела.

Наконец, платья были готовы.

Княгиня Гуджавели отправилась наносить визиты и возобновлять старые знакомства. В особенности она рассчитывала на дружбу со старой институтской товаркой — фрейлиной Пильц фон Пфиль.

Жанне некуда было ехать в новых нарядах, и, кажется, кроме всего прочего, это и было главной причиной того, почему она отправилась к Саше Николаичу, надеясь на свою ловкость и опытность в переговорах, думая, что

эти переговоры с молодым человеком, каким был Николаев, могут увенчаться успехом. Во всяком случае, она хотела начать с переговоров, а если они не удадутся, дальше действовать по своему усмотрению.

И вот с первого же шага ее ждала неудача, и все комбинации Жанны были разбиты. Саша Николаич, как щитом, был огражден письмом кардинала де Рогана к аббату Жоржелю и являлся неуязвимым не только со стороны, так сказать, официальной правды, поддержанный судом и законом, но и со стороны правды внутренней, то есть чести и справедливости.

Такой неудачи Жанна никак не ожидала, все ее расчеты и надежды рушились, как картонный домик, и исчезали, как исчезают воздушные замки мечтательного человека при первом же столкновении с действительностью.

Действительность же для Жанны была неумолимой и беспощадной, и она только убедилась, что напрасно приехала в Петербург, что все ее хлопоты и тяготы пути были излишними, что ее песенка спета и что луч-

ше ей было бы оставаться в Крыму, чем пересекать всю Россию с юга на север, чтобы только убедиться в том, что больше никакой надежды нет...

Понятно, конечно, в каком состоянии вышла Жанна де Ламот от Саши Николаича и в каком состоянии она вернулась домой.

Там, в первой приемной комнате, ее дожидался старик, которого она знала под именем Белый. Когда Жанна вошла и остановилась, не поднимая вуали, он оглядел ее и спросил с никогда не покидавшей его улыбкой:

— Ну, как здоровье господина Николаева?

Жанна вдруг откинула вуаль и сделала шаг вперед. В этом вопросе ей вдруг послышалось нечто, говорившее ей, что еще не все потеряно.

— Откуда вы знаете, что я была у господина Николаева? — проговорила она.

— Сначала успокойтесь, — произнес старик тихо, но внушительно, — и сядьте! Узнать, что вы ездили к Николаеву, было совсем не трудно, потому что вы справлялись о том, где его найти и где он живет... К тому же, поверьте, если бы обществу могло повредить

ваше посещение Николаева, я сумел бы сделать так, чтобы вас вовсе не допустили к нему.

— Вы, значит, хотите сказать, — с живостью воскликнула Жанна, — я еще ничего не испортила и не могла испортить и что еще не все проиграно?

— Может быть, — остановил ее старик, — вы не могли испортить ничего именно потому, что все уже проиграно. Во всяком случае, теперь-то вы убедились, что агентами нашего общества было сделано все возможное и что вы напрасно упрекали их, воображая, что вы сами могли бы действовать гораздо лучше.

— Я никогда никому не говорила этого!

— Но думали, верно?!

Жанна остановилась и замолчала. Она была вынуждена согласиться, что действительно думала так.

— Ну а теперь, — продолжал Белый, — все-таки я вам скажу: «Надейтесь!» Есть немало вероятия в том, что состояние, находящееся теперь руках Николаева, перейдет к нашему обществу...

— Да неужели? — снова воскликнула Жан-

на, как бы вновь оживая. — Как же это так?

— Ну, об этом пусть знаю только я один, с вас же будет довольно и того, что я вам сказал сейчас.

— Но, видите ли, — принялась тут же возражать Жанна, — я вас потому и прошу сообщить ваш план, что в таком случае я и сама буду лучше действовать, зная, в чем дело. Моя опытность и знание людей могут быть полезны и вам.

— Не сомневаюсь! — согласился старик с нею. — Я и воспользуюсь ими, когда это будет нужно, вашим опытом и знанием людей, но делать вы будете только то, что вам будет указано, а в противном случае...

— Вы угрожаете мне?!

— Да, угрожаю!.. И моя угроза для вас не пустячная... Вы можете быть высланы отсюда в двадцать четыре часа, стоит мне только открыть одну маленькую подробность...

— Какую же подробность?

— Клеймо палача, выжженное на вашем плече...

Жанна вспыхнула и вся кровь бросилась ей в лицо; в первый миг она готова была заду-

шить старика. Но его спокойные, даже как будто насмешливо-добродушные глаза остановили ее, и она почувствовала свое полное бессилие, потому что угроза была поистине страшна ей. Она тут же возненавидела старика за только что высказанное им, но ничего не могла сделать ему, потому что чувствовала, что он господствует над нею.

«Безжалостный, отвратительный, бессердечный человек!» — так думала она про старика, вся трепеща от едва сдерживаемой злобы к нему, и, вместе с тем, вынуждена была потупить свой взор и чуть не покорно склониться перед ним.

Выдержав длительную паузу, старик как бы говорил Жанне де Ламот своим молчанием: «Ну-ка, попробуй ответь мне, скажи хоть что-нибудь!» И только убедившись, что она ничего ему не пробует возразить, проговорил тоном, близким к тому, когда под видом просьбы отдают приказания:

— Ну, теперь расскажите мне о вашем разговоре с Николаевым!

Жанна глубоко вздохнула, справилась с собой и покорно начала рассказывать.

Старик несколько раз переспрашивал ее, видимо, очень интересуясь ее рассказом.

— Так он не отрицал, — сказал он как бы между прочим, — что в тайнике им были найдены деньги?.. Это очень важно! А документы, с которыми он хранит письмо от кардинала, где у него лежат?

— В правом верхнем ящике бюро, — отчетливо сказала Жанна, так же отчетливо, как это сделал бы офицер, посланный на разведку и докладывающий результаты ее.

— Вы знаете это наверное?..

— О да, наверное...

— Ну, а скажите, пожалуйста, когда он перебирал документы, не видели ли вы среди этих документов у него небольшого продолговатого куска синей золотообрезной бумаги с тремя строчками текста и подписью и печатью в углу?

— Вроде обыкновенной расписки? — проговорила Жанна.

— Вот именно! — подтвердил старик.

— Да, я видела такую, — кивнула Жанна.

Старик, казалось, был очень доволен ее ответами.

— Ваш визит к Николаеву, — проговорил он, — даром не пропал; вы сами, того не ведая, сделали несколько весьма ценных наблюдений и дали весьма интересные и нужные сведения! Можете удовольствоваться тем, надеяться на меня и терпеливо ждать, беззаботно предаваясь жизни, которая может устроиться для вас в Петербурге!..

Он встал, простился с Жанной поклоном и ушел.

Де Ламот, посмотрев ему вслед, почувствовала, что при всей своей злобе и ненависти, зародившихся у нее к этому человеку, он оказался первым и единственным, кто вынудил ее склониться перед собой.

Глава XX

Глава, из которой ясно, что Борянский незнаком с химией

Белый, оставив Жанну де Ламот и выйдя из дома, занимаемого ею, пешком направился по делам, уверенно поворачивая из улицы в улицу, очевидно, великолепно знакомый с расположением улиц Петербурга. Последнее, в сущности, совершенно противоречило уверенности его подчиненных, членов общества «Восстановления прав обездоленных», в том, что он только недавно приехал сюда из-за границы.

Он, по-видимому, знал не только улицы, но даже и закоулки, и проходные дворы Петербурга, пустыри, через которые живо пробрался почти на окраину города, на Слоновую улицу, которая была проложена всего шестьдесят семь лет тому назад и названа так потому, что здесь были тогда устроены загоны для слонов, присланных в подарок правительнице Анне Леопольдовне персидским шахом,

который желал жениться на великой княжне Елизавете Петровне, впоследствии императрице.

Ни слонов, ни их загонов уже давно не существовало, и как раз на том месте, где когда-то был один такой загон, теперь стоял одноэтажный деревянный домик с мезонином, к которому и направился сейчас Белый.

Он миновал просторные сени, устроенные наподобие довольно длинной стеклянной галереи, и подошел к одностворчатой двери, возле которой на стене был прикреплен медный гонг и молоток еще по старинному обычаю семнадцатого века. Белый взял молоток и ударил им по гонгу три раза.

На этот его стук отворилось маленькое окошко в двери, из которого выглянул глаз и послышался тихий голос:

— Это вы, хозяин?.. Простите, я не узнал вашего стука.

Моментально послышался лязг отодвинувшегося запора, и дверь распахнулась.

Слуга, такой же старый, как и тот, кого он называл хозяином, с поклоном пропустил его и дверь сейчас же закрыл за ним на засов.

Белый прошел мимо, не обратив на него внимания, и не спросив ничего, направился в комнату, где ему навстречу поднялся, видимо, давно уже ожидавший его Борянский.

— Пройдем сюда! — сказал Белый, не здороваясь с ним.

Он провел его в следующую, смежную с первой, комнату, убранную столь же просто, как и первая.

Однако в этой второй комнате стояло больше вещей. Тут был стол с чернильницей и бумагами и двумя толстыми книгами в кожаных переплетах, старинное кресло с высокой спинкой, два стула, и целая стена была занята книгами, баночками, флаконами и пузырьками с надписями и без них, наполненными различными химическими жидкостями и порошками.

Войдя в эту комнату, старик сел, сложил руки и посмотрел на Борянского. Он не предложил ему сесть и тот стоял перед ним, как будто чувствуя себя не совсем ловко, но тем не менее волей-неволей примирившись с этим.

— Ну что, свел ты знакомство с Орестом

Беспаловым, как я приказал тебе? — спросил старик, строго глянув на Борянского.

— Я возился с ним три дня! — недовольным голосом проворчал тот.

— Даже целых три дня?! — усмехнулся Белый.

— Не расставаясь! — подтвердил Борянский. — Я его зазвал к себе и поил коньяком! Лучшего знакомства с этим субъектом нельзя было сделать...

— Ух, жарко! — вздохнул Белый. — Я шел сейчас пешком и наглотался пыли!.. Дай мне стакан лимонада, который должен стоять в графине, вон там, на окне...

Белый сказал это Борянскому, точно отдал приказ лакею, и тот, хотя и поморщился, но все-таки пошел за лимонадом, принес полный стакан и подал старику.

Тот отпил глоток, остановился, потом отпил еще, почти до половины стакана и, поставив его на стол перед собой, сказал:

— Странно! У этого лимонада какой-то странный привкус, горький!

— Вероятно, вас рассердили чем-нибудь, — сейчас же заметил Борянский, — и это желчь

сказывается!

Старик пристально посмотрел на него.

— Да, очевидно, это желчь сказывается! — повторил он и, показав Борянскому на стул перед собой, добавил: — Садись! Я хочу поговорить с тобой! Ты давно знаком с химией?

Борянский, отрицательно покачав головой, ответил:

— Нет, понятия не имею.

— И ничего не слышал о ней?

— Нет.

— Так что ты не знаешь, что означает формула $C_{26}H_{36}O_2$?

Спрашивая это, старик так внимательно вглядывался в Борянского, как будто не только хотел проникнуть, но и проникал в самые его мысли.

— Это для меня полнейшая тарабарщина, — ответил, видимо, совершенно искренне Борянский, который вдруг стал гораздо развязнее, чем прежде.

Он не только сел, но и закинул ногу на ногу и, свободно положив руку на стол, барабанил по нему пальцами.

— Ну а с историей?.. С нею ты, верно, зна-

ком, хотя бы немного? — продолжал допрос Белый.

— По истории я об Александре Филипповиче Македонском слышал! — не задумываясь, сообщил Борянский.

— Чудесно! — одобрил старик. — И, главное, совершенно справедливо: отца Александра Македонского действительно звали Филиппом; а потому он по бабушке в самом деле будет Филипповичем. Ты, небось, и Плутарха читывал?

— Нет, говоря откровенно! — сознался Борянский. — Я таких книг не читаю!.. Некогда, знаете, да и голова не тем занята!

— Словом, выходит, что и в истории ты не очень-то силен! Ну а хочешь, я сообщу тебе сведения, которое известно и не всякому ученому академику? Знаешь ли ты, то есть знают ли официальные ученые, которые сидят в Академии, что знаменитая в Италии фамилия Борджиа происходит из Африки, от арабского племени? В Африке до сих пор недалеко от Туниса существует целое племя арабов, которые называются борджиа, что по-арабски означает укрепление. Это же племя славится, между

прочим, тем, что знакомо с тайнами многих растений и знает действие их соков. Ну так вот, один араб из этого племени борджиа попал в Испанию и, приняв там католичество, стал основателем рода Борджиа, а его потомки впоследствии прославили себя тем, что достаточно гнусно вели себя в Италии... Один только папа Александр Борджиа чего стоит! Официальная история говорит только, что Борджиа происходят из Испании, но умалчивает о том, что там, в Испании-то, они родились от крещеного араба. Но как наследие африканского племени у Борджиа в семье хранились удивительнейшие яды, тайна которых переходила, по преданию, из поколения в поколение. Знания родоначальника-араба сказались и на потомстве. Вот откуда происхождение таинственных ядов, известных семье Борджиа в Италии, и вот те краткие сведения, которые я хотел сообщить тебе по истории. Не правда ли, очень интересно все это?

— Да, я слушаю с большим удовольствием, — согласился Борьянский с очень серьезным видом.

— А теперь, — продолжал старик, — я хочу тебе кое-что сообщить и по химии. Дело в том, что ничего на свете нет тайного, не ставшего бы в конце концов явным. Так вот, страшная аква-тофана семейства Борджиа была исследована и перестала быть секретом для людей, которые интересовались этим. Основой этой самой аквы, нескольких капель которой вполне достаточно, чтобы у человека тотчас же возникли судороги и немедленная смерть, и против которой нет противоядия, служит алкалоид бруцин, входящий в состав многих растений вида стрихнос, вместе со стрихнином, а также в бруцеа антидизентерика; в кореньях он соединен с дубильной кислотой и извлекают его при помощи алкоголя. Бруцин оседает в виде кристаллов — четырехгранных призм; восемьсот пятьдесят частей холодной воды растворяют только одну часть бруцина. — Старик встал, подошел к полке, взял там один из пузырьков, вернулся к столу и снова сел в кресло, продолжив: — В алкоголе бруцин растворяется легко, и вот, растворенный в алкоголе, он-то и является той аква-тофана, которая, будучи подмешан-

ной к любому напитку, вызывает неминуемую смерть...

Он взял стакан с лимонадом и выпил почти все, что в нем было, оставив только немного на самом доньшке.

Борянский удивленно смотрел на него.

А Белый между тем спокойно продолжал:

— Отличить примесь бруцина довольно легко. Он горек на вкус, как вот этот лимонад, и если в напиток, отравленный аква-тофана, влить немного фиалкового сиропа, то напиток тотчас же окрасится в зеленый цвет. Смотри же!

Старик взял стакан с остатками лимонада и влил туда почти половину пузырька, взятого им с полки.

На дне стакана тотчас же образовалась муть; постепенно она приняла синеватый оттенок, потом стала опаловой, а затем и ярко-изумрудной. Окрасившись в зеленый цвет, содержимое стакана больше уже не меняло своего цвета.

— В этом пузырьке у меня, — пояснил старик Белый, — был фиалковый сироп; отсюда ясно, что лимонад был отравлен бруцином, —

и он, как учитель, блестяще решивший в на-
зидание ученику математическую задачу,
взглянул на Борянского и поставил стакан на
стол.

Борянский, бледный и взволнованный,
глядел на него.

— Если ты не знал всего этого, — снова за-
говорил старик, — то ты — плохой химик, хо-
тя это тебе и не мешает пользоваться услуга-
ми этой науки в готовом, правда, виде. Ты и
не подозревал, очевидно, что яд, который ты
накапал мне в стакан с лимонадом — и надо
отдать тебе справедливость, сделал это очень
ловко — знаменитая аква-тофана фамина фа-
милии Борджиа по истории, а по химии —
простой раствор бруцина. Или ты будешь от-
рицать, может быть, что имел желание отрав-
ить меня и ловко воспользоваться случаем?

Борянский криво усмехнулся одними губа-
ми и, нагло посмотрев на старика, произнес:

— Нет, отрицать я не стану; я отравил твой
лимонад, потому что еще никто в жизни не
унижал меня так, как посмел меня унижить
ты. Что ж, из-за того, что ты каким-то дья-
вольским способом узнал, что было седьмого

мая семь лет назад, я должен, по-твоему, вечно быть в зависимости от тебя?.. И служить тебе, нацеплять нелепые кокарды, исполнять столь же нелепые приказания, вроде того знакомства с тем пьянчугой?.. Разве я не понимаю, что ты заставил меня возиться с пьяным Беспаловым только ради того, чтобы испытать мое послушание? Ну, так я и выказал это послушание, но терпеть тебя больше не могу и не буду! Ты сказал, что этот яд называется аква-тофана? Мне до его названия нет дела, но я знаю, что действует он без промаха! Ты спокойно со мной разговариваешь и показываешь свои эксперименты, уверенный, что тебе известны противоядия или вообще что-то такое, что спасет тебя, но это — яд испытанный и, после того, как ты его принял, времени прошло уже столько, что ты и крикнуть не успеешь, как с тобой начнутся судороги и ты повалишься мертвым. Я со своей стороны уверен в этом так, что не боюсь тебе открыто об этом говорить: ведь минуты твои сочтены!

Старик в это время продолжал так же спокойно смотреть на Борянского, кривя губы в своей неизменной улыбочке.

— Не тебе считать минуты моей жизни! — покачал он головой. — Ты видел, что я допил остатки лимонада уже после того, как узнал, что пью яд. Неужели ты думаешь, что я сделал бы это, если бы имел хоть малейшее подозрение, что налитый тобою яд будет для меня не только смертельным, но и даже хотя бы просто вредным?

— Ты можешь ошибиться в составе яда, но я-то знаю его действие!..

Вероятно, Борянский и в самом деле был уверен в действии своего яда, данного им Белому, если говорил так спокойно.

— Ты ведь сам говорил, что противоядия нет?! — продолжал он, волнуясь и несколько пугаясь от того, что так ожидаемое им воздействие яда все не наступает.

— А мне и не нужно никакого противоядия! — пожал опять плечами старик.

— Да что же ты — особенный человек что ли, кого ничто не берет?

— Может быть, я и особенный, хотя в данном случае моя особенность заключается в том, что организм мой уже приучен к яду. Вот видишь ли: противоядия против бруцина не

существует, но обезопасить себя от него вполне можно, тем более, что бруцин даже употребляется как лекарство, например, при параличе. В старых годах человеку даже полезны небольшие приемы бруцина, и вот этими-то приемами, постепенно увеличивающимися, можно застраховать себя от его смертельного воздействия и приучить свой организм к нему. Я уже много лет принимаю бруцин; если ты хочешь знать для чего, то я скажу, что главным образом для того, чтобы не бояться, если мне в напиток подольют потихоньку несколько капель аква-тофаны. Сегодняшняя попытка отравить меня — не первый случай в моей жизни, и моя предосторожность была для меня спасительной до сих пор и, как ты увидишь, будет такой же и сегодня.

Борянский, очевидно, не знакомый ни с химией, ни с человеческим организмом, действовал бывшим у него ядом наобум, и теперь слова старика явились для него новым и страшным откровением потому, что он только что говорил с этим стариком уже как с мертвецом, с трупом, жившим еще только по

инерции, и вдруг этот живой труп воскресал перед ним и не только сохранял над ним свою власть, но и приобретал еще большую!.. И Борянский вдруг побледнел, почувствовав, что все пропало, что теперь-то старик может отомстить ему, потому что имеет в своих руках все средства к тому... Заметив этот испуг, вдруг охвативший Борянского, старик с презрением посмотрел на него и сказал:

— Однако, довольно!.. Ты мне надоел!.. Ступай к себе и исполняй, что тебе приказано!..

— Опять возиться с этим Орестом?!

— Да, опять! Так нужно! Ступай же!

Борянский встал, направился к двери, но остановился, обернулся и вдруг заговорил:

— Прошу вас, дайте мне поручение гораздо более сложное и опасное... я исполню все, но избавьте меня от унижения находиться в обществе этого пьяницы!..

— Ступай! — коротко, сухо, но повелительно произнес старик.

Борянский опустил голову и ушел, чтобы отыскать Ореста и снова пить с ним, как ему было приказано. Ослушаться Белого теперь он не посмел.

Глава XXI

Вор

Белая летняя ночь стояла в Петербурге, нежно и ласково окутывая его своими прозрачными сумерками. Бледное, беззвездное небо светилось ровным отблеском солнца, как бы жалеющего расстаться с землею. Светлое небо отражала светлая же гладь реки, и, далеко избежав кверху, сверкал высокий шпиль Петропавловской крепости.

Город спал. Улицы затихли после городского шума, езда прекратилась.

Население Петербурга, приученное не выходить на улицу по ночам недавними рогатками, которыми после десяти часов вечера улицы загоразживались, ютилось в домах, и только ночные сторожа изредка лениво постукивали в медные или деревянные доски.

Ночь была так тиха, что, казалось, вместе с улицами и домами спали и сады, деревья в которых стояли неподвижно, словно нарисованные декорации...

В тихом саду, тянувшемся на довольно

большом пространстве за домом Саши Николаича, вдруг со стороны забора раздался шум раздвигаемых ветвей и прыжок, затем все опять надолго стихло, словно кто-то притаился, испугавшись, что он своим появлением может обратить на себя чье-либо внимание.

Но все так же спало кругом. Ветви опять зашуршали, на этот раз гораздо осторожнее, и в кустах николаевского сада стала пробираться фигура, направляясь к окну, выходявшему в сад с нижнего этажа, где был расположен кабинет Саши Николаича и куда имел обыкновение подходить Орест, когда бывал «нездоров»...

Но пробиравшийся был, по-видимому, плохо знаком с местностью, потому что часто останавливался, оглядывался и искал что-то, как будто старался распознать направление. Он даже будто отсчитывал нужное ему окно и стал сначала подкрадываться к нему, но потом залег в траву и пополз.

Подползши к окну кабинета Саши Николаича, он взял в горсть немного земли и осторожно кинул ее в окно, раздался звук, слышимый только тому, кто ждал его.

И на самом деле этот условленный звук был, очевидно, там ожидаем, потому что окно немедленно отворилось и из него высунулась голова одного из лакеев Саши Николаича, совсем молодого парня.

Человек, подкрадывавшийся к окну, стал как будто смелее, вскочил на ноги и влез в окно. Однако руки его дрожали, шаг был нетвердым, и он торопился, явно желая поскорее закончить тут свое дело, угрожавшее ему опасностью, и, удалившись отсюда, освободиться от этой опасности.

В комнате благодаря белой ночи было достаточно светло, и легко можно было ориентироваться.

Человек направился прямо к бюро, отпер его ключом, который достал из кармана, затем отпер верхний правый ящик и, выдвинув его, достал оттуда перевязанную черной ленточкой бумагу. Он стал торопливо перебирать документы и, найдя продолговатый синий кусок золотообрезной бумаги с печатью в углу, схватил его и быстро повернулся, чтобы убежать с ним, но, задев, уронил стул, который упал с грохотом. В это же время в ком-

нате произошло нечто неожиданное. Крышка большого турецкого дивана поднялась, из-под нее показалась фигура Ореста со взъерошенными волосами и торчащими, как иглы ежа, усами.

— Что вы тут делаете? — крикнул он.

Лакей, помогавший вору, немедленно исчез, бросившись бежать, вор же хотел тут же кинуться в окно, но Орест вскочил и успел схватить его.

Между ними завязалась драка. Орест помнил потом, что ему хотелось не столько задержать вора, сколько отнять у него бумагу, которую тот похитил. Борьба закончилась тем, что о ней стало слышно в доме; очень может быть, что лакей, бывший пособником, сам же первый и поднял тревогу, чтобы таким образом отвести от себя подозрение. Словом, сбежались слуги и схватили вора, барахтавшегося на полу с Орестом. Как раз в это время явился и сам Саша Николаич, разбуженный шумом. Он был в халате и оглядывал всех заспанными глазами, остановившись в дверях. Он спросил:

— Что такое?.. Что тут такое?

— Честь имею представить вам, гидальго, — объяснил Орест, — некоего сеньора, неизвестного мне происхождения, явившегося на любовное свидание с вашим бюро!

— Какого еще сеньора? — удивился Саша Николаич, все еще не понимая.

— А вот это надо еще выяснить, и, я думаю, при помощи жандармерии или полицейских агентов, — предложил Орест, даже и в этом случае не оставивший своей привычки пускать в ход высокопарные выражения.

Саша Николаич подошел ближе к вору, которого крепко держали за руки и плечи, взглянул ему в лицо и, хотя тот и отворачивался, тотчас же узнал его.

— Вы? — только и произнес он.

Это был когда-то хороший его знакомый, бывший граф Савищев.

— Отпустите его и оставьте нас одних! — приказал Саша Николаич таким тоном, что его послушались немедленно.

— Да, это я! — сказал бывший граф Савищев. — Вам везет, и ваш верх всегда надо мною. Теперь я в ваших руках и вы можете сделать со мной все, что хотите.

— Если бы это и в самом деле было так! — вздохнул Саша Николаич. — Тогда я бы постарался сделать все для вас, насколько это возможно, чтобы вы были довольны и счастливы!

— Но это не в вашей власти, — усмехнулся бывший граф Савищев. — Для этого вам необходимо не только вернуть мне мое состояние, но и титул, и положение.

Саша Николаич долго и пристально вглядывался в графа Савищева.

— Скажите, зачем вы пришли сюда? — сказал он, наконец, стараясь это сделать как можно тише и ласковее.

Но именно эта ласковость и была невыносимее всего для бывшего графа. Он, вероятно, предпочел бы, чтобы его арестовали и отвели в полицию, но видеть перед собой этого человека, который как бы связывался с несчастьями самого бывшего графа, казалось Савищеву невыносимым и ему было невыносимо же чувствовать к себе снисхождение и жалостливость Саши Николаича.

— Зачем я пришел сюда?! — сказал он ему с силой. — Затем, что ненавижу вас!

— За что же? — удивился Саша Николаич.

— Вам угодно знать, за что?.. Извольте, я скажу!.. За то, что в то время, как я лишился богатства, вы его приобрели; за то, что вы меня как бы вытеснили и занимаете мое место теперь в том обществе, в котором я родился и к которому привык... Вы — незаконный сын французского аббата, бастард, пользуетесь всеми правами дворянского происхождения, а я, прирожденный граф Савищев, объявлен незаконным!

— Но ведь не я виноват в этом!

— И я не виноват... Я не виноват ни в чем, а между тем ваше оскорбление, которое вы бросили мне в лицо, памятно для меня!..

— Какое оскорбление?!

— Вы мне крикнули...

— Да! Помню! — сказал Саша Николаич. — Я был неправ тогда... Мне не надо было забываться так... Простите меня!

(При последней встрече Саша Николаич назвал Савищева «жалким человеком» и указал ему на дверь). Бывший граф Савищев вздрогнул и топнул ногой:

— Да не великодушничайте!.. Мне ваше ве-

ликодушие отвратительно! Понимаете вы, оно-то больше всего и оскорбляет меня!

Саша Николаич, добрый, простой и нехитрый человек, никак не мог понять, что творится в этот миг с его ночным незванным гостем. Он, напротив, хотел бы поговорить с ним в самом миролюбивом тоне...

— Вы не думайте, — принялся уверять он, — что мои слова были неискренни. Напротив, уверяю вас, что я от всей души хотел бы вам помочь...

— Не надо! Не надо мне вашей помощи! Я обойдусь и без нее! Как вы не понимаете, что ваше поведение со мной мне обидно! Ну, вы меня поймали ночью с помощью ваших холопов у себя в кабинете... Так вяжите... делайте то, что вам предоставляет закон, а не разыгрывайте тут благодетеля.

— Да нет же, я и не разыгрываю, уверяю вас! — с искренним чувством произнес Саша Николаич. — Если вы пришли сюда, чтобы... — он запнулся и с трудом договорил, — ...чтобы взять денег, то я дам вам их, и никто не узнает об этом!.. Если хотите, я буду давать вам их каждый месяц!..

— Я ничего не хочу! — опять топнул ногой бывший граф Савищев. — И ваших денег мне не нужно, потому что у меня самого вполне достаточно их и я сам могу вам платить ежемесячно. Но раз уж судьба свела нас вместе, мне надо, чтобы вы иначе расквитались со мной!.. Я не так глуп, чтобы отдаваться в ваши руки в то время, когда вы думаете, что держите меня. Когда шел сюда, то принял свои меры...

С этими словами бывший граф Савищев выхватил из кармана обнаженный итальянский стилет и взмахнул им в воздухе. Но в тот же самый миг Орест, не удалившийся со слугами, а лежавший, притаившись, под окном, как он лежал и во время разговора Саши Николаича с госпожой де Ламот, одним прыжком очутился возле Савищева, остановил его руку, воскликнув:

— Помилуйте, сеньор, такие манеры не приняты в столичном аристократическом обществе, к которому мы с вами принадлежим...

Савищев рванулся от него, выпрыгнул в окно и побежал.

Саша Николаич удержал Ореста, который хотел последовать за ним, остановив его.

— Бог с ним! — сказал он. — Пусть он скроется, а вы мне лучше скажите, откуда вы взялись и каким образом застали здесь этого человека?

— Из дивана.

— Из дивана?!

— Да, гидальго. Я был, по деликатному выражению вашей матушки, «нездоров»!

— Ну, это-то не ново! Дальше?

— Ваша ирония неуместна, ибо она прерывает связь моего рассказа... Конечно, мы настолько интимны с вами, что я открыл вам тайну моего нездоровья, но если вы помните, у нас с вами есть условие, что я пьяным в вашу обитель не вхожу, а направляю свои стопы в палаццо моего собственного родителя. Но сегодня я, по забывчивости, попал в ваше священное жилище вдребезги пьяным... Виноват в этом главным образом господин Борянский, душа-человек, аристократ, и, одним словом, маэстро бильярдной игры. Но коньяк у него, этот коньяк и сгубил меня, и я до того забылся, что нарушил наше условие. Однако,

вступив пьяным в ваши чертоги, я, очевидно, устыдился, не пошел открыто через всю комнату, а стал себе искать укромное убежище и нашел его в этом диване. Все это я говорю предположительно, ибо никаких деталей не помню. Но факт тот, что я проснулся от шума, вылез из дивана и нашел здесь, как оказалось впоследствии, бывшего графа Савищева.

— Он, значит, шумел тут?

— Да, очевидная его неопытность выразилась в неловкости: он уронил стул!..

— Но зачем же он явился сюда ночью? — недоумевал Саша Николаич.

— Гидальго! — успокоил его Орест. — Зачем нам ломать свои благородные головы над тем, что станет ясно, вероятно, в очень скором времени?.. Он тут рылся в ваших документах!

— В документах? — подхватил Саша Николаич. — Да... очевидно... они вон разбросаны по бюро... но эти документы не могут иметь никакого значения, кроме исторического!.. Это бумаги моего отца, которые я храню как память о нем... Другой же цены они не имеют... А знаете что? — вдруг сообразил он. —

Ведь я, может быть, действительно оскорбил графа Савищева предложением денег? Он, по всем вероятностям, явился сюда, чтобы достать у меня касающиеся его документы. Сделал он это потихоньку, ночью, имея, вероятно, свои причины, чтобы сохранить инкогнито.

— Знаете, гидальго, мне ваши выражения начинают нравиться! Говоря строго по-русски, это называется не инкогнито, а воровством, а вы тут говорите — инкогнито!.. Это крайне деликатно с вашей стороны!..

— Вот что, Орест, только не вздумайте как-нибудь матушке об этом проболтаться!

— Разве я не понимаю?! — пожал плечами Орест. — Помилуйте!.. Можете быть уверенным, что я в таких случаях — могила!. А все-таки вы, гидальго, остерегитесь на всякий случай! Какие-то гадости готовятся вам... Я еще не могу разобраться, да, вероятно, и не разберусь никогда, но так вот чутьем чувствую, что этот граф Савищев недаром тут привязался... Берегитесь!

— Да что же беречься! — махнул рукой Саша Николаич. — Я так рассуждаю: сам я зланикому не хочу и не делаю, так, вероятно, и

зло, направленное против меня, будет бессильно повредить мне. Я слышал только, что когда человек сам делает зло, то это зло обращается на него от других.

И на этом они разошлись по своим комнатам и легли спать.

Глава XXII

Расписка кардинала

Через неделю, не больше, после ночного происшествия у Саши Николаича случилось нечто для него неожиданное, но как будто имевшее связь с появлением бывшего графа Савищева в ночной час через окно.

К Саше Николаичу явился присяжный стряпчий с доверенностью дука дель Асидо князя Сан-Мартино и потребовал личного разговора с ним. Саша Николаич велел пустить его к себе.

Стряпчий, лысый старичок с подслеповатыми, красными, моргающими глазками, гладко выбритый, в темно-коричневом камзоле и чулках, с огромной набитой бумагами папкой под мышкой, вошел с низкими поклонами и сел перед Сашей Николаичем после того, как тот указал ему рукой на стул.

— Позвольте представиться вам, ваше сиятельство, — начал он протяжно, нараспев, пряча свои ноги в башмаках под стул и потирая ладони между колен. — Я имею честь со-

стоять присяжным стряпчим Амфилохом Веденеичем Петушкиным и являюсь доверенным лицом дука дель Асидо князя Сан-Мартино, от которого имею порученье к вам, ваше сиятельство...

— Почему вы меня титулуете так? — спросил Саша Николаич и поморщился. — Ведь я ни графского, ни княжеского достоинства не имею!

— Ах, благодетель! — вздохнул Петушкин. — Это у меня обычай такой всех высокопоставленных величать «Ваше сиятельство»!

— Да я и не высокопоставленный! — возразил Саша Николаич.

— Ну, как же, ваше сиятельство... Такой дом... облик барственный и все подобное в соотношении... нет уж, позвольте титуловать вас!

— В чем же дело? — спросил Саша Николаич, не желая больше поддерживать дальше это до некоторой степени академическое рассуждение о титулах.

— Дело не сложное, — совсем сладко запел Петушкин, — оно касается некоторых оснований денежных обязательств в рассуждении

хранения ценностей, взятого на себя его сиятельством, вашим покойным батюшкой... Ваше сиятельство, ведь вы не отрицаете того, что вашим покойным батюшкой были его сиятельство кардинал Аджиери?

— Да, это мой отец.

— И вы готовы подтвердить это, если понадобится, своей подписью, с приложением гербовой печати?

— Подписью этого я подтвердить не могу, потому что имею паспорт на имя гражданина Николаева; по нему я проживал с малых лет и теперь тоже ношу эту фамилию.

— Значит, вы от вашего батюшки отрекаетесь?

— Да не ловите вы меня на этих закорючках и тонкостях!.. Говорите, в чем суть?.. О каких обязательствах кардинала Аджиери идет речь?

— Надо, ваше сиятельство, прежде всего установить ваше отношение к кардиналу!

— Да какие еще тут отношения?! Всякое обязательство кардинала я беру на себя и отвечаю за него, как за свое собственное! Довольно вам этого?

— Довольно, благодетель, если только вы, ваше сиятельство, удостоверите это подписью с приложением гербовой печати...

— Это я могу! — согласился Саша Николаич. — И сделаю, когда только вам будет угодно!..

— Да оно и по закону, и на основании указов так должно быть, раз вы приняли наследство его сиятельства кардинала полностью в свое владение... Так вот, изволите ли видеть, ваше сиятельство! Дело относится к ужасам французской революции. Во времена террора, как вам известно, были вынуждены скрываться бегством из цветущей дотоле столицы Франции многие аристократы; при этом они вывозили, разумеется, и свои богатства. Но путешествовать с большой суммой денег, в особенности по стране, объятай пламенем, изрыгаемым стоголавой революционной гидрой, было небезопасно. И вот престарелый дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, отец моего настоящего доверителя, спасаясь из Парижа, проездом через Голландию, на пути в Англию, оставил свои капиталы у его сиятельства кардинала Аджиери, в чем и получил

надлежащую расписку, утвержденную подписью и надлежащей печатью...

— И большая то была сумма?

— Да-с, сумма была изрядная, но в точности я не могу назвать вам, так как расписка хранится у дука в железном сундуке и мне он ее не доверил, а приказал только справиться, как вы отнесетесь к этому делу: пожелаете ли вы, ваше сиятельство, добровольно вернуть взятые господином кардиналом Аджиери на хранение деньги, или же прикажете начать судебное дело по сему юридическому казусу?

— Нет, отчего же! Я отдам, — сам не зная, чего конфузясь, заговорил Саша Николаич. — Но только погодите! Насколько мне запомнилось, среди бумаг моего отца, то есть кардинала Аджиери, хранящихся у меня, есть обратная расписка дука дель Асидо о том, что все его деньги получены им обратно!..

Петушкин поднял брови и склонил голову набок.

— Ежели вы, ваше сиятельство, обладаете такой распиской, то, конечно, претензия его сиятельства дука дель Асидо, князя Сан-Мартино, растает, как дым, но вся суть в том, име-

ется ли у вас эта расписка?

— Насколько я помню, имеется! — подтвердил Саша Николаич и пошел к бюро.

Он достал из правого ящика связку документов, пересмотрел их раз, другой, а потом и третий.

Теперь он уже положительно помнил, что расписка была на синем золотообрезном листе бумаги, с печатью в углу, и была тут, среди этих документов.

И вот она исчезла!

У Саши Николаича невольно появилась мысль о том, а не пропала ли эта бумага во время ночного посещения его кабинета бывшим графом Савищевым. Это сопоставление напрашивалось само собой; притом же и присяжный стряпчий Амфилох Веденеич Петушкин не внушал к себе особенного доверия.

Но, с другой стороны, все присяжные стряпчие не внушали к себе доверия, и в этом отношении Амфилох Петушкин не представлял собой исключения, и только! Действовал же он от лица, носившего слишком громкую фамилию, чтобы он мог сомневаться в поступках лица с такой фамилией.

— К сожалению, я не могу сейчас найти эту расписку, — сказал Саша Николаич, — во всяком случае, передайте дуку, что я прошу его несколько повременить и дать мне возможность разыскать эту расписку. Я действительно помню, что она была.

— А вы, ваше сиятельство, не ошиблись? Может быть, так только, одно как бы представление, а на самом деле какая-нибудь ошибка?

— Да нет же! Я хорошо ее помню!

— Тогда благоволите назначить окончательный срок ответа, а то его сиятельство, князь, как человек приезжий из-за границы, дорожит временем и лишняя оттяжка для него вовсе не желательна! Так что благоволите определить срок...

— Три дня! — назвал срок Саша Николаич.

— Три дня много! — вздохнул Амфилох Веденеич. — Ведь вам достаточно и нескольких часов, чтобы пересмотреть свои бумаги.

— Ну, уж позвольте мне самому судить, что мне достаточно, а что нет! — твердо сказал Саша Николаич.

И они расстались на том, что через три дня

Амфилох Веденеич Петушкин явится к Саше
Николаичу за ответом.

Глава XXIII

Дело запутывается

У графа Алексея Мартыновича Прозоровского в его великолепном загородном доме на берегу Невы, вверх по течению, по дороге в Шлиссельбург, был назначен «сельский праздник», который должен был начаться с утра и закончиться поздно вечером.

В «роскошный век Екатерины» эти барские усадьбы вверх по Неве, выстроенные и поддерживаемые руками крепостных людей, потому что никаких денег не хватило бы, чтобы получить для этого вольнонаемный труд, ютились по берегам широкой реки, превосходя друг друга роскошью и замысловатыми причудами, на которые были так изощрены и фантазия садовников XVIII столетия и способность архитекторов и механиков.

Можно с уверенностью сказать, что механики того времени тратили гораздо более сил и знания на устройство разных игрушек и «кунштов», как называли тогда это, чем на более полезные изобретения...

Да и сами эти полезные изобретения должны были пройти почти всегда как бы свой период младенчества, делая первые шаги лишь в качестве забавных опытов.

Так в это время, когда еще и помина не было о железной дороге и Наполеон пригрозил посадить в сумасшедший дом изобретателя парохода, во всей Европе и особенно у нас в Петербурге, куда всегда устремлялись любители легкой наживы, производил фурор некий Робертсон, человек, как писали про него, «благородного происхождения». Он показывал удивительнейшие вещи!

Зритель в его театре все время переходил от одного удивления к другому. Билеты ему приходилось покупать не у кассира — обыкновенного человека, — а у куклы, до того великолепно сделанной, что ее трудно было отличить от живой. Затем воздушная цветочница предлагала букет цветов и исчезала, как только цветы хотели взять у нее... Дело доходило до того, что люди видели своих соседей, только что сидевших рядом с ними, за волосы подвешенными к потолку...

Робертсон пользовался всеми средствами

известной тогда физики, электричеством и отражением зеркал, световыми эффектами. Фантазия и изобретательность у него были удивительными... Словом, его имя попало, что называется, в историю благодаря его «сверхъестественным» представлениям...

Так вот, при существовании такой техники наши баре конца восемнадцатого и начала девятнадцатого столетий могли задавать такие пиры и празднества, которые даже не могут присниться их потомкам...

Дачи и загородные дома, окруженные садами и парками по Неве вверх, особенно процветали в конце царствования Екатерины II. При Павле Петровиче, не любившем никакой роскоши, не поощрялись такие праздники, против них даже принимались строгие меры и издавались специальные указы и законы, эти «гнезда» безумных излишеств и утонченных идей и затей, не знавшие удержу, несколько сократились.

Дом и парк графа Алексея Мартыновича Прозоровского был одним из немногих, уцелевших во всем своем блеске и великолепии от «роскошных» времен восемнадцатого сто-

летия. Так, у графа оранжереи были полны померанцевыми деревьями, у него там зрели персики и виноград, парк расчищался на двадцать десятин и на этих двадцати десятинах чего-чего только не было построено!

Была даже возведена целая искусственная гора со скалами, засаженными альпийской растительностью, и с пробивающимися источниками между ними, водопадами и водометами, для которых вода накачивалась особым приспособлением из той же Невы, в которую потом же и стекала...

И вот в этом парке граф Прозоровский дал «сельский праздник», обещавший быть особенно великолепным, потому что он устраивался им по поводу помолвки его единственной дочери...

Программа была такова, что гости съезжались к Летнему саду, где их ждали тридцативесятишестивесельные графские галеры, разукрашенные гирляндами, лентами и цветами. Эти галеры должны были доставить гостей на дачу к Прозоровскому и там весь день их был распределен в различных занятиях: были назначены «сельские работы» — посев, жатва,

уборка снопов, затем предполагался сбор грибов, ужение рыбы, ловля птиц в лесу... При этом же были обещаны сюрпризы.

Все было предвидено, даже дурная погода, на случай которой забавы устраивались под крышей в доме, в оранжерее и под нарочно выстроенным для этой цели навесом...

Конечно же, тогдашняя знать наперебой старалась достать себе приглашение к Прозоровскому. Быть на этом празднике считалось, по законодательству тогдашней моды, как бы удостоверением принадлежности к самой изысканной группе петербургского общества...

Саша Николаич тоже позаботился, чтобы и его не обошли приглашением, и это ему нетрудно было сделать через Леку Дабича.

Однако он стремился на праздник к Прозоровскому вовсе не по тем мотивам, по которым большинство желало попасть туда. Саша Николаич много раз прежде отказывался от подобных приглашений, не находя в них никакого интереса, и потому теперь даже удивил Леку Дабича своей просьбой, чтобы тот напомнил о нем. Лека, разумеется, взялся за

дело с большой готовностью, и на другой же день Николаев получил отпечатанный пригласительный билет с большим гербом графа Прозоровского.

А желал он попасть к графу только потому, что это было ближайшее сборище, где можно было увидеть «всех», весь тогдашний Петербург, и это нужно было Саше Николаичу, чтобы разобраться в том, что с ним случилось за последнее время.

Во-первых, появление у него жены дука дель Асидо, князя Сан-Мартино, очевидно, француженки родом, судя по ее акценту и умению выражаться. Она говорила об отцовском наследстве Николаева, о деле ожерелья королевы...

Во-вторых, ночное появление бывшего графа Савищева... Это появление более других обстоятельств интересовало Сашу Николаича.

И, наконец, в-третьих, появление присяжного стряпчего в качестве доверенного лица от дука дель Асидо, князя Сан-Мартино, с претензией на возврат денег, отданных якобы и не возвращенных с хранения отцом Саши Ни-

колаича.

Как-то сама собой напрашивалась мысль о том, что все эти три обстоятельства были тесно связаны между собой.

Появление княгини и стряпчего, несомненно, имело что-то общее. В отношении бывшего графа Савищева было подозрительно то, что он среди ночи рылся как раз в той пачке документов, где находилась обратная расписка дука дель Асидо.

И эта обратная расписка исчезла, а после этого появился присяжный стряпчий Петушкин. Однако дело было в том, что Саша Николаич не был твердо уверен и не смог припомнить надежно, была ли действительно эта обратная расписка в той пачке документов. Да и трудно было предположить, наконец, сношения опустившегося до лазания ночью в чужие окна бывшего графа Савищева с дуком дель Асидо, если действительно такой дук приехал в Россию. Так же казалась невероятной и комбинация, сообщенная Орестом, что жена дука дель Асидо была не кто иная, как Жанна де Ламот.

Чем больше думал об этом Саша Никола-

ич, тем более нелепым и неправдоподобным казалось это ему.

Известно было, что Жанна де Ламот умерла в Лондоне. Об этом в свое время писали в заграничных газетах и об этом помнили многие, в том числе, между прочих, и старик Тиссонье.

Но, с другой стороны, откуда могла прийти в голову Ореста такая мысль и воспоминание о госпоже де Ламот, если он ни от кого не слышал об этом? А если он слышал, то это было настолько интересным, что не надо было оставлять это дело без расследования.

И вот, чтобы мало-мальски разобраться во всей этой путанице, Саша Николаич и желал попасть на праздник к графу Прозоровскому.

Прежде всего, там можно было выяснить самое главное — действительно ли приехал в Петербург дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, и если он приехал, то какое место он занял в петербургском обществе? Присутствие этого дука на празднике графа Прозоровского могло бы служить доказательством его принадлежности к тому разряду людей, которые не должны иметь ничего общего ни с опозо-

ренной на эшафоте госпожой де Ламот, ни с бывшим графом Савищевым, предпринимающим ночные экскурсии весьма недвусмысленного характера...

Глава XXIV

Праздник у графа Прозоровского

В назначенный час от набережной у Летнего сада отчалила целая флотилия из четырех галер с гостями графа Прозоровского. Впереди на особой меньшей галере плыли музыканты и песенники; затем шла самая большая галера под голубым шелковым балдахином, в которой помещались наиболее почетные гости: важные русские сановники и иностранные послы. На двух остальных судах находились остальные гости, причем, молодые люди, разумеется, держались вместе. Саша Николаич встретил там множество знакомых, а также и свой более близкий кружок: Леку Дабича, Лидочку-графиню.

Увидел он также и Наденьку Заозерскую, которая была вместе с пожилой почтенной дамой с резкими, восточными чертами лица. Наденька представила Сашу ей и сказала, что это княгиня Гуджавели, товарка ее тетки по институту, недавно приехавшая в Петербург.

Наденька радовалась, что теперь она уже больше не будет сидеть взаперти, потому что княгиня была настолько добра, что обещала вывозить ее и всюду брать с собою...

Чудеса, ожидаемые от праздника графа, начались с той самой минуты, когда галеры подошли к пристани у его загородного дома.

Эта пристань, с первого взгляда, показалась было совсем не разукрашенной, когда галеры подошли к ней, и все ее убранство заключалось в зелени, которая составляла довольно высокий бордюр. Но едва к ней пристала первая галера, как сами собой на пристань выкинулись высокие шесты, обвитые гирляндами цветов, и по ним взвились флаги, запестревшие так сильно, что многие невольно зажмурились, как от внезапной огненной вспышки.

Дочь графа Прозоровского и ее жених приехали в первой большой галере, сам же граф встречал прибывших на пристани.

Когда все высадились и тронулись вперед по расчищенной и укатанной дорожке к дому, то образовалось целое блестящее шествие, пестревшее нарядами дам, мундирами

военных и цветными фраками статских.

По мере того, как это шествие двигалось, направляясь к дому, по обеим сторонам дороги выкидывались цветочные гирлянды, венки и букеты и как бы застывали в воздухе или в кустах, на деревьях, образуя собою дневную иллюминацию из живых цветов.

На поляне перед домом цветы взлетели целым фейерверком и осыпали гостей и тот путь, по которому они шли.

Погода стояла великолепная. День был чудесным, жарким, и хозяин тотчас же пригласил всех следовать за ним и начинать праздник.

Первым по программе был назначен посев. Он состоял в том, что довольно большое пространство было покрыто и утоптанно толстым слоем сыпучего белого просеянного песка и на этом пространстве происходила битва зерном: дамы осыпали кавалеров рожью и пшеницей, кавалеры же не имели права не только защищаться, а должны были подавать в корзиночках зерно каждой своей даме, которая осыпала им других кавалеров.

Саша Николаич в качестве молодого чело-

века должен был принять участие в этой забаве, но не знал, как ему быть, потому что ему хотелось быть кавалером Лидочки-графини, но он боялся обидеть и Наденьку Заозерскую, тем более, что Наденька очень редко выезжала и почти никого, кроме Саши Николаича, не знала близко и могла вообще остаться без кавалера.

Саша Николаич решил не идти ни к той, ни к другой и либо остаться за штатом, либо подавать корзинку первой же попавшейся девушке. За это Лидочка-графиня при первом же удобном случае влепила ему горсть зерна прямо в лицо.

Наденька же Заозерская, почувствовав себя на воле, резвилась от всей души, радуясь светлому дню, солнцу, своей молодости, общему веселью, а главное, тому, что тут был Саша Николаич и, она чувствовала это, он смотрел на нее.

Тут было много смеха и веселья: и веселилась не только молодежь, участвовавшая в посевах, но и старшие, глядевшие на нее, несколько человек из которых, как будто случайно, тоже замешались в группы молодежи

и тут же за свою смелость были атакованы и засыпаны зерном с ног до головы...

«Посев» удался великолепно.

После него был отдых на свежескошенном сене на лугу возле рощи.

Когда общество уселось на копнах мягкого душистого сена, покрытого зеленой же шелковой материей, из рощи выбежали фавны с кубками и турьими рогами и стали угощать гостей легким холодным вином и прохладительными напитками.

В это время часть деревьев рощи раздвинулась и на образовавшейся арене нимфы, роль которых исполняли крепостные танцовщицы графа Прозоровского, протанцевали несколько танцев под звуки музыки невидимых музыкантов.

Затем в роще был сбор грибов. Грибы были пряничными и в каждом из них гости находили билетик с девизом и номером. По этим номерам в конце дня была проведена лотерея разных вещей, которые были подарками графа своим гостям.

Жатва и сбор снопов заключались в том, что гости пришли на полянку, где были сло-

жены снопы якобы только что сжатого хлеба. Когда гости подошли к ним, снопы раскрылись и между ними показались столы, накрытые для завтрака.

Обед тоже был устроен на воздухе, на огромных коврах, разостланных под навесом, сплетенным из ветвей и цветов. Кушанья привозили в тачках и на телегах графские слуги, одетые французскими крестьянами, а разносили эти кушанья и подавали дамам кавалеры.

После обеда десерт заключался в том, что все отправились во фруктовый сад, состоявший из елок, росших в грунте, увешанных разного рода фруктами, какие только вызревали в огромных графских оранжереях. Гости срывали плоды и кушали их.

Все эти «чудеса в решете» развлекли и рассеяли Сашу Николаича настолько, что он в первое время даже забыл цель своего приезда на праздник графа Прозоровского. Он искренне веселился, участвуя во всех забавах, и чувствовал себя молодым и здоровым, потому что и в самом деле был и молод и здоров!..

В течение всего дня выходило так, что Ли-

дочка-графиня обращала свое внимание преимущественно на него, а сам он был как-то ближе к Наденьке Заозерской и все время чувствовал ее. Хотя за обедом он не приносил ей блюда, но и он, и она чувствовали, что им это и не нужно. А во фруктовом саду Саша Николаич все-таки сорвал росший выше всех персик и подал его Наденьке. Это было особенно мило с его стороны, потому что Наденька очень любила персики.

Прогулкой во, фруктовом саду, собственно, закончился сельский праздник, а вечером должен был начаться обыкновенный большой бал...

Перед балом гости были приглашены в большой дом, где могли в отведенных им помещениях привести себя в порядок, помыться и освежиться.

И вот только тогда, когда Саша Николаич, вымытый и освеженный, вошел в большой зал, три широкие стеклянные двери которого были отворены на выходившую на Неву веранду, то заметил на ней ту самую княгиню Сан-Мартино, которая была у него и представлялась Оресту госпожой де Ламот

Госпожа де Ламот не могла быть у графа Прозоровского на балу не только потому, что она умерла и уже больше не существует в живых, но и потому, что Ламот никогда бы не смогла попасть сюда! В этом Саша Николаич был убежден!

Он до некоторой степени удивился и, вместе с тем, обрадовался, увидев, с этой княгиней рядом восточную — ту, что приехала с Наденькой Заозерской, и с которой теперь была Наденька. Саша Николаич направился к ним, поклонился княгине Сан-Мартино, как старый знакомый, и тут же пригласил Наденьку на первый танец.

Княгиня Сан-Мартино держалась холодно, прямо и настолько величественно, что Саша Николаич мог только подойти к ней и почти-тельно поклониться. Она ему ответила церемонным поклоном, по которому никак нельзя было судить, узнала ли она его как Александра Николаевича Николаева, к которому приезжала для переговоров, или просто как одного из целого ряда ей представленных молодых людей. Сама она с Сашей Николаичем не заговорила, а он не счел себя вправе на-

чать первым разговор с такой важной дамой.

Когда раздались звуки оркестра и Саша Николаич пошел с Наденькой Заозерской танцевать, первое, что он спросил у нее, было, знает ли она княгиню Сан-Мартино?

Наденька пояснила ему, что княгиня Сан-Мартино — приятельница княгини Гуджавели, которая даже живет вместе с нею в доме дука дель Асидо СанМартино...

— А самого дука вы знаете?

— Да, я была представлена ему.

— Он здесь сегодня?

— Да... вон он, стоит в дверях рядом с Аракчеевым и, кажется, со шведским послом.

Саша Николаич взглянул в направлении, указанном Наденькой, и увидел осанистого, одетого во все черное, как одевались все представители дипломатического корпуса, человека с густыми черными волосами, с резкими чертами лица, свободно и просто разговаривавшего с представителем шведского королевства и всеильным Аракчеевым.

— Вот этот черный и есть дук дель Асидо? — переспросил Саша Николаич у Наденьки. — Так ведь он, кажется, немного молод

для того, чтобы быть мужем княгини, которую мы сейчас оставили?

— Да ведь это — жена его брата, старшего... его здесь нет... а у этого дука жена молодая и удивительно красивая! — Наденька оглянулась во все стороны и, не найдя, сказала Саше Николаичу: — Ее что-то не видно, но потом вы ее увидите, я вам покажу ее, какая она красивая!.. Она, к тому же, русская!..

«Так вот, значит, что! — догадался Саша Николаич. — Значит, Орест не все перепутал!.. Существует и молодая княгиня Сан-Мартино, в которой он якобы узнал бывшую воспитанницу своего отца!..»

Саша Николаич, разумеется, отлично помнил красавицу Маню, воспитанницу титулярного советника Беспалова, и то время, когда снимал у него комнату. Тогда она ему сильно нравилась и он даже сделал ей форменное предложение, но она отвергла его не потому, что не любила или слишком мало знала, но, как она откровенно призналась ему, потому лишь, что он тогда был беден и незначителен, а она себя хотела видеть в жизни и богатой, и значительной!.. Очевидно, став женой

дука дель Асидо, князя Сан-Мартино, она добилась для себя и того, и другого.

Теперь дук приобретал для Саши Николаича двойной интерес и значение, если Орест не ошибся, узнав в княгине воспитанницу своего отца. И теперь уже Саше захотелось побыстрее закончить этот танец, который они танцевали с Наденькой, чтобы он мог поскорее поискать по залам эту бывшую Маню и проверить, действительно ли это она.

Наконец, танец кончился, и Саша Николаич, отведя на место Наденьку, пошел внимательно оглядывать гостей.

На террасе не было ни одной дамы, похожей на его прежнюю знакомую Маню, в зале — тоже.

Николаев обошел зал два раза, направился в гостиную, но и там не обнаружил той, которая интересовала его.

Он уже начал отчаиваться, решив, что Оресту просто пригрезилось, но, случайно заглянув из большой гостиной в угловую диванную, остановился пораженный, словно прикованный к месту. Княгиня Сан-Мартино была тут!

Она стояла вполоборота к двери, у которой остановился Саша Николаич, и разговаривала с молодым лейб-гусаром, блиставшим своей красивой, немного театральной, причудливой формой.

Глава XXV

Княгиня Мария Сан-Мартино

Княгиня стояла так, что Саша Николаич мог видеть лишь часть ее лица; однако он узнал ее не только по лицу, но и по фигуре, прическе и манере держаться. Вся она была новой, но и вместе с тем совсем такая же, какой ее помнил Александр Николаевич. Только тогда он видел ее в скромном, неизменно простеньком платье из коричневой материи, теперь же на ней был наряд, составлявший до некоторой степени чудо искусства кройки и шитья, последний, самый настоящий «крик моды», пришедшей сюда непосредственно из Парижа.

Платье было очень незамысловато сшито, но именно эта-то его незамысловатость и придавала ему особенную ценность. Оно очень плотно облегало ее фигуру, как носили тогда, при малейшем движении обрисовывая формы ее, наподобие древнегреческого хитона.

Высоко перехваченная талия необычно-

венно красиво выделяла ее природную стройность.

Само платье на княгине было воздушное, газовое, легкое, как облачко, тающее в высокой лазури, как бы подернутое голубоватым налетом, отливавшим нежною тенью на бледно-розовом шелковом чехле.

Княгиня стояла и свободно разговаривала с лейб-гусаром.

Саша Николаич остановился пораженный, не зная, подойти ему к ней или нет?

Он знал теперешнюю княгиню Сан-Мартино в то время, когда она была воспитанницей титулярного советника Беспалова и жила у него в обществе постоянно полупьяного Ореста и слепого Виталия. Он подумал, что, вероятно, ей теперь будет неприятно вспоминать об этом времени, а, увидев его, она, конечно, должна будет вспомнить все. Уж слишком велика разница между положением, в каком она находилась тогда и оказалась теперь, чтобы Саша Николаич мог воспользоваться (он это чувствовал) своим прежним знакомством с нею и подойти теперь к ней, не будучи представленным ей вновь...

Говорят, если смотреть издали на кого-нибудь пристально, то тот непременно обернется. Саша Николаич не знал, насколько справедливо это вообще, но в данном случае должен был признать полную достоверность такого наблюдения. Он пристально смотрел на княгиню Марию, и вот она обернулась.

Повернувшись, она увидела Сашу Николаича и улыбнулась ему так, словно бы они только вчера расстались как добрые, хорошие знакомые.

«Не бойтесь, подходите, я рада вас видеть», — сказала ему эта улыбка. И он поспешил к княгине Марии; она кивнула головой лейб-гусару, как бы давая понять, что их разговор закончен, и повернулась к Александру Николаеву.

— Княгиня, вы узнали меня? — спросил он, особенно упирая на ее титул.

— Я очень рада видеть вас, — сказала она искренне, насколько можно было судить, — я даже искала с вами встречи сегодня... Я думала, что вы должны быть здесь, но не видела вас...

Это почему-то чрезвычайно польстило Са-

ше Николаичу. Он, не обинуясь, почувствовал от этих слов княгини такое удовольствие, словно бы его, как говорится, «рублем подарили»...

— Вы, вероятно, были, — заговорил он, волнуясь, — все время среди важных гостей, а я не имел права подойти к вам.

— Пойдемте, я вас представлю моему мужу, — сказала княгиня Мария, направляясь к залу.

Здесь им навстречу как раз шел сам дук со шведским послом, и княгиня остановилась, поджидая, чтобы они подошли к ней.

— Прекрасный праздник, не правда ли, княгиня? — подходя к ней, сказал посол с таким видом, точно он изрек тезис, государственной мудрости.

— Да, да, — согласилась Мария, не столько словами, сколько наклоном головы, улыбкой и взглядом своих больших черных глаз, а затем, обернувшись к своему мужу, назвала ему Николаева и познакомила их.

Дук с важной любезностью раскланялся с Сашей Николаичем и пригласил его запросто и свободно бывать у них, как самого обыкно-

венного молодого человека, как будто не имея к нему никакого дела по поводу расписки кардинала. Потом он взял под локоть шведского посла и пошел с ним дальше.

— Да, генерал Аракчеев думает, кажется, что все орлы — двуглавые птицы, — сказал он тому, видимо, продолжая ранее начатый им разговор.

Они оба рассмеялись.

Тут снова загремела музыка, стали танцевать вальс.

Николаев пригласил княгиню и, едва он успел закончить с нею тур, как ее уже ожидал лейб-гусар, а за ним и другие новые кавалеры.

Княгиня Мария танцевала все время.

Саша Николаич ради нее забыл всех остальных и напрасно Лидочка-графиня ждала, что он подойдет к ней, и злилась; а Наденька Заозерская скучала и томилась на террасе, сидя возле восточной княгини. Николаев безотчетно, сам того не сознавая, все время смотрел только на княгиню Марию, следя за нею.

Он пригласил ее на мазурку, в сущности,

думая, что это безнадежно, потому что она уже, наверное, приглашена на танец, и, к своей радости, узнал, что княгиня ни с кем его не танцует еще и будет танцевать с ним.

Это преисполнило его и гордостью, и радостью. Он почувствовал себя, точно стал ступенью выше в общественном положении, и ему казалось, что и другие были того же мнения.

По крайней мере, Лека Дабич, спросивший его мимоходом, с кем он танцует мазурку, и, получив ответ, что с княгиней Сан-Мартино, сделал такое лицо и так сказал: «Ого!», что Саша Николаич понял, как это хорошо, что он танцует с княгиней.

Лидочка-графиня отказала троим мазурку, уверенная, что Николаев пригласит ее, и в последнюю минуту, увидев, что Саша Николаич уже становится в пару с княгиней, вынуждена была принять приглашение какого-то неловкого кавалера, до сих пор еще не нашедшего себе дамы. Она решила, что Николаев сердится на нее за что-нибудь и тщетно ломала себе голову, что бы это могло быть?

А Наденька Заозерская и вовсе осталась без кавалера. Никто не пришел искать ее на

террасу, да и некому это было сделать, кроме Саши Николаича, а тот был увлечен восставлением знакомства с княгиней...

Это было тем более обидно для Наденьки, чувствовавшей именно сегодня весь день, во время веселого праздника, что Саша Николаич относится к ней так, как она этого желала в своих мечтах.

Сам же Саша Николаич искренне забыл в этот вечер и о Лидочке-графине, и о Наденьке Заозерской и был счастлив тем, что танцует с красавицей-княгиней.

Они все время разговаривали — о чем? — ни он, ни она не смогли бы, вероятно, дать себе отчет, но это было им чрезвычайно весело.

Словом, после мазурки, которую Саша Николаич протанцевал с княгиней, он опять оказался влюбленным в нее, как шестнадцатилетний кадет.

Глава XXVI

Уголок Италии в Петербурге

На другой день после праздника у графа Прозоровского княгиня Мария со своим мужем, дуком Иосифом дель Асидо, сидела в саду, в укромном уголке, где тень листвы защищала их от лучей солнца, которое палило в этот день, как будто желая доказать, что оно и в Северной Пальмире может быть таким же жарким, как и в Италии...

Да и весь этот уголок и по планировке сада, и по растительности нарочно был устроен так, чтобы он был похож на итальянский пейзаж.

Белые северные березы и заменяющая пальмы хвоя были убраны отсюда. Фон зелени составляли дубы, на их фоне вырисовывались кипарисы, посаженные в грунт, апельсиновые деревья, расставленные в кадках, и целые группы растений.

У мраморного стола, на котором мозаикой был изображен круг со знаками зодиака, была мраморная, наподобие римской, скамей-

ка, покрытая красной шелковой подушкой. На этой скамейке полулежа сидел дук Иосиф, а против него в раскидном кресле с шитой золотом подушкой в ногах сидела княгиня Мария, его жена. Они медленно и лениво разговаривали.

Дук спрашивал, как она себя чувствовала после вчерашнего праздника и успела ли отдохнуть? Самому ему не удалось сделать это, потому что у него были дела и он сегодня должен был встать в седьмом часу утра, раньше обыкновенного, хотя и обыкновенно-то он поднимался всегда зимой и летом в семь.

— Я потому с удовольствием и устроился здесь, — сказал он, — что чувствую утомление и рад побыть в покое хоть немного!.. Нам так мало удастся быть наедине здесь в последнее время!.. — он улыбнулся жене. — Ну, что вчера Николаев?

Они говорили по-французски.

— Я сделала все так, как ты сказал мне! — ответила она ровным и покорным голосом, причем каждое ее слово раздавалось размеренно и отчетливо. — Ты сказал мне, что желаешь, чтобы этот молодой человек был в мо-

ей власти, и я могу тебе сказать, что это уже исполнено.

— Тебе это нетрудно! — опять улыбнулся дук своей жене, любуясь ею. — Он, вероятно, придет к нам?

— Я не сомневаюсь в этом, и, вероятно, он будет здесь не далее, как сегодня!

— Тем лучше! Тогда сегодня же ему скажи насчет расписки; он верно заплатит по ней, не доводя дело до суда, чтобы не позорить памяти своего отца. Конечно, это — только смысл, а как именно сказать, ты, надеюсь, сумеешь сама...

— Я тоже думаю, что сумею, — усмехнулась Мария так, что действительно не было сомнений в том, что она сумеет.

— Значит, с ним кончено? — сказал дук, произнося слово «кончено» по-русски, как одно из слов, которое известно ему на этом языке и которое он все-таки произнес не без труда и, с явным иностранным акцентом.

— Что, вам вспомнился «Кончино Кончини»? — слышался в это время голос появившейся из-за деревьев госпожи де Ламот, словно подкравшейся к ним.

Княгиня Мария, не подозревавшая, кто на самом деле была эта женщина, считала Ламот своею невесткою и до некоторой степени преклонялась перед нею, то есть, главным образом, перед ее светским авторитетом и знанием обычаев королевского двора Франции.

Неожиданное появление и вопрос старшей княгини, как уже звали госпожу де Ламот в доме, заставили Марию вздрогнуть, а дук Иосиф обернулся и, нахмутив брови, строго посмотрел на так внезапно появившуюся гостью.

Та, как бы не обращая внимания на него, села в свободное кресло возле стола, откинула одну руку, а другою стала обмахиваться веером.

— Странная, тяжелая, грустная история этих Кончини! — заговорила она, глядя куда-то вдаль...

Княгиня Мария уже знала, что ее невестка любит вспоминать странные и по преимуществу тяжелые и грустные истории, случившиеся с другими в давние времена, и умеет недурно о них рассказывать.

— Нет, мы не о Кончини говорили! — пояс-

нила она. — А дук выговорил русское слово, которое в созвучии с этим именем.

— А русский язык очень трудный! — сказала Ламот несколько недовольным голосом из-за того, что не удалось ей рассказать свою историю.

— А кто были эти Кончини? — спросила княгиня Мария, не только, чтобы сделать приятное невестке, но и в действительности заинтересовавшись ее рассказом.

— Как?.. Вы ничего не слышали о Кончини? — воскликнула та.

— Нет.

— Об Элеоноре Галигай?..

— Нет.

— Вы ничего не слышали о процессе жены маршала д'Анкра?

— Нет.

— Но ведь это же одна из самых трагических страниц Франции!..

— Я мало знакома с историей.

— Но тогда вам надо рассказать это! Вы слышали, конечно, о Марии Медичи?

— Ее, кажется, звали Екатериной?

— Нет, та была другая, а Мария Медичи бы-

ла женой Генриха IV, короля Франции. Процесс, о котором я говорю, произошел при Людовике XIII, составляя одну из самых позорных страниц в истории судов того времени. Великий князь Тосканский, Франсуа Медичи, обратил внимание на здоровую, красивую и веселую женщину, жену плотника по имени Галигай, лавочка которого помещалась как раз напротив дворца во Флоренции; и когда у герцога Франсуа родилась дочь, Мария Медичи, он вспомнил об этой женщине и призвал ее во дворец, поручив ей кормление своей дочери. Это послужило началом благосостояния и блестящей карьеры будущей фамилии д'Анкр, а впоследствии и их падения.

«У жены плотника была очаровательная маленькая девочка Элеонора, которая росла вместе с Марией Медичи, и они так подружились, что Мария не захотела расстаться со своей молочной сестрой, когда много лет спустя вышла замуж за Генриха IV и стала французской королевой; она увезла свою молочную сестру с собой в качестве своей камеристки. Их сопровождал Кончини.

Вскоре новая камеристка совсем забрала в

свои руки королеву Франции, отличавшуюся очень нерешительным характером. Во время путешествия из Флоренции в Париж Элеонора Галигай влюбилась в Кончини; она вымолила у королевы разрешения вызвать его из Италии в Париж, и там, несмотря на неудовольствие Генриха IV, женила его на себе.

Элеонору нельзя было назвать красивой, но под своей хрупкой внешностью она скрывала необыкновенную энергию, ум и ловкость. Ко всему этому она была еще до крайности честолюбива.

Вскоре перед Кончини открылась блестящая карьера, которой он всецело был обязан своей хитрой и умной жене. Он очень быстро сделался первым метрдотелем, а потом — первым конюшим королевы. Он был необыкновенно приятным собеседником, грациозным танцором, храбрым и ловким наездником и соединил в себе все качества для того, чтобы нравиться и быть приятным при дворе, который был столько же занят делами, сколько и всевозможными увеселениями.

Кто бы мог подумать, это этот человек, тело которого впоследствии было вырыто из

могилы, изуродовано, повешено, разрезано на куски и сожжено чернью, опьяневшей от бешенства и вина, что этот Кончини, проклятый всем народом, сначала был кумиром этого же самого народа, которому он в первое время своего возвышения устраивал празднества, спектакли, карусели и турниры, дававшие ему случай проявить свои прирожденные качества: ловкость, вкус и щедрость?

Элеонора Галигай, новая маркиза д'Анкр, обладала всеми слабостями своих соплеменниц и верила в предрассудки...

Ее современники говорят, например, что она никогда не показывалась на улице иначе, как под густой вуалью, для того чтобы предохранить себя от дурного глаза.

Смерть Генриха IV повлекла за собой окончательное возвышение супруги Кончини. Элеонора всецело управляла Марией Медичи, а Мария Медичи была правительницей всей Франции.

Маршал д'Анкр и его жена окончательно захватили власть в свои руки. Распоряжаясь деньгами королевства и видя всех вельмож государства у своих ног, они уверовали в

прочность своего могущества. Даже наследнику престола, Людовику XIII, не раз приходилось выносить оскорбления со стороны фаворитов его матери.

Но наказание за все это было ужасным, несправедливость и жестокость судей превзошли гордыню и дерзость виновных.

Воспользовавшись однажды отсутствием королевы, Людовик XIII, сговорившись с Линем, приказал барону Витри убить маршала д'Анкара. Этот убийца, руки которого были обгарены кровью его жертвы, тут же получил маршальский жезл, а фаворит короля, де Линь, тотчас же вступил во владение огромным состоянием фаворита Марии Медичи.

Тело предательски убитого маршала было растерзано и поругано опьяневшей чернью.

Новому маршалу Витри было поручено объявить Элеоноре о смерти ее мужа и отвезти ее в Бастилию. Ее схватили, не позволив проститься с детьми, которых ей больше уже не суждено было увидеть...

А королева, узнав о смерти маршала и заключении своей молочной сестры, даже на словах не пожалела об их горькой участи.

— Мне некогда думать о них! Никогда больше не говорите об этих людях! — сказала она. — Они не слушались моих советов, тем хуже для них!

Судьба Элеоноры была решена, но во время процесса дочь простого флорентийского плотника уничтожала своим великодушием и преданностью королеву Франции!

Процесс маркизы имел тройную цель: он должен был извинить, мотивировать убийство маршала, захват его богатства и скомпрометировать королеву-мать.

Допрошенная о причинах смерти Генриха IV, Элеонора отвечала с необыкновенной твердостью и ясностью, удивившими ее судей, которые были, разумеется, предубеждены против нее.

С той же энергией она защищалась против обвинения в том, что мешала розыску убийц покойного короля. Она удовлетворила все расспросы своих судей, отрицая или объясняя факты так, чтобы отвлечь всякие подозрения от себя, и, главное, от королевы-матери, которую хотели во что бы то ни стало сделать сообщницей Равальяка (убийцы Генриха IV).

Но новый фаворит, де Линь, его братья и несколько других вельмож и придворных требовали осуждения ее во что бы то ни стало.

Процесс раздвоился: не имея возможности поддержать обвинение в оскорблении величества, Элеонору обвинили в святотатстве: ей предъявили обвинение в том, что она якобы при помощи магии и волшебства околдовала королеву. Ее обвиняли в том, что она обладала тайнствами, различными восковыми фигурками, найденными в потаенных уголках. Ее обвинили в том, что она выписала из Италии монахов, с которыми приносила святотатственные жертвы, закалывая для этого петухов и голубей в церквях.

На эти новые обвинения Элеонора ответила презрением.

От нее потребовали, чтобы она объяснила, каким образом и с помощью каких средств она овладела душой королевы, и только тут она отомстила своему другу детства, сказав: «Я овладела душой королевы только с помощью естественных и обычных средств, которыми обладает более высокий ум над более

слабым...»

Судьи были вынуждены довольствоваться этим ответом.

Наконец, несмотря на то, что пять судей воздержались от голосования, был произнесен приговор. Маркиза д'Анкр была признана виновной в оскорблении величества божественного и человеческого и присуждена к отсечению головы и сожжению, с тем чтобы пепел был развеян по ветру.

— Бедная я! — воскликнула она, услышав страшный приговор, и только тогда разрыдалась.

Но она только в первые минуты упала духом и, быстро придя в себя, вполне примирилась со своей судьбой. В день казни, сядясь в колесницу, она сказала своему проповеднику, глядя на толпу:

— Сколько народа собралось, чтобы увидеть, как умирает бедная страдальца! — и потом прибавила: — Будет! Я совершенно равнодушна к смерти!

Толпа же изменчива, как волны морские. Она тотчас же смолкла: женщины только потихоньку плакали, а мужчины отворачива-

лись, чтобы не видеть этого печального шествия. Ненависть сменилась жалостью.

Элеонора бодро и бесстрашно взошла на эшафот.

Дочь маршала д'Анкара умерла во время процесса своей несчастной матери. Сын маршала д'Анкара, которому было всего четырнадцать лет, был лишен дворянства и изгнан из Франции. Брат Элеоноры, архиепископ, принужден был отказаться от всех своих должностей, он кончил свои дни в Италии. Вся семья была уничтожена!..»

Не успела Жанна де Ламот закончить свой рассказ, как на дорожке показался лакей в ливрее, почтительно доложив молодой княгине, что Александр Николаевич Николаев пожаловал и велел доложить о себе.

— Простите! — сказала княгиня Мария госпоже де Ламот, — Но мне надо принять этого господина!

Жанна кивнула головой; Мария встала и пошла, а Жанна обратилась к дуку Иосифу и только тут заметила, что он спит крепчайшим сном. Он заснул под ее рассказ, потому что, конечно, хорошо знал историю Элеоноры

Кончини...

Глава XXVII

Желтый сок травы

В тот день после обеда, который был подан на большом балконе, выходявшем в сад, все еще сидели и весело смеялись тому, как дук перевирал русские слова, которым учила его княгиня Гуджавели, когда пришли сказать дуку, что его спрашивает Белый.

Под этим именем к дуку являлся старик с белой бородой и в черной шапочке на голове. Дук всегда принимал его немедленно у себя наверху и подолгу сидел, запершись с ним один на один. Иногда же, наоборот, старик очень скоро уходил от дука, а затем приходил снова.

Сидевшие за столом видели через выходявшие на балкон двери и окна гостиной, как старика провели по этой гостиной и вслед за ним пошел, извинившись и встав из-за стола, дук дель Асидо.

Жанна, выждав немного, тоже встала из-за стола, сказав княгине Гуджавели, что пойдет писать спешные письма и просила не мешать

ей.

Она действительно пришла в занимаемые ею вместе с княгиней Гуджавели комнаты на первом этаже, в которые ход был прямо с главной лестницы.

Войдя к себе, Жанна притворила дверь настолько не плотно, что осталась небольшая щель, и прильнула глазами к этой щели. . Так она остановилась и ждала терпеливо, ничем не выказывая своего присутствия тут лакеям, которые пересмеивались между собой и фыркали на лестнице.

В чем у них было дело, Жанна не могла разобрать, потому что почти совсем не владела русским языком. Но, конечно, не ради них, этих лакеев, стояла она тут...

Лакеи вдруг смолкли, заслышав шаги наверху... Жанна насторожилась.

Она увидела, как Белый спускался с лестницы, распахнула дверь и, как бы случайно, пошла ему навстречу.

— Одну минуту! — остановила она старика. — Пойдемте ко мне, я не задержу вас; мне нужно сказать вам несколько слов...

— Но мне некогда! — ответил Белый. — Я

тороплюсь...

— Вы торопитесь на заседание?.. По поводу этого заседания мне и хочется поговорить с вами!

— Так говорите здесь!

— Здесь неудобно, тут люди слышат!

— Но по-французски не понимают.

— Кто их знает?.. А дело слишком важное!

— Ну, будь по-вашему, — пожал плечами Белый, — я зайду к вам! — И он вошел в ту же самую комнату, где говорил с Жанной, когда та возвратилась от Саши Николаича.

Но теперь она сама привела его сюда, быстро прошла с ним к окну, повернулась спиной к свету и заглянула своими быстрыми пронизательными глазами, сохранившими, несмотря на ее годы, блеск молодости, прямо Белому в лицо, ярко освещенное солнцем.

— Я тоже хочу быть сегодня на заседании! — сказала она.

— Ты хочешь довольно многого!.. — усмехнулся старик.

— Уж будто и многого?.. — улыбнулась и Жанна. — Я думаю, что я могла бы быть полезной...

— Как, например, в деле с Николаевым, к которому ты поехала?

— И ничего не испортила! — подхватила Жанна. — А увидела много важного... хотя бы то, где лежала у Николаева расписка!

— Счастливая случайность, и ничего больше!

— Все равно, может повториться еще такая же счастливая случайность со мной... Я хочу быть на заседании и принимать участие в делах общества!

— Ты сегодня почему-то разговариваешь слишком свободно, — вдруг сказал старик, — или, может быть, мне это кажется только?

— Может быть, и нет. Во всяком случае, разница есть в том, как я говорила с тобою прежде и как говорю теперь. Прежде я тебя боялась...

— А теперь? — спросил старик.

— А теперь не боюсь!..

— Вот как! Почему же это?..

— Я боялась тебя, потому что ты знал, кто я, а теперь не боюсь, потому что знаю, кто ты!

— Что ты этим хочешь сказать?..

— Только то, что теперь знаю наверняка,

что ты и дук Иосиф дель Асидо — одно и то же лицо!

Белый как будто даже вздрогнул слегка и инстинктивным движением отвернулся.

— Что за вздор ты говоришь! — снова усмехнулся он. — Разве ты не видела, как я прошел через гостиную, когда дук дель Асидо еще сидел за столом вместе с вами?

— Ну, эта штука, — рассмеялась Жанна, — может обмануть такого ребенка, как княгиня Мария, или такую наивную простоту, как княгиня Гуджавели, но не меня!.. Говорят, у Робертсона показывают шутки гораздо хитрее, а эта слишком проста... Когда тебе нужно стать Белым, к тебе приходит или человек, загримированный им, или, может быть, на самом деле, старик с седой бородой, одинакового с тобой роста и сложения, но вместо него из дома выходишь ты, с отлично наклеенной бородой и в превосходном парике!.. А твой двойник сидит теперь наверху, запершись в кабинете, как будто там занимается делами дук дель Асидо...

— Кто это сказал тебе?

— Мой разум и наблюдательность. Мне

уже давно показалось странным, что каждый раз, как старик уходит, дук сидит взаперти у себя в кабинете, пока тот не вернется. Я знала, что сегодня будет заседание и что тебе сегодня нужно будет выйти под видом Белого, чтобы быть на этом заседании; и я сделала опыт, который вполне мне удался и доказал мне без всякого сомнения, что ты и дук дель Асидо — одно лицо.

— Что же это за опыт? — спросил Белый.

— Ты знаешь, есть одна травка; она везде растет, очень сочная и ее сок красит весьма легко в желтое. Когда ты сегодня заснул на скамейке под мой рассказ и я осталась с тобой одна, потому что княгиня Мария ушла к гостю, я сорвала такую травку и коснулась твоего лица сломанным кончиком стебля травки сбоку, у левого виска, на мочке правого уха и над правой бровью и все эти пятнышки остались на твоём лице, хотя ты преобразился в Белого, но не догадался стереть их.

Старик сдвинул брови и некоторое время молчал.

Жанна с торжеством глядела на него: старик был пойман и уличен ею, и она ждала,

что он скажет ей или сделает.

— Ты наблюдательна, — сказал он, — и достаточно хитра, в чем я, впрочем, не сомневался...

— А ты достаточно умен, чтобы не отрицать того, что стало явным, — сказала Жанна. — Но, во всяком случае, теперь мы равны с тобой и у тебя нет надо мною преимуществ... Я готова исполнять при твоей жене роль ее ментора в свете, но исключительно отдать себя этой обязанности не желаю. Я хочу действовать на пользу нашего общества, потому что чувствую в себе силы и способности, которые могу приложить на деле...

— Ты и будешь действовать, — произнес старик.

— Да, буду, не подчиняясь твоей воле, — продолжала Жанна со все большим и большим ожесточением, — и, может быть, ты еще расквесишься в том, что напомнил мне о самых страшных минутах, пережитых мною в жизни, и пригрозил мне, что можешь раскрыть, когда захочешь, мой позор...

Белый покачал головой.

— Ты только что хвастала своими способ-

ностями, а теперь доказываешь, что тебе как будто трудно пустить их в ход, когда нужно... Все эти упреки могли быть обращены тобой ко мне, если бы ты не знала, как знаешь теперь, что я, Белый, не кто иной, как дук Иосиф дель Асидо. Ведь я же представил тебя всюду как невестку мою, то есть дука дель Асидо, я тебя назвал женою моего брата, следовательно, если, как ты говоришь, раскрыть твой позор, то этим, прежде всего, я опозорил бы сам себя... Разве жена брата князя Сан-Мартино может быть не только опозорена, но даже заподозрена в чем-то предосудительном?

Этим рассуждением, справедливости которого нельзя было не признать, Жанна была уничтожена. Ей нечего было возразить. Она должна была признаться, что верх снова остался не за нею, а за этим человеком, обладавшим как бы сверхъестественной способностью подчинять себе людей. Она, смирившись, замолчала и потупилась. И словно в награду за это Белый сказал ей:

— Ну хорошо, надень шляпу и мантилью, я возьму тебя с собой на заседание...

Глава XXVIII

Первое дело

— Дайте ей кокарду, составленную из всех семи цветов радуги, и пусть она будет разделена равно между нами, — тоном приказания сказал Белый, когда все сели за стол, за который он усадил и Жанну. — Нас было до сих пор, — пояснил он, — восемь человек, которые, собираясь для обсуждения наших дел, садились за этот стол... Число восемь — хорошее число и составляет удвоенное священное число пифагорейцев, которым клялся сам Пифагор. Но восемь не есть еще полнота, и вот потому я, оставляя все-таки это восемь в лице мужчин, призвал к нам девятую — женщину, потому что девять в совершенстве передает полноту... Полагаю, что никто не станет возражать?

Никто не возражал, так как никто бы и не посмел возражать Белому, и заседание было открыто в присутствии Жанны.

— Первым на очереди у нас дело о наследстве Николаева, — сказал Белый. — По этому

поводу может быть представлен доклад собранию ввиду того, что оно почти кончено...

— Даже кончено уже! — воскликнула Жанна, не удержавшись от этого восклицания, потому что именно это дело она знала и оно ей казалось, с ее точки зрения, безнадежным.

Вокруг произошло движение, и оба соседа Жанны с двух сторон зашептали ей, что Белого нельзя перебивать.

Она поспешила замолчать.

— О деле Николаева нам доложит Фиолетовый, — проговорил Белый, обращаясь к Люсли.

Рыжий Люсли в своих синих огромных очках завертелся на месте и, собравшись с духом, заговорил не сразу:

— Дело, казавшееся нам столь трудным, распутывается благодаря указаниям Белого, — принялся он докладывать. — Как вам известно, наследство перешло к Николаеву так, что несмотря на своевременно принятые нашим обществом меры нам достались такие крохи, что говорить о них не стоит. . Но состояние Николаева должно стать нашим целью, а потому для получения его мы могли

принять, не стесняясь, всякие меры и не останавливались ни перед чем ради общей выгоды наших сочленов...

Он говорил, словно повторял хорошо заученный и затверженный урок. Его речь лилась гладко и внушительно. Среди слушателей прошел шепот одобрения.

— План действий, преподанный Белым, был таков, — продолжал Люсли. — У дукадель Асидо сохранилась расписка, выданная отцом Николаева, кардиналом Аджиери, отцу дука в том, что он, кардинал, принял на хранение от дука принадлежащие тому деньги. На самом деле он их вернул в свое время и получил от дука обратную расписку... Вся хитрость заключалась в том, чтобы изъять у Николаева обратно эту расписку. Случай показал через посредство княгини Сан-Мартино, присутствующей здесь, что расписка хранилась у Николаева в бюро, в верхнем ящике. Тогда наш агент был ночью послан на выемку расписки, и проник при помощи подкупленного лакея в кабинет, где стоит бюро, и отпер его заранее же приготовленным ключом и достал расписку...

— Ведь это же было простое воровство! — воскликнул Аркадий Ипполитович Соломбин, носивший красный цвет и отличавшийся мягкими, хорошими манерами.

— Ну, зачем произносить страшные слова? Ими нас не напугаешь! — усмехнулся огромный Борянский.

— Дело в том, — сказал обыкновенно ни слова не говоривший на собраниях Зеленый, — что это предприятие было рискованно в смысле столкновения с властями, а по нашим условиям мы можем предпринимать лишь такие шаги и дела, за которые наверняка не может быть ответственности... это — серьезное нарушение наших условий. Будь этот агент пойман на месте, всем нам пришлось бы, может быть, отвечать...

— Этот агент и был пойман на месте, — сообщил Белый.

— Ага!.. Вот видите!.. Он может выдать нас!

— Но он не выдаст...

— Почему же?

— Потому, что он был немедленно отпущен.

— Кем?

— Самим Николаевым.

— Как же это так?

— А так! Прежде, чем обвинять меня, — пояснил Белый, — в нарушении наших условий, нужно было выслушать до конца. Предприятие с выемкой только кажется рискованным, но на самом деле оно было совершено наверняка. И как выяснилось, агент не кто иной, как пропавший без вести сын матери Николаева от ее брака с графом Савищевым. Эта «выемка» была их семейным делом, и нас она затронуть не могла, мы были вполне осторожны...

Жанна не выдержала и зааплодировала.

— Гениально! — проговорила она.

— Ловко! — похвалил и Борянский.

— Но как же, если агент был пойман, — спросил Зеленый, — то, значит, он не достиг своей цели, то есть не достал расписки?..

— Продолжай свой доклад! — обернулся Белый к Люсли, который сидел, сильно нахмурившись, чувствуя себя не совсем ловко при том обороте, который принял разговор.

— Хотя агент, — заговорил он, точно в оправданье, — и не достал расписки, все же

выполнил главное — он уничтожил ее. Она, очевидно, была разорвана в то время, когда захвативший ее агент боролся с полупьяным Орестом Беспаловым, который ухитрился накрыть его.

— Орест Беспалов! — засмеялся Борянский. — Знаю его!.. Так это он оказался способным на такую штуку?

— Между прочим, — обернулся к нему Белый, — этот Орест был доверен тебе, а ты не сумел его обезвредить!

— Невозможно! — с искренним удивлением и, возможно, даже с долей восхищения проговорил Борянский. — Пьет он, доложу я вам, как губка, и ничего не действует на него. Я думал, он совсем доведен до должной нормы, и вдруг узнаю, что он встал, как встрепанный, и ушел!

— Да, этот Орест оказался опаснее, чем можно было ожидать! — сказал Люсли и поправил свои очки, впрочем, не столько для того, чтобы они держались лучше, а как бы убедиться, что они у него еще на носу. — Факт в том, — докончил он, — что дуком дель Асидо был послан к Николаеву поверенный

стряпчий, и Николаев не смог найти расписку отца дука.

— Все это хорошо! — сказал Красный, учтиво и мягко оглядывая присутствующих. — Но, насколько я понял, дело тут касается только счетов дука дель Асидо с господином Николаевым, и благодаря действительно удачно завершённому маневру дук дель Асидо может получить деньги с Николаева. Но я желал бы знать, какая же прибыль будет с этого нам, то есть обществу «Восстановления прав обездоленных»?

— На это вам ответит, — сказал Белый, — сама жена дука Иосифа дель Асидо, князя Сан-Мартино! — и он показал на Жанну.

Та удивленно посмотрела на него, как бы недоумевая, так ли расслышала она.

Но Белый кивком головы показал ей: «Да, говори все, что знаешь!»

— Я должна все сказать? — все-таки переспросила Жанна.

— Да! — подтвердил ей Белый.

— Я только что убедилась, что Белый и дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, — сказала Жанна, — брат моего мужа — одно и то же ли-

цо.

Все переглянулись между собой и затем во-просительно посмотрели на Белого, как бы желая узнать, как им понимать слова княгини.

— Я и дук дель Асидо — мы вполне отвечаем друг за друга! — как бы поясняя, но на самом деле затемняя дело, несколько уклончиво проговорил Белый. — Во всяком случае, я ручаюсь вам за дука, как за самого себя.

«Хитрый человек!» — подумала Жанна, невольно все более и более преклоняясь перед тем, по-видимому, гением интриги, который руководил этим делом. В эту минуту она пожалела, что у нее не было такого руководителя, как он, во время той истории с ожерельем королевы.

— Я так и думал, — заговорил опять Люсли, — что дук для нас свой!.. И тут относительно него не может быть сомнения! Но неприятно вот что: придется получить с Николаева по расписке судом, а эти русские судьи тянут дело годами и придется ждать долгое время, прежде чем Николаев вернет деньги по расписке.

— Против этого зла будут приняты меры! — успокоительно проговорил Белый. — Николаев вернет деньги так скоро, как ни один суд не заставит его это сделать. Стоит только пустить в ход небольшой рычаг, который имеет общественное название...

— И это название? — спросила Жанна, стараясь как можно милее улыбнуться Белому.

— Психология! — ответил тот.

Глава XXIX

Второе и третье дело

— Наше второе дело, — продолжал Бельный, — состоит в том, что маркиза Елизавета де Турневиль, спасаясь из Парижа, передала на хранение кардиналу Аджиери молитвенник. В последнем заключается указание места, где маркизой был спрятан клад, который она не могла везти с собой... В прошлое заседание я говорил вам, что мы намеревались, благодаря случаю, купить этот молитвенник, но нам это не удалось. В сущности жалеть об этом нечего, потому что, когда будет нужно, так или иначе нам всегда можно будет получить молитвенник. Но пока это преждевременно, потому что с одним молитвенником мы все равно ничего не смогли бы сделать. Дело в том, что в этом молитвеннике подчеркнуты буквы на разных страницах. В комбинации этих букв и заключается указание на место, где спрятан клад. Но для того, чтобы найти эту комбинацию, нужно иметь в руках ключ, так что без этого ключа молит-

венник сам по себе ничего не значит и по нему одному ничего нельзя найти, точно так же, как и по одному ключу. Это сделано вот почему: клад спрятала маркиза де Турневиль не одна, а вместе со своим братом. Деньги и вещи, которые они прятали, принадлежали им обоим и впоследствии должны были быть разделены ими самими или их потомством, когда появится возможность достать этот клад. Маркиза и ее брат друг другу верили безусловно и не сомневались, что ни один, в случае возможности, не станет доставать этого клада без другого. Но они не знали, как гарантировать себя от того, чтобы кто-нибудь из их потомства не воспользовался этим кладом, не поделившись с остальными, в случае, если им самим нельзя будет вернуться во Францию до своей смерти. Поэтому по совету одного аббата они устроили так, что место этого клада обозначено подчеркнутыми в разбивку буквами в молитвеннике, который остался у маркизы, а ключ к комбинации этих букв должен был храниться в медальоне у брата маркизы или его потомства. Таким образом, потомки маркизы и ее брата могли до-

стать клад и поделить на соответствующие доли только в том случае, если бы сошлись при этом вместе, то есть разобрали при помощи ключа, находящегося у одних, комбинации букв в молитвеннике, который был у других. Так им посоветовал аббат, что они и сделали, но не сообщили при этом аббату ни слова про ключ или подчеркнутые буквы в молитвеннике.

— А от этого аббата, — сказал Красный, — вероятно, и известно нашему обществу о существовании этого клада.

— Конечно! — спокойно заметил Белый. — Этим аббатом в то самое время был я сам и потому мне хорошо известна вся эта история. Нам было известно, что маркиза Елизавета поручила свой молитвенник кардиналу Аджиери, имея предчувствие, что с нею самой что-то должно случиться; предчувствие не обмануло ее и ее предосторожность оказалась не лишней. Во время переезда маркизы де Турневиль на корабле в Англию случилась буря; корабль в течение двенадцати часов кидало по узкому Ла-Маншу и, наконец, он разбился, и маркиза погибла, а вместе с ней по-

гиб бы и молитвенник, если бы не предусмотрительность маркизы. К тому же ее брат тоже вскоре погиб, будучи убитым на большой дороге одной из шаек, бродивших по Франции во время революции. Оставшийся после него медальон с ключом, насколько мне известно, достался его дочери, а дочь эта, по имеющимся у нас данным, должна теперь находиться в России. Маркиза де Турневиль по рождению была полькой, семья которой приехала во Францию вместе с Марией Лещинской, женой Людовика. Фамилия ее была Косунская, и ее брат, граф Косунский, погиб во Франции, но семью свою успел отправить в Россию. Помимо клада, спрятанного в Париже, у Косунских есть поместье в Польше, и они достаточно богаты, чтобы жить здесь, в Петербурге. Дочь графа, графиня Лидия, принята в Петербургском обществе.

— Так это она? — вставила свое слово и Жанна. — Она была мне представлена на празднике у графа Прозоровского.

— Да, это она! — сказал Белый. — Но, к сожалению, не известно, сохранился у нее медальон или нет.

— О, поручите это дело мне, и я разузнаю немедленно! — предложила Жанна.

— Нет! — остановил ее Белый. — Вам будет поручено третье дело, о котором я сейчас скажу несколько слов. О медальоне же графини я постараюсь сам, потому что тут замешана старая кормилица, которая должна знать, в чем дело, и, вероятно, так крепко хранит тайну, что выдаст ее разве только на исповеди как истая католичка.

— Ну, а что это за третье дело? — поинтересовалась Жанна, жаждавшая деятельности, влиянья и, в сущности, интриг, к которым от природы чувствовала неодолимое влечение.

— Третье дело, — улыбнулся ей Белый, — касается той истории, о которой вы рассказывали в саду, когда я заснул под ваш рассказ...

— Я рассказывала о Кончини-Галигай, — сказала Жанна.

— Вот именно! — подтвердил Белый. — Именье и состояние Кончини были конфискованы и переданы маркизу де Линю, но свои бриллианты Элеонора Кончини успела спрятать, и вот, чтобы открыть место, где они находятся, нужно большое искусство, и это

сложное дело я поручаю вам, княгиня! — обернулся он снова к Жанне.

Та расцвела довольной и сияющей улыбкой, в высшей степени польщенная таким доверием.

— Хорошо, — сказала она, — но ведь это слишком трудно!

— Потому-то я и поручаю вам это дело, что оно трудно!

— Мне все-таки нужны хоть какие-то данные...

— Они будут вам даны. Дети Элеоноры, как вам известно, умерли, и бриллианты к ним не попали. Единственный родственник Кончини, брат Элеоноры, турецкий епископ, умер, тоже не подозревая о них; словом, вся семья исчезла с лица земли, и после нее остались спрятанные бриллианты, которые вот уже двести лет блуждают по свету...

— Блуждают по свету? — переспросила Жанна, слушавшая с особым вниманием слова Белого. — Я думала, что они где-нибудь закопаны в подвале или замурованы в стене и лежат нетронутыми на одном месте, а если они блуждают, то, так как сами они двигаться

не могут, поэтому находятся в чьих-нибудь руках и этот «кто-нибудь», очевидно, сторожит их?

— Все это так, и вместе с тем совсем не так! — возразил Белый. — Элеонора Кончини не имела времени ни закопать в землю свои драгоценности, ни замуровать их в стену. Она только успела спрятать несколько самых больших своих бриллиантов, изумрудов и сапфиров в секретное дно серебряной венецианской шкатулки и сообщила это на исповеди монаху, чтобы он это открыл ее сыну. Но монах это сделать не смог, и только преданье о тайне бриллиантов говорит о том, что драгоценности переходят из рук в руки вместе с серебряной шкатулкой, в которой они спрятаны, и обладатели шкатулки ценят ее только как старинную вещь большой художественной ценности и не подозревают даже, каким сокровищем они обладают. Нужно было много терпения, труда и знания, чтобы проследить в тени веков, как и к кому переходила эта шкатулка. Главное нами сделано, розыски доведены до начала нашего столетия и выяснено, что шкатулка находится в России, и, ве-

роятнее всего, в Петербурге. Вот пока дело в главных чертах, еще несколько частных подробностей я дам вам отдельно! — заключил Белый, обращаясь к Жанне, которая вся пылала от удовольствия и лихорадочно горевшими глазами смотрела теперь на Белого.

Глава XXX

Психология

Саша Николаич сидел очень задумчивый и смрачный перед своим бюро в кабинете, а Орест поместился верхом на подоконнике, так что одна нога его была в комнате, а другая свешивалась в сад. Он, напротив, был в превосходном настроении духа, лишь слегка «навеселе», то есть «нездоров» наполовину, а потому, как он объяснил, только наполовину и вступил одной ногой в обиталище Николаева, оставив пьяную ногу за окном. Он желал бы, сказал он, быть не только на равной, но и на трезвой ноге.

— Я вам вот что, гидальго, заявляю, — мечтал он вслух, закинув голову и глядя в небо, — хотя вы мне и не сообщаете причины вашего удрученного вида, но я понимаю, ибо могу снизойти к человеческим слабостям. Разумеется, не всем же обладать такой силой воли, как у меня! Я верен своему идеалу, который уже нашел, а вы еще ищете!.. Эта стадия исканий весьма тяжела; сам я претерпел ее, пока

не специализировался на водке и колебался относительно некоторых вин, в особенности, красных. Правда, красные вина были не по карману мне. Вы не думайте, почтеннейший, что я плету ерунду, которая оскорбит ваш слух, если вы обратите на нее свое благосклонное внимание. Мои слова имеют глубокое философское значение. У всякого человека есть свои страсти. У меня страсть к выпивке, у вас, говоря вульгарно, к женской юбке, а выражаясь поэтически, к нездешнему существу, именуемому в мечтах вдохновения «нездешней женщиной». Но вся беда в том, что «нездешние женщины» с такой готовой надписью и ярлыком не рождаются, и их можно отыскать самому, то есть определить, как нам, пьяницам, к водке или красному вину. Так вот, гидальго, вы и мрачны теперь потому, что ваше сердце разрывается на части. А вы уже в таких годах, что вашему сердцу не подобает быть четырехместной почтовой каретой. Ввиду вышеизложенного, примите добрый совет: изберите одну, по жребии, и женитесь...

Саша Николаич не ответил.

Орест помолчал немного и продолжал:

— Вы не гнушайтесь, гидальго, тем, что я осмеливаюсь сравнивать ваши возвышенные чувства со своим влечением к винному зелью! Вспомните, гидальго, великолепный дож в Венеции венчается с Адриатикой, и сколь сие было поэтично, об этом свидетельствуют сонеты и поэмы, о которых мне рассказывал наш добрый Тиссонье... Ну, так вот, и я, мой добрый гидальго, повенчался с водкой! Конечно, колец я при этом никуда не бросал и всякой ерунды не проделывал; но, уверяю вас, что люблю водку гораздо больше, чем господин дож любил соленую Адриатику, и мой брак гораздо счастливее его. По крайней мере, как учила меня история устами добрейшего Тиссонье, старый дож изменял своей жене Адриатике с хорошенькими венецианками, а я, слово Ореста Беспалова, безусловно, верен водке и даже с женщинами и на бильярде не играю! Знаете, гидальго, — вдруг заключил Орест, — я говорю так красноречиво, что если бы во времена Демосфена существовали пистолеты, он, наверное, застрелился бы от зависти, что после него родился та-

кой оратор!

Саша Николаич по-прежнему молчал и не слушал Ореста.

Тот никогда еще не видел его таким и понял, что с Сашей Николаичем случилось что-то особенное, а потому решил оставить его в покое... Он потихоньку сполз с окна и удалился, изменив на этот раз даже своему обыкновению взять у Саши Николаича «моравидисы», как он называл в таких случаях деньги на выпивку.

Саша Николаич остался один, но как будто даже не заметил этого. Его положение было и в самом деле очень затруднительным.

На следующий день после бала он был у княгини Сан-Мартино с визитом у нее на дому, и тут ему показалась она еще более прекрасной, чем была на балу, и какой он ее знал раньше. Сидя в ее белом атласном будуаре, Николаев чувствовал себя на седьмом небе и не помнил того, что говорил сам и как говорил, и что говорила она. Он словно был наполнен блаженством.

Между прочим, в сознание его вонзились произнесенные ею как бы случайно слова:

— Кстати, у мужа, кажется, есть к вам дело по поводу уплаты вами по расписке вашего отца! Я думаю, вы настолько чтите память отца, что станете платить его долги! Конечно, если вы найдете, что расписка спорная...

— Если даже я найду, что расписка спорная, — поспешил возразить Саша Николаич, задетый за живое, — я все равно сначала заплачу по ней, а потом уже буду оспаривать...

Княгиня Мария наградила Сашу Николаича за эти слова такой милой улыбкой, что, если бы ему ради этой улыбки нужно было подписать себе смертный приговор, он подписал бы его, ни секунды не колеблясь.

Во всяком случае, он думал, что сумма расписки не может быть настолько велика, что он не будет иметь возможности заплатить ее, и потому он особенно легко говорил об этом с княгиней и, видя, что этим производит на нее благоприятное впечатление, с усиленной небрежностью постарался показать, что считает это дело законченным.

Сегодня в назначенный срок к нему явился Амфилох Веденеич Петушкин за окончательным ответом, и Саша Николаич, завидев

его издали, заявил, что он говорил с княгиней и что он обещал ей заплатить по расписке.

Конечно, теперь всякие сомнения у него исчезли, и он уже готов был вызвать на дуэль всякого, кто усомнился бы в благородстве четы дель Асидо. Он готов был защищать княгиню, как влюбленный, а ее мужу он не мог не доверять, после того как видел, что он принят у графа Прозоровского, да еще среди почетных гостей.

Конечно, у этого князя Сан-Мартино не существовало никаких отношений с бывшим графом Савищевым, и ночное посещение этого графа не могло иметь ничего общего с распиской дука дель Асидо... Предположение же Ореста относительно Жанны де Ламот являлось просто бессмысленным.

Но легко было Саше Николаичу сказать, что он заплатит по расписке, сделать же это оказалось весьма затруднительным.

Расписка оказалась на двадцать тысяч ливров, но это были не французские деньги, двадцать тысяч которых, хотя и крупная сумма, но не невесть какая, а английские фунты, составлявшие около двухсот тысяч рублей, то

есть почти все состояние, которое имел Саша Николаич. Выходило, что для того чтобы заплатить по этой расписке, нужно было разориться, отдав все, что он имел. А не заплатить нельзя было, потому что слово было дано не кому-нибудь, а княгине Сан-Мартино, и не сдержать перед нею своего слова было хуже, чем умереть для него.

Будь Саша Николаич один, он, наверное, не раздумывая, отдал бы все свое состояние, чтобы показать княгине, каким он был. Но дело осложнялось тем, что он теперь должен был заботиться о матери и, лишась состояния, он лишал и ее тех удобств, которыми теперь окружал ее.

Впрочем, Николаев не сомневался, что в деле чести (а это было для него делом чести), мать не будет перечить ему и согласится на все, тем более, что они не оставались окончательно нищими: у них еще оставалась мыза в Голландии и небольшой капитал, процентами которого можно было существовать, живя на этой мызе.

Но говорят, что влюбленные похожи на сумасшедших, а по тому, что проделывал Саша

Николаич, это оказалось более чем верно. Он хотел, ничего не обсудив и не рассмотрев, бросить двести тысяч рублей, пренебрегая даже тем, чтобы поискать обратную расписку. Ему казалось, что если такая обратная расписка найдется у него, то дук сейчас же вернет ему эти деньги и что если для него, Саши Николаича, эти деньги составляют все состояние, то для дука эта сумма совсем незначительна.

Орест был прав, сравнивая чувства Саши Николаича с опьянением. Саша Николаич был опьянен праздником у графа Прозоровского, роскошью, красотой княгини; ему казалось, что, полюбив ее еще в доме титулярного советника Беспалова, он до сих пор не изменил этому чувству, что оно только было оглушено в нем обстоятельствами и что эта прежняя Маня, ставшая княгиней, — родственная ему душа и что они предназначены друг для друга; так что же, в сравнении с этим, земные блага, деньги, все прочее?

Николаев решил немедленно пойти и переговорить с матерью, а затем отправиться к князю Сан-Мартино, чтобы условиться с ним

о том, к какому сроку приготовить платеж денег.

Словом, расчет на психологию, который сделал Белый в отношении Саши Николаича, оправдался вполне...

Глава XXXI

Семейный совет

Анна Петровна, бывшая графиня Савищева, выслушала сына с широко раскрытыми испуганно-удивленными глазами, решительно ничего не поняв из того, что он сообщил ей.

Какая там расписка?.. Какой дук дель Асидо?.. Этого она не знала и не могла взять в толк, но она почувствовала большую беду над собой, и все осторожные и высокопарные слова, которые ей говорил Саша Николаич, она перевела на свой язык так, что это значило, что у нее и Саши возьмут все, и она снова останется без средств, а так как она уже узнала, что это значит, то и была испугана до ужаса.

— Что ж, миленький, делай, как знаешь!.. То есть как это грустно! — сказала она сыну.

Но когда он, расцеловав ее, ушел, она почувствовала непреодолимое желание поговорить с кем-нибудь, посоветоваться, чтобы кто-нибудь толковый из мужчин объяснил

ей, насколько опасно все то, что случилось, и посоветовал, как поддержать Сашу так, чтобы он, увлекшись, не сделал какого-нибудь промаха.

Но возле нее не было никого, кроме француза Тиссонье да еще Ореста.

Француза не было дома, и у Анны Петровны не было выбора. Если она хотела с кем-нибудь поговорить, то к ее услугам был только Орест, который лежал в своей комнате на постели, вычерчивая пальцем мысленные узоры на стене, обиженный на судьбу за то, что не на что даже сходить и выпить в трактир, чтобы там поиграть на бильярде. Он из деликатности не попросил у Саша Николаича, потому что видел, что тому было не до него, но теперь раскаивался, так как ему очень хотелось пойти в трактир.

Он уже обдумывал, нельзя ли пустить в оборот что-нибудь, вроде молитвенника, как вдруг ему пришли сказать, что его к себе просит Анна Петровна.

— Она меня просит?! — спросил удивившийся Орест и вскочил с кровати.

Анна Петровна до сих пор еще ни разу не

входила в непосредственные сношения с «месье Орестом», как она называла его.

Однако посланный лакей положительно удостоверил, что Анна Петровна изволила просить к себе Ореста Власьевича.

Вывод, который из этого сейчас же сделал Орест, был тот, что судьба благоприятствует ему, как всегда. Он в последнее время уверил себя, что он — баловень судьбы.

Если Анна Петровна звала его к себе для разговора сегодня в первый раз, то у нее, несмотря на этот первый раз, можно попросить денег, а она даст, наверное. А если она даст, то трактир и бильярд ему обеспечены, что и требовалось доказать.

Орест мимоходом глянул на себя в зеркало, хотел было, ввиду исключительности случая, пригладить волосы и взял было для этого щетку, но сейчас же положил ее, махнул рукой и пошел так, как был. Он знал из опыта безнадежность приглаживания торчавшего на верхушке хохла, за который еще в детстве обыкновенно драли его.

Вошел он к Анне Петровне, наладившись по дороге всем своим существом на комиль-

фо. Он раскланялся, сел на низенький стул, одну ногу вытянул, другую поджал под стул и выпрямился так, как, по его предположениям, это делают дипломаты.

— Месье Орест! — начала Анна Петровна, — Я хочу поговорить с вами!.. Меня беспокоит Саша!

Орест, конечно, рассудил, что денег пока еще у нее просить рано (нельзя же так сразу!) и что надо сказать хоть что-нибудь про Сашу Николаича, раз Анна Петровна заговорила о нем. Он сделал серьезный вид, нахмурился, что выразилось у него главным образом тем, что его усы стали ежом, и сказал:

— Да, он влюблен!

Сказал он это с единственной целью, чтобы только сказать хоть что-нибудь.

— В кого? — вздрогнула Анна Петровна.

Она обожала и чужие любовные истории, а уж когда речь зашла о сыне, то ей и подавно это было интересно. Сама она думала, что Саша Николаич чувствует склонность к Наденьке Заозерской. Она думала это потому, что ей самой хотелось этого, так как скромная Наденька Заозерская была ее любимицей.

Орест сейчас же обозлился на себя. Он вообще терпеть не мог разговаривать с дамами да еще о любви, а тут вдруг сам бухнул такое слово, из которого потом и не вылезешь...

«А почему я знаю в кого?» — подумал он и ответил:

— Это тайна!..

— Он разве признался в чем-нибудь вам?

— Любовные дела — это тайна!.. Все равно что дело чести!.. — произнес Орест, чувствуя себя необыкновенно неловко. — Не требуйте от меня, мадам, — он запнулся, не зная, что поставить после этого, и, вдруг почувствовав на лбу испарину, торопливо договорил: — Анна Петровна!

Вышло не совсем неловко, и Орест даже был рад этому.

— Месье Орест, миленький! — заговорила Анна Петровна. — Расскажите, что вы знаете!.. Мне как матери можно знать все!

«Вот пристаёт! — мысленно сказал Орест. — Нет, положительно, я уже много разговаривал с ней, пора просить денег!»

— Видите ли, глубокоуважаемая!.. — начал он, но Анна Петровна не дала ему договорить.

— Впрочем, вы, мужчины, удивительно скрытны и всегда стоите друг за друга. К тому же, меня вовсе не это беспокоит в Саше. Вы ничего не слышали? Он же должен лишиться всего состояния!

— Как лишиться всего своего состояния? — воскликнул Орест. — Я-то как же?.. Я уж слишком привык к комфорту!.. Я не допущу этого, на каком это основании?

— Я не знаю, на каком основании! — замолчала головой Анна Петровна. — У него какие-то расписки...

— Ах, вероятно, расписка, данная кардиналом дуку дель Асидо?

Анна Петровна потупилась, как всегда это делала при упоминании кардинала Аджиери.

— Я не знаю! — сказала она.

— Виноват! — буркнул Орест, поздно соображая, что делает еще хуже тем, что извиняется. Не будь ему так нужны деньги, он давно бы уже удрал, — Видите ли, глубокоуважаемая... — решил он приступить к Анне Петровне, — собственно, мне нужен рубль.

— Вам нужен рубль? — протянула Анна Петровна, — Пожалуйста, месье Орест, — и

поспешно добавила: — Если я могу вам служить...

— Тогда уж позвольте два! — осмелев, произнес Орест, и поспешил добавить: — С полтиной!..

— Пожалуйста, миленький! — заторопилась Анна Петровна и стала звонить в стоявший у нее под рукой маленький серебряный колокольчик.

Прибежавшие две горничные должны были отыскать именно тот мешочек или ридикюль, где у нее был положен кошелек. Но ни в одном из них кошелек не нашелся, а нашли его в спальне Анны Петровны, на туалете за зеркалом.

«Вот они женщины! — внутренне вознегодовал Орест. — Они толком не знают, где у них лежит такая нужная вещь, как деньги!»

Он главным образом всегда презирал женщин за то, что они не пьют водку, а те, что пили, делали это так противно, что уж лучше бы и не пили!

Анна Петровна вручила Оресту два полтинника, он поблагодарил ее и так ловко спрятал деньги, точно показал искусный фо-

кус.

— А насчет Саши я подумаю, — сказал он, — и будьте совершенно спокойны, я не допущу, чтобы он разорился... Поверьте мне, что пока я при нем, с ним ничего не случится!

— Я знаю, месье Орест, что вы любите Сашу!.. Но вот только что я хотела сказать вам... простите, что я буду с вами полностью откровенна! Я слыхала, что вы часто бываете нездоровы, а это очень вредно, миленький, для здоровья!

Орест встал, поклонился, щелкнув каблучками, как будто у него на них были шпоры.

— Это я для вашего сына жертвую собой! — сказал он.

— Как же так, миленький? — спросила изумленная Анна Петровна.

— А чтобы он увидел, как это дурно и никогда не делал того же самого! Простите, что побеспокоил!

Орест шаркнул еще раз и исчез, а Анна Петровна, не задумываясь, решила, что, право, месье Орест вовсе не такой уж дурной человек.

Глава XXXII

Все, что нужно было Жанне

Жанна шла по саду, опустив голову и глубоко задумавшись. Ее не оставляла навязчивая мысль, не давала ей ни днем ни ночью покоя.

Этот человек, который являлся то Белым, то дуком дель Асидо, то, наконец, как он сам признался в этом на заседании, аббатом, на самом деле, очевидно, был ни тот, ни другой, ни третий. Это была такая таинственная, притягивающая к себе личность, которая была способна властвовать над другими и управлять ими.

Жанна на своем веку повидала многих людей и знала их, но никто из них не мог сравниться с этим человеком, кроме разве одного, которого Жанна видела часто и который был впутан даже в ее дело с ожерельем, а именно — графа Калиостро. (Граф Калиостро, истинное имя которого было Иосиф Бальзамо, родился в 1743 году, был величайшим мошенником своего века. Своими мистическими фо-

кусами и чародейством он стяжал себе огромную известность, и многие его современники были склонны верить, что Калиостро обладает философским камнем и бальзамом вечной жизни. Обладая большим умом, он умело поддерживал легкое верие окружающих его и, благодаря своим связям с масонами, пользовался большим авторитетом. Он был замешан и в историю с ожерельем королевы и, вынужденный бежать из Франции, скитался по всей Европе, побывав, между прочим, и в России)... Только последний мог бы сравниться с дуком в знании людей и в той силе воли, которая умеет подчинить их себе. Единственный человек, который всегда и во всем брал верх над Жанной, был граф Калиостро; со всеми другими она справлялась до сих пор сама, как справилась с Белым, распознав, что он был дуком дель Асидо. Но она еще не справилась с самим дуком.

Жанна знала, что ей надо было делать. Теперь она была настолько стара годами и опытом жизни, что могла бы, кажется, потягаться с самим графом Калиостро!

Она знала, что нужно только найти, в чем

состоит слабость человека, чтобы управлять им. А у каждого человека есть какая-нибудь слабость, нужно только суметь открыть ее.

Несомненно, что и дук дель Асидо уязвим в чем-нибудь, и чтобы подчинить его себе, надо только выждать, приглядеться и действовать с осторожностью. А для того, чтобы подчинить себе такого человека, стоит поработать!

Жанна, давно уже привыкшая ступать так, что ее не было слышно, поднялась из сада на балкон и вдруг остановилась здесь, прислушиваясь.

Из растворенных окон гостиной, выходящих на балкон, доносились голоса, которые Жанна сразу же узнала.

Разговаривала княгиня Мария с Сашей Николаичем. Говорили они по-русски.

Жанна настолько знала этот язык, чтобы понять их разговор, довольно, впрочем, односложный и краткий, но выразительный. Да и не столько слова надо было понять Жанне в этом разговоре, сколько то выражение, с каким их произносили.

— Итак, вы решили? — спросила княгиня.

— Да! — ответил тот.

— Решили отдать двести тысяч?

— Да!

— Но разве вы так богаты, что можете располагать такими суммами?

— Это все, что я имею...

— Так вы отдаете все, что у вас есть?

— Нет, не все.

— Что же остается?

— Моя честь...

— Но деньги, состояние?

— Ради того, что я считаю своим долгом, я рад отдать не только все свое состояние, но и самое жизнь... Я готов умереть...

— Знаете, мне кажется, умереть легче, чем, раз испытав, что значит после нищеты получить богатство, снова расстаться с этим богатством. Я бы ни за что не решилась на это и, простите меня, мне трудно поверить...

— Вы не верите мне?

— Нет, я не это хочу сказать...

— Нет, скажите прямо, вы не верите мне?

— Вот видите, из всех людей, которых я встречала до сих пор, или, вернее, которых я знала, — и при этом я не исключаю и себя са-

мой, — ни один из них не сделал бы этого...

— Но, как видите, я делаю! — заметил он.

— И я, признаюсь вам откровенно, удивляюсь вам и не могу назвать вас...

— Может быть, умным?

— Нет, я могу назвать вас рыцарем!.. В вашем поступке, если вы решитесь на него, есть что-то возвышенное, отделяющее вас от других людей, и я рада, что могу засвидетельствовать это!..

— А я рад, нет, самым настоящим образом счастлив тем, что могу видеть вас и говорить с вами!..

— Уж будто это так?!..

— О да!.. Клянусь вам!..

«Ну, тут, — подумала Жанна, — пойдет весь тот вздор, который повторяют все люди, когда бывают влюблены, воображая, что они выдумывают что-то новое и говорят вещи, которые никто до них не говорил, хотя они в любой комедии могут услышать все это, когда им угодно!»

И она была права.

Действительно, она услышала весь этот вздор и весь он был произнесен Сашей Нико-

лаичем восторженно и страстно.

Положим, он имел право до некоторой степени быть восторженным и страстным, потому что готов был заплатить двести тысяч за что — неизвестно, но княгиня Мария его не останавливала и не умеряла его пыла, а терпеливо слушала его и подавала такие реплики, которые могли только разжечь его.

Многое пережила Жанна на своем веку; случалось и ей говорили такие вещи, и ей самой в прежние годы приходилось подавать реплики, и она отлично знала, как они подаются, и что значит тот или другой оттенок их. Как ухо опытного, старого музыканта улавливает малейшую фальшь в разыгрываемой симфонии, так и ее ухо могло бы различить даже мастерски замаскированную фальшь в ответах женщины на страстные речи мужчины. И она так же, как могла распознать фальшь в этих ответах, могла тотчас же уловить и оттенок искренности. И вот в том, что она теперь слышала в голосе княгини Марии, распознала несомненную искренность.

Да это и немудрено.

Жанна сейчас же взвесила, обсудила и

приняла во внимание... Мысль у нее в таких случаях прояснялась, как вспышка молнии.

Жанна, преклоняясь перед дуком дель Асидо, как перед гением, способным на дело великой интриги, знала все-таки, какой он был человек, и знала также, какие люди окружали его, а, следовательно, княгиня Мария могла привыкнуть к ним только, а о таких, каким на деле был Саша Николаич, она читала только в романах, где они были окружены ореолом героев. Поэтому было ясно, что Саша Николаич должен был произвести на нее впечатление.

Жанна жадно вслушивалась в доносившийся до нее из гостиной звук. Она замерла, затаила дыхание, а затем, наконец, как бы с удовлетворением кивнула головой и сама себе улыбнулась, как это делают люди, которым случится не обмануться в своих ожиданиях.

— Будьте же всегда таким, — проговорила княгиня Мария, — будьте счастливы, и вот вам на счастье моя рука!..

Жанна слышала, как Николаев, должно быть, взяв эту руку, поцеловал ее.

«Вот оно!» — сказала себе Жанна.

— Я буду счастлив только возле вас! — донесся из гостиной голос Николаева.

Жанна почти с торжеством подняла голову и гордо посмотрела вперед. Ей показалось, что она была близка к тому, чтобы иметь возможность найти слабую, уязвимую струну в дуге дель Асидо. У него была молодая жена-красавица. У этой красавицы был страстно влюбленный в нее молодой человек. Она была не совсем равнодушна к нему, а годы дука были такими, что он должен был ревновать свою красавицу-жену. В этом должна была находиться его слабость и на этом могла сыграть Жанна. Это было все, что ей нужно...

Глава XXXIII

Забывтый платок

Жанна простояла на балконе до тех пор, пока не закончился разговор княгини Марии с Сашей Николаичем. Он простился и уехал, а княгиня Мария, оставшись одна, подошла к окну и остановилась, не подозревая даже, что за нею может следить кто-нибудь. Глаза ее горели, щеки пылали румянцем, губы были полуоткрыты, она порывисто дышала.

Все это видела Жанна, скрытая стоявшими на балконе растениями. Она отлично знала и понимала то состояние, в котором сейчас находилась молодая женщина.

Она кашлянула и резким движением появилась на балконе.

Княгиня Мария вздрогнула и сделала инстинктивное движение, чтобы затворить окно. Ей было явно неприятно, что Жанна застала ее врасплох.

— Что с вами? — спросила та.

— Ничего! — ответила княгиня и, не совла-

дав с собою, захлопнула створки.

«Ты сердишься? Тем лучше!» — подумала Жанна и, повернув с балкона, снова отправилась в сад. Теперь она, казалось, была очень довольна собою и медленно шла, заложив руки за спину и глядя себе под ноги.

Жанна направилась в ту сторону сада, где был расположен так называемый «Уголок Италии», где стояла мраморная скамейка, кресла и стол с мозаичным кругом знаков зодиака.

Когда она подходила к скамейке, на встречу ей поднялся сам дук Иосиф, пришедший с другой стороны сада и теперь присевший было на скамью.

— А я как раз искал вас! — сказал он Жанне. — Мне надо передать известные мне подробности относительно драгоценностей Кончини... Раз это дело поручено вам обществом, вы должны его довести до конца.

— Будьте покойны! — не без самоуверенной гордости произнесла Жанна. — Я сделаю это, пожалуй, лучше вашего любого агента.

— О, я не сомневаюсь в этом! — подхватил дук и особенно деловито зашагал возле Жан-

ны. — Пройдемся немного по саду! — предложил он.

Жанна в знак согласия кивнула головой и пошла вперед, проговорив:

— Я жду только ваших объяснений, чтобы начать действовать!

— Видите ли! — начал он. — Я могу вам сообщить только некоторые обстоятельства, которые дадут вам канву, а составить узор, чтобы вышить его по этой канве, должны вы сами.

— Говорите!.. Говорите! — повторила Жанна, принимая то особенно внимательное выражение лица, которое чрезвычайно нравится мужчинам, когда они о чем-нибудь рассказывают.

— О драгоценностях Кончини, — с таинственным видом начал дук Иосиф, — вернее, об их существовании, известно не только обществу «Восстановления прав обездоленных», но и другим ассоциациям, и, между прочим, Ордену иезуитов. Он давно уже выслеживает драгоценности, как и мы, и, вероятно, не напал еще на их след; хотя, надо сознаться, у господ иезуитов гораздо больше средств, чем

у нас, и нам с ними конкурировать трудно; однако в этом отношении у нас есть перед ними некоторое преимущество в том, что нам известен их агент, они же ничего не знают о вас как об агенте нашего общества, и надо употребить все силы к тому, чтобы они и дальше оставались в неведении.

— Я сумею сделать и это! — сказала Жанна. — А их агент здесь, в Петербурге?

— Да.

— И он действует?

— Об этом трудно сказать что-нибудь положительное; он, по-видимому, очень хитрый человек.

— Кто же это?

— Это один из тайных иезуитов и тайный католик; его отец — русский, мать — французка, католичка, зовут его Орест Беспалов; он, по обыкновению, якобы пьян, но на самом деле это его пьянство такое же, каким оно было у одного из величайших умов человечества, Парацельса, который часто показывался профаном и непосвященным пьяненьким. Этот Орест Беспалов кажется незначительным, иногда даже глупым человеком, но на

самом деле он великолепно играет свою роль и под распущенной внешностью в нем скрыта дисциплинированная воля и хитрый расчет. Но он представляется слишком искусно, чтобы это можно было заметить. Я почти не сомневаюсь, что как бы вы ни старались, вы не отличите этого Ореста от обыкновенного пьянчуги.

Жанна задумалась, потом сказала:

— Моя задача действительно усложняется! Чтобы иметь дело с пьянчугой, хотя бы даже по внешности, мне нужно идти отыскивать его по кабакам, а это трудно уже потому, что я плохо владею русским...

— Орест Беспалов говорит по-французски... По кабакам вам его искать не придется, потому что несмотря на свое поведение он умеет дружить с людьми из так называемого порядочного общества. Между прочим, он в больших приятельских отношениях с Александром Николаевым и даже живет у него. Это тот самый человек, который помешал было нашему посланному достать у Николаева обратную расписку.

— Кстати, об этом Николаеве! — прогово-

рила Жанна. — Если не ошибаюсь, он знал вашу жену раньше, чем она стала ею?.. Он занимал комнату у чиновника, который воспитывал ее.

— Да, этот Николаев вечно и повсюду появляется у меня на дороге! — не без некоторого раздражения произнес дук Иосиф.

— Он имеет успех у женщин и умеет им нравиться! — как бы вскользь заметила Жанна.

— Ну что ж! У него есть все данные для этого! — рассудительно сказал дук. — Он молод, недурен собой, ловок и богат...

— Ну, конечно! — подхватила Жанна, — На балу у графа Прозоровского я видела, как много хорошеньких глазок искало его, а одни так чуть было не плакали из-за него!.. Это была маленькая племянница фрейлины Пильц фон Пфиль, приятельницы княгини Гуджавели, которая взялась вывозить эту племянницу... Бедная молодая девушка влюблена в господина Николаева, и вообразила, кажется, что он платит ей взаимностью, и была уверена, что он будет танцевать с нею мазурку, а он ее танцевал с вашей женой... И вот тут На-

денька Заозерская...

— Кто это — Наденька Заозерская? — прервал ее дук Иосиф.

— Да это же племянница фрейлины Пильц фон Пфиль.

— Да, так что же она?..

— Я вам говорю, что она влюблена в Николаева и под влиянием своего чувства сейчас же приревновала его к вашей жене, княгине, хотя, конечно, княгиня и не подала к этому ни малейшего повода. Но Наденька Заозерская — вы же знаете влюбленных — в волнении говорила мне, что Николаев был влюблен в княгиню раньше, еще тогда, когда они жили под одной крышей, и княгиня-де чувствовала к нему склонность и не вышла за него замуж только потому, что у него не было средств, которых она искала в замужестве, что теперь их любовь проснулась снова, что Николаев — такой благородный человек, такой рыцарь, что не может не нравиться женщине, если захочет... Так говорила Наденька Заозерская и, признаюсь, я должна была в душе согласиться с нею во многом! В самом деле, будь я на месте княгини, то не смогла бы

остаться равнодушной к такому поступку Николаева, как возврат двухсот тысяч без малейших колебаний. Один только этот факт мог бы увлечь ее, не будь у нее такого мужа, как вы...

Жанна, прекрасно знавшая человеческую природу, рассчитывала почти наверняка, что каждое ее слово попадет в цель и если не произведет на дука немедленного действия, то, как разъедающий яд, отравит его спокойствие. Она старалась сделать вид, будто не смотрит на дука, хотя и следила за ним уголком глаза...

Но лицо дука было слишком спокойным, чтобы по нему распознать, о чем он думает в настоящую минуту.

Сделав круг по саду, они как раз в это время подошли к дому, и дук дель Асидо круто повернул на балкон.

Жанна последовала за ним.

В гостиной лакей подбирал осыпавшиеся лепестки роз из букета, стоявшего на маленьком круглом столике у кушетки, на которой лежал забытый батистовый платок княгини, а рядом стояло кресло, повернутое так, слов-

но с него только что поднялся кто-то.

— Где княгиня? — спросил дук Иосиф по-итальянски у лакея-итальянца.

— Княгиня пошла к себе наверх.

— У них был кто-нибудь?

— Да, только что.

— Кто именно?

— Синьор Николаев.

Дук Иосиф задумался, прищурил глаза, потом повернулся к Жанне и сказал ей по-французски:

— Я забыл вам сказать, что Орест Беспалов — сын того самого чиновника, у которого воспитывалась моя жена.

И, покончив на этом разговор с Жанной, он прошел наверх, к себе в кабинет.

Глава XXXIV

Медальон

Лидочка-графиня, как звали молодую графиню Косунскую, была в дурном расположении духа с самого праздника у графа Прозоровского, и ничто не могло ей вернуть обычной ее веселости. Она была капризна, рассержена, всем недовольна и несколько раз принималась плакать без всякого видимого повода. Однако повод у нее был и достаточно серьезный.

Не то, чтобы она так уж была влюблена в Сашу Николаича, напротив, при иных обстоятельствах, займись он исключительно ею, она перестала бы и внимание обращать на него; но дело было в том, что он первый из молодых людей, встречавшихся ей до сих пор, как бы пренебрег ею.

Своенравная, самолюбивая и своевольная Лидочка-графиня возненавидела за это его и знала, что никогда ему не простит этого.

Но именно поэтому-то ей и хотелось, чтобы Саша Николаич увлекся ею особенно силь-

но, чтобы отомстить ему, оплатив той же монетой, только сторицей, и посмеяться над ним, и прогнать его вон тогда, когда это для него будет вопросом жизни и смерти. Она решила, что сделает для этого все, и добьется своего.

Лидочка кипела внутри и не могла никак успокоиться.

В самом деле, она, графиня Косунская, из-за которой два ее соотечественника-поляка чуть не подрались на дуэли, она, танцевавшая мазурку, по ее мнению, лучше всех в Петербурге, должна была по милости этого Николаева (впрочем, тоже хорошо танцевавшего мазурку) пойти на этот танец с первым попавшимся ей кавалером, поскакавшим рядом с нею, как воробей по дороге.

Лидочка-графиня утешалась только тем, что пыталась приподнять завесу будущего. Она заставила старую кормилицу Юзефу, пользовавшуюся, впрочем, таким положением в доме, что ее звали не иначе, как панна Юзефа, гадать себе на картах.

Панна Юзефа славилась умением складывать карты и читать в них о том, что случит-

ся. Самой Лидочке-графине уже случилось испытывать справедливость ее предсказаний; поэтому она на этот раз особенно горячо потребовала, чтобы Юзефа сказала ей всю правду.

— Да нет, ты скажи, Юзефа! — повторяла она, положив оба локтя на стол и подперев кулаками щеки. — Ты мне скажи прямо, отомщу я ему или нет?

— Это так сразу увидеть невозможно! — рассудительно произнесла Юзефа и покачала головой. — Я вижу по твоим картам, что тебе предстоит всякое благополучие: богатство и жених будто бы даже королевской крови...

Юзефа не скупилась на посулы в будущем, потому что, во-первых, они ей ничего не стоили, а во-вторых, она рассчитывала этим доставить удовольствие Лидочке.

— Да не надо мне твоего жениха королевской крови! — возразила Лидочка, улыбаясь. — Желая знать, отомщу я тому, кто посмел обидеть меня?

— Да кто же это посмел, моя паненка? — удивилась Юзефа.

— Смел, Юзефа, смел!.. Тот самый Никола-

ев, который, казалось, только и мечтал о том, чтобы я обратила на него свое благосклонное внимание...

— Ну да?! Конечно, он должен был бы быть счастлив этим, а вдруг решился на такое дело, чтобы обидеть тебя?!. Да, может быть, это тебе только показалось?

— Все равно: хоть бы и показалось даже, он уже и виноват!

— Тогда на него должны пасть все кары небесные... Постой-ка, я разложу на него карты и посмотрим, что ему предстоит... Вот сейчас я погадаю на бубнового короля!

Юзефа стала гадать и, разложив карты, стала предрекать ему всякие несчастья и неблагополучия, если только одна черноглазая паненка не простит его.

— Эта черноглазая паненка, разумеется, я? — загорячилась Лидочка-графиня. — Ну, а эти несчастья я причиню ему?

— Это видеть невозможно! — опять повторила Юзефа. — Как же ты хочешь, чтобы карты уж так все говорили?!

— Ну, так твои карты, значит, ничего и не стоят! — рассердилась Лидочка, которой про-

сто надоело это гадание. Оно было способно развлечь ее, но никак не успокоить. — Ну и уходи со своими картами! — капризно продолжала она. — Что ж это за гадание, если по этим картам и узнать-то ничего нельзя!

Юзефа обиделась и ушла к себе в комнату. Она очень любила вскормленную ею Лидочку-графиню, но она была полькой, как и ее питомица, а потому была тоже вспыльчива и до некоторой степени злобна.

Гаданье на картах составляло не только неотъемлемую, признанную за Юзефой привилегию, но и источник ее авторитета в доме, а потому она особенно ревниво относилась к этому своему искусству.

«Ну, конечно, — рассуждала она, — Лидочка еще молода, но все-таки она не должна так обходиться со мною, своею кормилицей...»

И чем больше она думала об этом, тем досаднее становилось у нее на душе. Ей уже казалось, что паненка чуть ли не выгнала ее из дома; ведь она сказала: «Уходи со своими картами!» Каково же было слышать это старой кормилице?!

Юзефе казалось, что никогда в жизни она

не терпела такой обиды, что свалившаяся на нее неприятность из ряда вон выходящая. И, как женщина суеверная, она сейчас же стала искать, в чем она так могла провиниться перед судьбою, что та послала ей в наказание эту неприятность?

Напав на эту мысль, она остановилась на ней и стала думать. Но и думать ей не пришлось долго, решение явилось само собою.

На следующий день по католическому календарю был день памяти вериг апостола Петра, а она накануне такого дня вздумала гадать на картах!.. Ну, конечно, это был грех, и надо искупить его, а потому Юзефа решила, что завтра пойдет в церковь.

Доискавшись таким образом до причины, от которой произошла неприятность, и найдя средство искупить свой грех тем, что она отправится завтра к обедне, Юзефа успокоилась.

Католическая церковь Святой Екатерины в Санкт-Петербурге была тогда в руках иезуитов и представляла собой одно из лучших зданий на тогдашнем Невском проспекте, где на месте нынешнего Казанского собора стояла

деревянная церковь, по типу строившихся тогда в России провинциальных церквей, то есть в виде слабого и миниатюрного подражания собору Петропавловской крепости.

Панна Юзефа пришла к обеду спозаранку, уселась на одной из передних скамеек и предалась молитвенному настроению, хотя служба еще не начиналась, и только прелат произносил проповедь. Говорил он на французском языке, с которым панна Юзефа совсем не была знакома. Она не понимала ни одного слова в проповеди, но умильно кивала головой и при повышении и при понижении голоса прелата.

Благодаря тому, что было лето, народу в церковь пришло немного, и свободных мест было достаточно.

К началу обедни рядом с панной Юзефой сел очень прилично одетый господин с несомненно аристократическими манерами. Панна Юзефа была очень довольна таким соседством (к тому же от него пахло тонкими духами) и старалась не уронить своего достоинства, делая вид, что если она и не большая барыня, то во всяком случае понимает кое-что

насчет деликатного обращения. Она внутренне была в восторге, когда после обедни ее элегантный сосед вдруг заговорил с нею, обратившись к ней не просто, а «проше пани»...

Оказалось, что он бывал у Косунских, увидел там, заметил и запомнил Юзефу, а звали его Аркадий Ипполитович Соломбин.

Они разговорились, вместе вышли из церкви, и тут Соломбин стал спрашивать Юзефу, слышала ли она что-нибудь о недавно приехавшем из Рима, прямо от папы, старике-католике, человеке весьма строгой жизни, имеющем дар прорицания?

Хотя панна Юзефа и не слышала ничего об этом старце, но поспешила заявить, что слышала; ей не хотелось показаться отсталой такому важному барину, каким был ее собеседник.

— А если вы слышали, то тем лучше! — сказал Соломбин. — Я как раз хочу отправиться к нему, и, если вам угодно, вы можете пойти со мною!

Панна Юзефа так и растаяла от удовольствия. Она сейчас же решила, что это, несомненно, перст судьбы, вознаградивший ее за

исполненный ею обет и посещение обедни. Разумеется, она тут же согласилась последовать за Соломбиным.

Они взяли извозчика и поехали.

Соломбин привез панну Юзефу на Пески, на Слоновую улицу, в маленький домик, стукнул молотком в медный круг, прибитый у двери, и, когда в отворившемся окошечке двери появился глаз слуги, прочел краткую молитву и спросил, сможет ли принять их старец Албуин?

Дверь отворилась, их впустили.

— Он принимает, — шепотом сказал Соломбин Юзефе, — по одиночке... идите вы первая...

— Ах, нет, — застыдилась та, — пойдите вы прежде, пан...

— Да нет же, даме должно быть первое место...

Так, после некоторого спора, панна Юзефа пошла первая.

Она вошла в комнату, сразу же внушавшую уважение своей обстановкой, состоявшей главным образом из полок, на которых были расположены книги, пузырьки и склян-

ки. Комната была очень похожа на кабинет средневекового алхимика.

У стола в кресле панна Юзефа увидела почтенного старика с длинной седой бородой и седыми волосами, в черной шапочке, какие носили средневековые ученые. Должно быть, он действительно имел дар провидения, потому что прямо заговорил с Юзефой про гадание на картах и про то, что это — великий грех. Затем он стал спрашивать ее.

Юзефа, сильно робея, отвечала ему, и их разговор затянулся на довольно долгое время.

Когда панна Юзефа вышла от старика, Соломбин, ожидавший ее в приемной комнате, спросил:

— Ну что?.. Каков?

— Да! Великий человек! — восторженно произнесла панна Юзефа.

Соломбин проводил ее до двери и затем вошел к старику, которым был не кто иной, как Белый, или все тот же дук дель Асидо, переодетый в Белого.

— Ну что? — спросил Соломбин. — Узнали что-нибудь интересное?

— У молодой графини Косунской есть ме-

дальон, завещанный ей отцом; вероятно, это тот самый, который мы ищем, — ответил Белый, а потом задумался, погрузившись в свои мысли, соображения.

Глава XXXV

Общественный маскарад

Орест Беспалов лежал трезвым на диване в своей комнате, высоко задрав ноги, что означало у него выражение чрезвычайной гордости. Он был трезв потому, что к Саше Николаичу нельзя было подступиться с просьбой о деньгах, так как в своем теперешнем состоянии тот мог сделать «историю» из-за какого-нибудь «гнусного» полтинника.

Саша Николаич был точно зачарованный, не от мира сего. Он ликвидировал свой дом для того, чтобы заплатить двести тысяч дуку дель Асидо, несомненно, тяготился этим, но, чем тяжелее ему было это, тем восторженнее настроенным он чувствовал себя, потому что тем возвышеннее казался ему его поступок, в силу которого он должен был приобрести в глазах княгини Сан-Мартино особенное уважение. Вот потому-то ему сейчас было совсем не до Ореста. И последний чувствовал это и не лез к нему.

Идти за деньгами к Анне Петровне он то-

же опасался, потому что только что у нее взял, да и разговор с нею был так труден для Ореста, что он махнул рукой на Анну Петровну.

Он мог бы пойти, конечно, к Борянскому, но у того была картежная игра и главным образом коньяк, или, вернее, коньяк и главным образом картежная игра, а нужно сказать, что и то и другое надоело Оресту. Ему хотелось водки и бильярда, да и путешествие на Гороховую казалось слишком утомительным. Вот почему он и лежал на диване трезвый.

Гордился же он, задрав ноги кверху, тем, что в первый раз получил записку, в которой ему назначили свидание.

Как это случилось и почему, Орест решительно не мог понять и не знал, какая дура (а иначе он и не мог назвать ее) написала ему. А между тем записка была, без всякого сомнения, адресована ему, на его имя, и Орест лежал, задирая все выше и выше ноги, и крутил эту записку в руках.

Свидание было назначено в общественном маскараде, и записка, не обинуясь, обещала ему блаженство, если он придет туда. Подпи-

сано же было: «Прекрасная маска».

«Положим, я в последнее время, — рассуждал Орест, — приобрел светские знакомства и увлекаюсь светскими удовольствиями, но общественный маскарад!»

Под светскими знакомствами он разумел Люсли и Борянского, а под светскими развлечениями — то, что находился с ними.

«И, наконец, — продолжал раздумывать Орест, — ведь для того, чтобы попасть на общественный маскарад, надо заплатить известную сумму, которой у меня нет. А если даже таковая найдется, то она наверняка будет пропита», — заключил Орест, и вдруг быстрым движением описал в воздухе полукруг ногами и опустил их на пол.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что если не для чего ему ехать на общественный маскарад, куда звала его записка, то, во всяком случае, по этой записке можно взять денег на выпивку взаймы. Он вспомнил про француза Тиссонье. Правда, он много раз просил раньше денег, но тот упорно не давал; на этот раз он должен был дать, потому что дело стояло на романтической основе, а Орест счи-

тал, что все французы непременно должны быть романтиками.

Он отправился к Тиссонье и застал того за чтением молитвенника.

— Господин Тиссонье! — начал Орест, довольно правильно выражаясь по-французски. — Господин Тиссонье, вы были молоды?

Тиссонье закрыл молитвенник, отложил его в сторону и, посмотрев поверх очков на Ореста, сказал:

— Всякий человек бывает молодым!

— О! Как это хорошо сказано! — воскликнул Орест. — Но ведь и всякий человек, будучи молодым, должен также и любить?.. А вы, господин Тиссонье, любили ли?

Тиссонье снял очки, положил их, закатил глаза кверху и сказал:

— Да, я любил.

— Конечно, вы любили не только свою мать; я говорю о той любви, которая может дать высшее блаженство и счастье!..

— Да, я любил! — подтвердил опять Тиссонье. — Но не испытал ни счастья, ни блаженства!

Орест в свою очередь закатил глаза и про-

изнес, помотав головой:

— Значит, вы знаете, как тяжело это, и тогда вы поймете меня!.. Вот записка, которая обещает мне блаженство, и я не могу достичь его, потому что не имею презренного металла для оплаты входного билета на общественный маскарад!..

У Тиссонье на лице появилось проникновенное выражение; он вдруг сообразил, куда клонил Орест, и обрадовался своим сообразительным способностям!

— Месье Орест, вы ведь хотите просить у меня в долг денег? — догадался он.

— Вот именно! — воскликнул Орест. — Теперь я не могу идти к Саше Николаичу, потому что он сам влюблен и расстроен, но, как только я сведу с ним свои счета, я вам верну взятые у вас деньги тотчас же... Ведь мне нужен только рубль!.. Вы видите, от рубля зависит мое счастье!..

— Хорошо! — согласился Тиссонье. — Я дам вам один рубль из своих сбережений, но только при одном условии; дайте мне честное слово, что вы не станете пить на этот рубль.

— Честное слово Ореста! — уверенно про-

изнес Орест.

Получив от француза рубль, Беспалов немедленно направился в трактир, но данное французу слово выполнил, хотя и несколько своеобразным способом.

По дороге в трактир он разменял полученный у француза рубль в суровской лавке и, таким образом, пошел пить не на него, а на те три четвертака, два гривенника и один пятак, которые ему вручили вместо рубля в суровской.

В своем трактире, где Орест имел обыкновение бывать, он на этот раз застал Люсли. Тот тоже очень любезно встретился с ним и сейчас же предложил Оресту угощение.

Но у Ореста было правило: он никогда не пил на чужой счет, когда у него были свои деньги. Напротив, тогда он угощал других.

Он потребовал водки и огурцов, но Люсли пить с ним отказался, сославшись на жару.

— Да ведь водка прохлаждает! — заметил Орест, но не стал настаивать, чтобы Люсли пил.

Опрокинув две — три рюмки, Орест почувствовал душевное размягчение и ему ужасно

захотелось похвастать перед Люсли полученной им запиской.

— Вот-с... сегодня на свидание зовут! — сказал он, небрежно кивнув на записку.

— Что ж, вы пойдете? — спросил Люсли.

— Ну, вот еще! Ходить по всякой записке! — лениво произнес Орест, точно так уж привык к подобным запискам, что они надоели ему.

— Отчего же вам не пойти? — спросил Люсли и добавил: — Пожалуй, и я бы пошел с вами!.. Я люблю общественные маскарады!

Такая комбинация представилась для Ореста новою: одно дело было отправляться Оресту одному, а другое дело — в компании. К тому же, если идти с Люсли, то, очевидно, тот за все и платить будет. И что ж, в самом деле, отчего в таком случае не пойти на общественный маскарад и не посмотреть, как это все там и что именно происходит?

Маскарады в течение всего восемнадцатого века составляли одно из самых любимых развлечений в Петербурге. Они устраивались при дворе, в барских домах.

А в конце царствования Екатерины впер-

вые начались так называемые общественные маскарады, куда допускался всякий, внесший определенную плату за вход. Устраивались они частными антрепренерами раз в неделю, а то и чаще, о чем сообщалось в «Петербургских Ведомостях».

К началу XIX столетия эти общественные маскарады стали местом развлечения среднего и даже мещанского класса, но это не мешало появляться там и барам, затевавшим какую-нибудь интрижку.

Маскарад, на который отправился Орест с Люсли, устраивался благодаря хорошей летней погоде в саду, освещенном фонарями из разноцветной бумаги. Первое впечатление у Ореста было благоприятно, но мелькание толпы сейчас же не понравилось ему, хотя он выпил один только графинчик и был, как он сам называл это, в самой пропорции, то есть в отличном расположении духа.

Он уже наклонился к Люсли и настойчиво стал спрашивать: «А где тут пьют водку?» — как в это время маска, сплошь закутанная в черное домино, подскочила к нему, схватила за руку и повлекла за собой...

Орест оглянулся на Люсли, но тот уже затерялся в толпе.

— Я тебя знаю, — сказала маска.

— А я вас вовсе не знаю, — признался откровенно Орест, слегка упираясь и не давая себя увлечь маске в самую середину толпы.

— Ты, наверное, впервые на маскараде?

Орест и в самом деле впервые был тут, но он счел нужным обидеться:

— Почему это я в первый раз? Важная штука — быть в маскараде! — сказал он.

— А потому, что ты обратился ко мне на «вы», значит, ты не знаешь правил маскарада.

— Правил?

— Ну да!

— Какие могут быть в маскараде правила? Вот в бильярдной игре, так там правила, это я понимаю, потому что игра в бильярд — это серьезная вещь, а не какой-нибудь там ваш маскарад...

— Ну да, ты все-таки впервые здесь и не знаешь, что должен говорить на «ты» с любой маской.

— Да для меня все равно...

- Ну вот. Так я сказала, что знаю тебя.
- Ты — Орест Беспалов!
- Совершенно верно. А я тебя не знаю, и даже не могу догадаться, кто ты...
- И не узнаешь, все равно никогда не узнаешь.
- Ну что ж. Мне и не нужно.
- А что же тебе нужно? Небось водку пить?
- Ну, разумеется.
- Вот видишь, как я тебя знаю. Но ты не подозреваешь одного...
- Чего?
- Что мне известно, что ты не всегда бываешь так пьян, как кажешься...
- Еще пьянее? Ну, это ты врешь, как говорила Мария Антуанетта...
- Нет, не пьянее, а, наоборот, трезвее... Ты не всегда играешь одинаково свою роль...
- Да я никакой роли не играю...
- Знаем мы!..
- С чем вас и поздравляю!
- Ты хоть и не в первый раз на маскараде, а отлично умеешь поддерживать маскарад-ный разговор.

— Да, видишь ли, если говорить откровенно, то, по моей гениальности, я все могу делать отлично... У тебя есть рубль?

— Что за вопрос?

— Это я к тому, что, ежели с водкой, так я еще лучше могу поддерживать разговор. Но, к сожалению, денежные запасы, какие я приобрел на сегодня, истощились у меня, и вот я спрашиваю: есть ли у тебя рубль — выпьем...

— Во-первых, я водки не пью, а, во-вторых, разве в маскараде дама платит когда-нибудь? Ее угощает и платит за нее всегда кавалер.

— Это я-то кавалер?

— Ну да!

— Очень приятно!

— Таково правило маскарада.

— Опять?! А я думал, наоборот, тут есть такое правило, что платит тот, кто имеет деньги, потому что, согласишься сама, кто же платит, не имея денег?

— Уж будто бы у тебя денег нет?..

— А ты откуда знаешь, что они у меня есть?

— Да уж знаю...

Теперь Орест был искренне удивлен. У

него, действительно, были деньги, оставшиеся от рубля, взятого у Тиссонье, но он хотел было скрыть это.

— Ведь я знаю, и от кого у тебя деньги...

— От кого же?

— От француза Тиссонье!..

Удивление Ореста достигло последнего предела. Ничего подобного он не ожидал. Он взял рубль у француза с глаза на глаз, никто этого не видел, и вдруг маска в маскараде говорит ему об этом! В чудеса Орест не верил, то есть не верил в то, что они могут случиться с ним, а потому теперь сообразил:

«Да это Тиссонье рассказал, вот и все!.. Но, в таком случае, кто же эта маска?»

Орест задумался, но не мог найти ответа на этот вопрос.

А вокруг шумели, говорили и смеялись в пестрой толпе, освещенной разноцветными фонариками. Все спешили и торопились, точно поскорей хотели воспользоваться теми двумя часами петербургской ночи, когда темнеет быстро, но и боятся, что быстрый рассвет разгонит их, пока они еще не успели устать от своего веселья...

«А ну ее совсем! — решил Орест. — Чего она меня дурачит, в самом деле? Загну-ка я ей что-нибудь такое!..»

Он принял величественно-рассеянный вид и заговорил так, будто между прочим, закинув голову и просто выцеживая слова сквозь зубы; усы у него при этом стали ежом.

— Конечно, у меня с французом Тиссонье есть своего рода расчеты... С тех пор как я волей-неволей примкнул к аристократическому кругу, я не могу вести свои счета регулярно... Например, такое романическое происшествие, как сегодня... Хотя, слово Ореста Беспалова, мне довольно странно стать вдруг героем романа... Я бы скорее думал, что я — лицо историческое...

— Историческое? — переспросила маска.

— Да. К тому же у меня и наружность больше подходит... По-моему, у меня есть нечто робеспьеровское... и вообще судьба меня сталкивает с историческими личностями... Как, например, госпожа де Ламот — историческая личность?

— Что такое, госпожа де Ламот? Почему госпожа де Ламот?

— А так. Она у меня почему-то на языке в последнее время. Тут есть одно обстоятельство исторического значения, относительно госпожи де Ламот... Вспомнил же я это потому, что в маскарадах, говорят, надо историческую интригу проводить...

Маска вдруг оставила руку Ореста, и не успел он оглянуться, как она исчезла, а Орест остался, как потерянный. Вблизи себя в толпе он увидел несколько черных домино, но не мог распознать, которое он только что держал под руку. Он было сунулся к одному, но с этим домино шел какой-то плечистый, высокий господин, который так поглядел на Ореста, что тот нашел лучшим быстро пройти мимо.

Орест махнул рукой и, решив, что тут есть же, наверное, такое место, где пьют водку, пошел его отыскивать.

Издали в толпе он увидел Сашу Николаича, который шел об руку с какой-то маской в белом домино и о чем-то с ней оживленно разговаривал. Орест нарочно отвернул в сторону, чтобы не встретиться с ним, зная, что тот определенно станет удерживать его от

ВОДКИ.

Глава XXXVI

Белое и черное домино

Саша Николаич в тот же день, как и Орест, получил записку на французском языке без подписи, которая приглашала его вечером приехать в общественный маскарад. Он сразу же каким-то инстинктом узнал, что тут дело касается княгини Марии, и решил поехать непременно.

В самом деле, едва только он появился на маскараде, белое домино с кокардой в семь цветов радуги, как будто ждавшее его, подошло к Николаеву. Его взяли под руку и он услышал возле самого уха мелодичный голос, говоривший по-французски:

— Я от нее.

Саша Николаич не потребовал объяснений. Он сразу же понял, о ком пойдет речь, и только переспросил.

— От нее?

— Да, да, сама она не могла приехать, не знала наверное, будешь ли ты здесь, и прислала меня.

— Как же она могла сомневаться, буду ли я здесь?

— Записка была без подписи. Ты мог и не догадаться, что это от нее.

— Разве она могла сомневаться в этом? Как же мне было не догадаться?..

— Ну, вот так. Она велела сказать, что любит тебя...

Николаев весь вздрогнул и его щеки вспыхнули.

— Любит?! — повторил он. — Ты не смеешься надо мной, маска?.. Она так и велела передать мне?..

— Да, да, так и велела. Кроме того, она просила завтра быть в Летнем саду, в два часа дня... ровно в два часа дня, у статуи Венеры...

— Завтра?.. В два часа? — радостно проговорил Саша Николаич. — О, я буду там стоять и ждать с самого утра!

— Это будет неосторожно!

— Все равно!

— Нет, не все равно! Ведь, если увидят, как ты будешь торчать на одном и том же месте несколько часов подряд, а она потом придет туда, то будет ясно, ради кого ты стоял... Нет

уж, приходи ровно к двум, иначе ты поступишь неосторожно... Ну, а пока прощай! Меня эта безобразная петербургская толпа утомляет и сердит... В Петербурге не умеют веселиться... Что мне сказать от тебя?

— Скажи ей, — начал Саша Николаич, но тут его голос оборвался, дыхание стеснилось и он только смог выговорить: — Скажи ей, что я люблю ее!..

— Будь спокоен, скажу! — шепнуло ему домино и, оставив его руку, так быстро и умело скрылось в толпе, словно растаяло, исчезнув...

Через небольшой промежуток времени у выхода сошлись два домино, черное и белое, и узнали друг друга по прикрепленным у них семицветным кокардам. Черное домино кинулось к белому, видимо, желая заговорить, но то остановило его, приложив палец к губам в знак молчания.

Они вышли из сада, юркнули в ночные мрачные сумерки и быстро добежали, несколько раз оглянувшись, не следует ли за ними кто-нибудь, до угла, где их ожидала карета. Они сели в последнюю, и, когда та тро-

нулась, Жанна де Ламот, одетая в белое домино, обернулась к своей спутнице и сказала:

— Ну, теперь говори!

Ее спутница, княгиня Гуджавели, в черном домино поспешно спросила:

— Ну что? У тебя все хорошо?

— Отлично! — ответила Жанна. — Мне даже не нужно было его распалять; он и так весь — огонь и пламя: горит и пылает... Назначила ему на завтра свидание...

— Как свидание?.. С кем?..

— В Летнем саду... с той, от имени которой я говорила...

— Но как же это? Ведь надо будет ее привезти туда обманом, а обман сейчас же раскроется, как только они заговорят?

— Я с ним говорила от ее имени, но — кто она — я не назвала... Он думает, что речь идет о княгине Марии, а я завтра сделаю так, что в два часа в Летнем саду у статуи Венеры будет Наденька Заозерская и графиня Косунская... обе сразу... пусть он и разбирает, которая из них назначила ему свидание... Ну а у тебя чем закончился разговор?

— Гораздо серьезнее, чем это можно было

предполагать! — сказала Гуджавели. — Во-первых, наши предположения оказались совершенно верными. Не только этот Орест принадлежит к иезуитскому ордену, но и француз Тиссонье... Очевидно, они орудуют вместе и, как мы и думали, денежные счета ведет Тиссонье и через него они получают деньги. Мне удалось очень ловко намекнуть на это в разговоре, и Орест не только не отрицал, но даже вполне подтвердил, что получает деньги от Тиссонье. Он, казалось, как будто был озадачен тем, что я знаю об этом, но затем озадачил меня, в свою очередь, тем, что... нет, даже испугал...

— Испугал?

— Да. Он, оказывается, и на самом деле очень умен и хитер. Свою роль он играл превосходно; дай мне тысячи, и я не узнала бы, что он притворяется — так естественно он держал себя и казался простоватым и пьяньким. Но он уже раньше, в начале нашего разговора, вдруг довольно некстати упомянул о Марии Антуанетте, а затем, как ты думаешь, что он затем сказал мне?

— Ну, говори скорее!

— Он сказал мне, что считает себя историческим лицом, потому что судьба сводит его с такими историческими людьми, как, например, Жанна де Ламот!..

Жанна вздрогнула и быстро проговорила:

— Неужели господа иезуиты так хорошо осведомлены, что успели узнать такие подробности?

— Вот поэтому-то я и думаю предложить тебе, — стала было говорить княгиня Гуджавели, — не лучше ли тебе отказаться от борьбы с этими людьми? Иезуиты слишком сильны, и наша борьба с ними была бы слишком неравною.

— Напротив! — воскликнула Жанна. — Это-то меня и прельщает; чем сильнее и искуснее противник, тем больше удовольствия бороться с ним. Если этот господин Орест так хитер и умен, тем лучше. Постараемся как можно скорее приняться за него.

— Как же мы примемся?

— Будь покойна: самым верным путем для истинно вражеского нападения...

— И этот путь?..

— Дружеские сношения... я начну с того,

что вступлю с этим Орестом в дружбу...

— Ох, лучше бы уж нам остаться в Крыму! — вздохнула княгиня Гуджавели.

— Как же ты можешь говорить так? Мы были в Крыму заживо погребены, а теперь здесь, это же жизнь!.. Неужели ты не находишь этого?..

Жанна действительно не могла понять жизнь иначе, как непрерывную цепочку интриг, и, если эта нить почему-либо прерывалась, для Жанны прекращалась и сама жизнь.

Приехав в Петербург и сразу же попав в блестящий круг столичного общества, Жанна почувствовала себя как рыба в воде, как птица в воздухе, оказалась на вершине блаженства, когда могла запутаться в деятельности общества «Восстановления прав обездоленных», в особенности, когда получила, так сказать, специальную миссию, и нешуточную, потому что борьба с Орденом иезуитов, да еще с преследованием чисто материальной цели, была далеко не шуткой.

Для того чтобы вступить в предварительные, так сказать, сношения, вроде рекогносцировки с агентом противного лагеря, то есть

с Орестом Беспаловым, Жанна с княгиней Гуджавели написала ему записку с приглашением на общественный маскарад.

Саше Николаичу тоже было послано такое же приглашение. К нему у Жанны было личное дело. Она взяла на себя разговор с ним и для того оделась в белое домино. Княгиня же Гуджавели должна была, как говорится по-русски, вести переговоры с Орестом, для чего и надела черное домино.

Глава XXXVII

Как жилось в богатом доме Дука

На другой день Жанна сидела за утренним кофе с княгиней Марией: они были одни. Дук вставал гораздо раньше и, поднявшись, по своему обыкновению, уехал по делам... Княгиня Гуджавели не выходила к кофе в общую столовую, а пила его у себя в спальне, лежа в постели.

Столовая выходила окнами в сад, окна были растворены, и через них проникали запахи цветника, разбитого перед домом. День обещал быть жарким, но в большой столовой, где сидела Жанна с княгиней, было прохладно и хорошо.

Княгиня Мария задумалась.

Давно ли, в сущности, она была воспитанницей бедного, ничего не значащего чиновника, жила в трех комнатах убогого домика и шитьем зарабатывала гроши, чтобы сшить себе дешевое платье или купить какую-нибудь косынку, о которой давно мечтала?

А теперь? Теперь прежние ее три комнаты свободно могли бы поместиться в одну эту столовую с высоким резным дубовым потолком, стенами, увешанными фарфоровыми тарелками и серебряными блюдами? Теперь же, стоит ей только захотеть, и лучшие наряды немедленно появятся в ее и без того огромном гардеробе.

Роскошь, окружавшая ее, могла быть названа царской. Она достигла всего, чего желала. Она даже достигла большего, потому что и в мечтах не могла вообразить себе то, что имела в действительности.

Но вечная, ненасытная жажда людей, мнящих себя великими, готовых уничтожить свои желания удовлетворением их, разгоралась и у княгини Марии, желавшей по мере достижения одного — другого, большего.

Одной роскоши ей уже казалось мало. Ей хотелось успеха, первенства, хотелось, чтобы все ее желания удовлетворялись во всем. Сегодня, например, она желала увидеться с Николаевым, увидеться просто так...

Конечно, ей до него было все равно. Он был влюблен в нее — она это чувствовала. Но

она, она просто хотела видеть его. Однако сегодня он, вероятно, не приедет, он был вчера. Если он будет являться каждый день, это может не понравиться дуку... А с какой стати не понравится, если она этого хочет?

Княгиня Мария, занятая всем этим, молчала, положив руку на кофейник, словно забыла о нем, и задумалась.

Жанна внимательно приглядывалась к ней и, словно понимая ее мысли, спросила ее так, как бы между прочим:

— Отчего вы так редко бываете в Летнем саду? Там так хорошо гулять днем...

— В Летнем саду? — переспросила княгиня Мария. — Да ведь у нас есть свой сад!

— Ах, ведь это одно и то же всегда, и может надоест. В ваши годы нужны более частые перемены. Это нам с дуком к лицу постоянно, а вы — дело другое. Вы знаете анекдот с куропатками?

— Нет.

— Кардинал Мазарини очень любил есть жареных куропаток. Ну, так вот, когда он стал досаждать Людовику XIV, что тот неверен своей жене, Людовик пригласил его к себе и на-

кормил его жареными куропатками, на другой день — тем же, на третий — тоже, на четвертый, и так далее... Через две недели кардинал взмолился: «Я, дескать, очень люблю жареных куропаток, но позвольте же и мне от них отдых!» — Жанна прислушалась и проговорила: — Кажется, дук вернулся. Как будто карета подъехала...

— Очень может быть, — сказала княгиня.

— Так вы думаете поехать в Летний сад для разнообразия?

— Ну, да, конечно. Не все же серые куропатки!.. А мне этот рассказ нравится... Может быть, и вы со мной поедете в Летний сад?

— Отчего же? С удовольствием. Самое лучшее, по-моему, ехать туда к двум часам — не так жарко будет...

— Отлично! Я пойду одеваться, — и княгиня Мария, вдруг просияв, весело улыбнулась Жанне и направилась к себе.

Такой удачи Жанна, по правде сказать, даже не ожидала. Она вчера назначила свидание Саше Николаичу от лица якобы ему известной особы, чтобы раздражить его еще больше, а тут вдруг вышло, что сама княгиня

Мария напросилась ехать в Летний сад к двум часам. Жанне надо было не упустить этого случая, благоприятного для ее расчетов, и использовать его не только в отношении княгини, но и самого дука.

Жанна не ошиблась. Это был действительно дук, подъехавший в своей карете. Он, обыкновенно ровный, спокойный и вполне бесстрастный, по крайней мере, с виду, на этот раз прошел в свой кабинет быстро, несомненно взволнованный, и заперся там.

Оставшись один, он в полном изнеможении сел в кресло, руки его бессильно упали вдоль туловища, и глаза закрылись. Его лицо, и без того бледное, побелело еще больше. Он находился в состоянии, близком к обмороку.

С ним это бывало и раньше, когда он запирался вот так один в своем кабинете, но никто не знал о минутах его физической слабости. Дук скрывал это от всех, и от своей жены, в особенности...

Никто не знал, что этому бодрому на вид, подвижному, черноволосому и статному, стройному дуку, казавшемуся не молодым, правда, но и далеко еще не старым челове-

ком, на самом деле был уже семьдесят один год, и что черные волосы его — великолепно сделанный парик, а его бодрый вид достигается целым рядом лекарств и снадобий, известных, может быть, ему одному и близких к таинственному эликсиру молодости, столь страстно отыскиваемому алхимиками средневековья.

Никто не знал даже, что у дука дель Асидо, князя Сан-Мартино нет огромного, несметного богатства, как думали все, но что у него нет даже более или менее определенного состояния. Те средства, которые он проживал, могли бы сами по себе составить довольно недурное состояние для средней руки человека, но для дука их не хватало и на такое время, на которое другой бы прожил лишь на проценты.

Сегодня для дука в некоторой степени был критический день. Он взял последнюю тысячу рублей, бывшую на его счету в конторе банка, и надеялся, что ему окажут в конторе кредит, но контора потребовала у него ручательства таких подписей, что это равнялось тому, что дук сразу же мог дискредитировать себя в обществе.

Этой последней тысячи рублей должно было хватить ненадолго. Надо было уплатить кое-какие текущие расходы по дому, выдать определенное жалованье бывшему графу Савищеву, действовавшему под именем Люсли, и хорошо еще, что княгиня Мария не требует для себя чего-нибудь...

Из Парижа деньги могли прийти от центрального отделения общества нескоро, да и так слишком много было забрано оттуда, а между тем в Петербурге еще не сделано никакого дела.

Главная надежда была на то, что Николаев заплатит деньги по довольно, в сущности, эфемерной расписке своего отца. Правда, этот Николаев был обставлен с психологической стороны так, что не должен был уклониться от платежа, но наверняка рассчитывать на него нельзя было, пока деньги не находились в их руках. Значит, надо было во что бы то ни стало поторопить Николаева.

Затем могла предстоять хорошая прибыль от наследства маркизы Турневиль и Косунского, если найти молитвенник и медальон.

Двух этих дел было бы достаточно, чтобы

сразу же возвести на блестящую ступень положение общества «Восстановления прав обездоленных» в Петербурге. Зато при малейшей неудаче грозил полный крах. Риск был огромный и его сознавал дук дель Асидо. Но он именно любил риск и всю свою жизнь провел в том, что шел как бы по краю пропасти, избегая опасности.

Упадок сил у дука продолжался всего несколько минут, после чего он мало-помалу стал приходить в себя. Он глубоко вздохнул, поднял руку, провел по лбу и открыл глаза, как человек, который просыпается от сна.

Затем он еще раз забрал в себя воздух, взял со стола приготовленный заранее стакан с водой, достал из жилетного кармана маленький плоский пузырек, капнул из него в воду несколько капель и выпил залпом. После этого почти сразу стал опять бодр и силен, твердым уверенным шагом подошел к двери, отпер ее и пошел искать жену.

— Где княгиня? — спросил он на ходу у лакея, сходя по парадной лестнице вниз.

— Они прошли в сад! — ответил лакей, думая, что дук спрашивает про старшую княгиню.

ню, то есть про Жанну.

В то время княгиня Мария пошла переодеться, Жанна спустилась в сад в надежде встретить дука Иосифа.

Они действительно сошлись в саду, и Жанна, завидев дука, поспешно направилась к нему с той необычайной женственной грацией, какая была только у женщин именно ее времени, времени расцвета двора королевы Марии Антуанетты.

Жанна взяла дука под руку и, нежно заглядывая ему в глаза, тихо проговорила:

— Везде и всегда один...

Дук сразу понял, что она этим хотела сказать. В том настроении, в каком он находился, ему именно хотелось ласкового участия. Только, разумеется, не от госпожи Ламот хотел он его!

— Ну да!.. Я один! — проговорил он. — Потому что не могу найти себе помощника.

— Да! — вздохнула Жанна. — Вы сами виноваты!.. Вы предпочли для себя красавицу-жену, не способную быть вам помощницей, забыв, что красота хороша в женщине при мимолетных увлечениях, а в жене нуж-

ны главным образом такт и ум, которые облегчили бы жизненную задачу мужчины. Молодая же и красивая жена для делового мужа может оказаться помехой, потому что будет отвлекать его и не даст сосредоточиться, заставит думать о себе и почти всегда вынудит ревновать себя... Нет такого старого мужа, который, имея молодую жену, не имел бы случая приревновать ее.

Дук слушал Жанну, не особенно внимательно следя за ее словами, потому что был занят собственными мыслями, но все же многое доходило и до его сознания.

— Вот хотя бы княгиня Мария! — продолжала Жанна. — Конечно, она вне всяких упреков, но... возьмите хотя бы ее... Уж она совершенно чиста и невинна, а между тем и про нее злые языки говорят всякий вздор...

— Что же говорят? — спросил дук.

— Пустяки!.. Всякий вздор, который я, конечно, повторять не стану...

— Однако я желал бы знать это и не из простого любопытства!..

— Да нет же... Это так нелепо, что и повторять-то смешно... Ну разве не глупо подозре-

вать княгиню в каких-то сношениях с господином Николаевым, и только потому, что он чаще других бывает у нее, и она идет гулять в Летний сад, где может встретиться с ним?

— А где княгиня? — спросил дук.

— Она, кажется, у себя, одевается.

— Собирается куда-то пойти?

— Право, не знаю, кажется... она звала меня поехать куда-то, но... может быть, уже и раздумала!.. Ведь молодые женщины необыкновенно капризны, в особенности, если их чересчур балуют...

— Мне нужно видеть ее! — сказал дук. — Вы простите меня, я пойду к ней!

— Пожалуйста!.. Пожалуйста!.. Это ваше полное право как мужа! — усмехнулась Жанна и, оставив руку дукa, дала ему дорогу.

Глава XXXVIII

Отсрочка платежа

Дук нашел княгиню Марию наверху, в ее маленькой гостиной, совсем готовой к выезду. На ней было легкое летнее платье с голыми до плеч руками, по локоть прикрытыми кружевными митенками, как носили тогда. На кушаке у нее висел веер, в руках был зонтик, а на голове большая соломенная шляпа с большими красными маками.

— Куда это вы собрались? — несколько недовольным тоном спросил дук.

— Я еду в Летний сад! — решительным тоном, не допуская возражения, произнесла княгиня Мария.

Дуку не понравился этот ее тон и почему-то в особенности не понравилось, что она едет в Летний сад. Он опустился в кресло и произнес:

— Мне нужно поговорить...

— Но я еду! — возразила княгиня Мария.

Дук взял ее за руку, притянул к себе и сказал:

— Ты знаешь, Мария, начинают замечать, что ты слишком часто видишься с господином Николаевым.

Мария слегка отстранилась от мужа и, как бы удивившись, произнесла:

— Но ведь вы же сами хотели этого.

— Да, я хотел, потому что на этом был основан мой расчет, что он скорее отдаст деньги.

— Ну, вот видите! И я исполняла вашу волю...

— Отчего же ты мне говоришь «вы»? Разве ты сердишься на меня?

— Ах, не все ли равно! Дело не в этом!

— А в чем же?

— Ах, да вот в том, что мне нужно ехать...

— А мне как раз хотелось бы, чтобы ты осталась; во-первых, мне бы хотелось посидеть дома с тобой, а, во-вторых, мне нужно поговорить...

Мария сделала вид, что не слышала первой половины того, что сказал дук, и спросила:

— Разве это так длинно, то о чем нужно поговорить?.. В чем дело?

Она отвечала мужу и вела разговор совсем не так, как хотелось ему, и в его душе начинало появляться злобное раздражение против Марии.

— Дело все в том же! — проговорил он. — Надо как можно быстрее кончать с этим Николаевым...

— В каком смысле? — спросила княгиня.

— Во всех смыслах. Надо, чтобы он как можно скорее отдал деньги, и затем мы простимся с ним...

— Простимся?

— Ну да, потому что он компрометирует вас, и я не хочу, чтобы он бывал у нас.

— Но это только после того, как он отдаст деньги?

— Ну, разумеется.

Княгиня Мария закусила губу и долго молчала.

— Мне кажется неловким, — сказала она, наконец, — отказывать от дома человеку, который делает в отношении нас такой безупречно чистый поступок.

— То есть отдает то, что должен по расписке своего отца? Что же тут особенного?

— Но ведь он имел полную возможность затянуть дело!

— И тогда был бы неправ, по-моему. А теперь он лишь исполнит обязанность свою, и тогда, разумеется, выгонять его из дома я не стану, но сделаю так, что он перестанет бывать у нас; да, вернее всего, он и не останется в Петербурге, а уедет куда-нибудь...

— Это все, что вы хотели сказать?

— Сказать — да!.. Но я вообще хотел бы поговорить...

— Ну, тогда до свидания... поговорить мы успеем, а мне пора ехать!..

Мария взглянула на стоявшие на камине фарфоровые часы и поспешно вышла из комнаты.

Дук остался сидеть в своем кресле, как бы в некотором недоумении.

Еще никогда Мария не говорила с ним так, и никогда еще ее речь так не раздражала его, как сегодня... Правда, сегодня он был особенно дурно настроен, благодаря несносным денежным обстоятельствам. Он не мог найти должное душевное равновесие и был недоволен собой и главным образом своею, нрав-

ственной слабостью, явившейся в его душе как бы последствием слабости физической.

Он услышал стук удаляющегося экипажа, прошел в гостиную, выглянул в окно, выходящее на Фонтанку, и посмотрел вслед удаляющейся коляске, в которой сидели княгиня Мария с Жанной и, весело и беззаботно смеясь, говорили что-то... Ей, значит, было безразлично, в каком состоянии находится он. И это удивило и обидело дука.

«Они поехали в Летний сад и будут там веселиться и смеяться, — решил он, — а я тут везде и всегда один!..»

Он, сам того не замечая, повторил мысленно слова, сказанные ему Жанной.

Но он не хотел оставаться один, он желал, чтобы и ему было так же весело и, спросив себе шляпу и трость, тоже направился в Летний сад.

Саша Николаич был у статуи Венеры ровно в два часа и, вместо того чтобы стоять тут с равнодушным видом, как будто бы он стоит там для собственного удовольствия, он оглядывался по сторонам, беспрестанно справлялся с часами и вел себя так, что всякому, на

него взглянувшему, было ясно, что Саша Николаич стоит здесь неспроста, он, несомненно, ждет кого-то.

Бывший тут же случайно рыжий Люсли в синих очках завидел его еще издали и стал наблюдать. И каково же было его удивление, когда он увидел, что на дорожке сада через некоторое время появилась княгиня дель Асидо, жена дука, в сопровождении невестки.

Саша Николаич сорвался со своего места и направился к ним. Он был настолько неопытен в такого рода делах, что делал это так явно, что у Люсли не было уже сомнения, кого он тут ждал...

Жанна, завидев Люсли, отделилась от княгини Марии, к которой подошел Николаев и, сделав несколько шагов в сторону, подозвала к себе Люсли и быстро спросила его:

— Могу я рассчитывать на вашу помощь, если мне понадобится?

— Помощь в чем?

— Вы знаете ведь, что мне поручено дело о драгоценностях Кончини?.. Я работаю для общества...

— В деле общества я всегда готов помогать

вам! — сказал Люсли.

Жанна продолжала разговаривать с ним, видимо, желая дать время княгине Марии для разговора наедине с Николаевым.

Княгине же Марии нужно было сказать несколько слов Николаеву без свидетелей и она была рада, что случай, как она думала, дал ей возможность сделать это.

Как только Николаев подошел к ней, и Жанна оставила ее, княгиня Мария обернулась к нему и быстро проговорила:

— Денег по этой расписке не выдавайте моему мужу до тех пор, пока я сама не скажу вам сделать это... Вы ведь сумеете протянуть отдачу?..

— Не знаю!.. Я не думал и не справлялся об этом.

— Тогда справьтесь и узнайте!

— Но зачем вам это?

— Это не ваше дело! Мне так нужно!

— Нужно? Вам?..

— Да. Сделайте все возможное, чтобы оттянуть отдачу денег... Я так хочу!

Николаев подумал с минуту и не без сомнения произнес:

— Я сделаю, княгиня, так, как вы говорите, но только при одном условии!

— Я желаю, чтобы мне повиновались без всяких условий, — возразила Мария.

— Хорошо, но это условие, это будет просьба... Я прошу вас дать мне ваше слово в том, что вы это делаете не из снисхождения ко мне, словом, не от того, что вам жаль меня?..

— О нет, не беспокойтесь! — рассмеялась Мария. — Нет, я это делаю не столько ради вас, сколько ради себя... Если бы вы знали все обстоятельства, то вот эти мои слова, должны были бы страшно обрадовать вас!

Пока между княгиней и Сашей Николаичем шел этот разговор, дук Иосиф большими шагами направлялся в Летний сад. По мере того как он продвигался вперед, общая атмосфера недовольства, создавшаяся вокруг него после разговора с женой, как будто стала проникать ему в душу и поднимала издавна таившуюся в этой душе муть. Жанна точно толкнула его, и он покатился от этого толчка по наклонной плоскости, направленный, как шпорами, некоторыми словами ее, и не в силах был удержаться. Он ясно вспомнил те-

перь, что действительно его жена знала этого Николаева до своего замужества, и, кто знает, какие чувства таятся, сплетаются и живут в сердце женщины с другими такими же или даже, может быть, противоположными чувствами.

Дук как-то совсем упустил из виду это давнишнее знакомство их, когда поручал княгине Марии, чтобы она «обвела» этого Николаева, скрутив с ним дело как можно быстрее. Ему надо было торопиться, потому что деньги у него были на исходе и он был так уверен в своей жене, что ему тогда показалось бы смешным всякое предположение о ревности.

Но теперь, теперь обстоятельства как будто менялись. Эта полная небрежность к нему (ему уже казалось, что в отношении жены к нему полная небрежность), этот Летний сад...

Но если только он, придя в Летний сад, застанет там княгиню Марию с Николаевым, тогда... что тогда, дук Иосиф и сам не знал и потому не ответил себе на этот вопрос.

В Летнем саду он издали увидел направлявшегося к нему и, видимо, заметившего его Люсли.

Последний был очень серьезен, шел, размахивая руками, со строго сдвинутыми бровями.

— Дук! — сказал он, сильно встревоженный и взволнованный, даже раздосадованный. — Я сейчас видел отвратительную сцену, которая может помешать нашей репутации.

«Так и есть!» — мысленно произнес дук Иосиф, предчувствуя и как бы заранее зная, что ему сейчас скажет Люсли.

— Этот Николаев, — продолжал Люсли, — не только позволяет себе слишком многое, но ведет себя совсем неосмотрительно... Я видел сам, как он, стоя у статуи Венеры, поглядывал на часы и озирался вокруг, словно ждал кого-то, и, затем, увидев вашу супругу, так кинулся к ней, что это вышло неприлично, на манер скандала... По-моему, даже вовсе произошел скандал!..

— Он ждал ее, вы говорите?.. Они тут вместе? — тяжело дыша, переспросил дук и, не говоря ни слова больше, как будто боясь растратить в этих словах свою вспышку, направился к княгине Марии, схватил ее за руку,

стиснул и, поклонившись Саше Николаичу, увел жену, резко сказав ей: — Извольте отправиться домой!

Глава XXXIX

Глава, в которой происходит то, что гораздо более важно, чем кажется сначала

Между дуком и женой, по их возвращении домой, произошла сцена, после которой княгиня Мария осталась у себя в спальне, а дук прошел к себе в кабинет и заперся в нем на ключ.

В своем раздражении он дошел до того, что топнул на жену ногой и крикнул ей, чтобы она с этих пор не смела никуда выезжать иначе, как только с ним, и никого не принимать у себя иначе, как в назначенный день, когда он будет дома.

По мере того как горячился дук, княгиня Мария становилась все спокойнее и спокойнее. Она даже почти не изменилась в лице. Только нижние веки ее дрожали и губы стали совсем тонкими и белыми.

Когда дук ушел от нее, хлопнув дверью, княгиня посмотрела ему вслед и чуть слышно проговорила:

— Ты ответишь мне за эту скверную сцену!..

Кучер догадался вернуться за Жанной в Летний сад. Приехав домой, она спросила прежде всего у прислуги, где дук? И, узнав, что он заперся у себя в кабинете, а княгиня Мария в спальне, торжествующе улыбнулась, очень довольная всем происшедшим.

Было несомненно, что дук Иосиф ревновал, а, следовательно, его слабая струна была найдена; найдя же эту струну, Жанне будет легко управлять им.

Жанна была бы не прочь сейчас же пойти и поговорить с дуком, но это было неисполнимо, потому что, когда дук запирался у себя в кабинете, никто к нему проникнуть не мог.

Жанна пошла к княгине Марии. Ей было все равно, с какого конца продолжать начатую работу. А княгиня Мария только и ждала ее.

— Что такое случилось, моя милая?.. — стала расспрашивать самым сочувственным образом Жанна.

— Что?.. Где случилось? — переспросила княгиня, широко раскрытыми глазами всмат-

риваясь в Жанну.

«Браво! — одобрила та. — Она отлично собой владеет!» — и ответила вслух:

— Мне показалось, что между вами и дуком Иосифом произошло что-то?

— Дук был недоволен, что я поехала с вами в Летний сад, когда он хотел разговаривать со мной, вот и все! — пояснила княгиня Мария с таким спокойствием и выдержкой, что Жанна должна была убедиться, что сбить ее с толку нелегко.

— Но вы, я надеюсь, уже успели помириться? — участливо осведомилась Жанна.

— Нет, напротив, дук очень рассердился и даже хочет запереть меня дома...

— Неужели запереть?

— Во всяком случае, он высказал такое желание, чтобы я никого не принимала без его ведома.

— И вы подчинились этому?

— Да, я должна буду подчиниться и должна буду, дабы исполнить волю моего мужа, принять меры к тому, чтобы не скучать в своем одиночестве. В этом отношении я надеюсь на вас...

— О! Я всегда рада быть с вами!..

— Нет, на это я рассчитывать не смею; у вас есть свои дела; вы должны выезжать. Нет, я и теперь хочу попросить вашего содействия, чтобы вы помогли мне отыскать некоего Ореста Беспалова, сына того чиновника, у которого я воспитывалась... Надо будет послать к нему...

— Я об этом Оресте кое-что слышала! — улыбнувшись, перебила княгиню Жанна. — Но для того, чтобы найти его, вовсе не надо посылать к чиновнику, достаточно послать к Николаеву... Он живет у него!

— Неужели? — протянула княгиня Мария, словно бы и не подозревала этого.

— Да, у него! — подтвердила Жанна. — Он мне, кстати, тоже нужен!..

Она остановилась, пораженная получившимся хитросплетением. С одной стороны, княгиня Мария могла действительно желать увидеться с Орестом, чтобы через него снестись с Сашей Николаичем, но, с другой стороны, этим путем к ним в дом приводился Орест, хитрый агент иезуитов, каким считала его Жанна, и — почем знать? — может быть,

вся эта ссора между дуком и его женой лишь была устроена для того, чтобы под благовидным предлогом заманить к себе Ореста. Во всяком случае, для Жанны появление его в доме будет желательным.

— Он будет у вас завтра же! — сказала княгине Жанна.

— Только вот что! — остановила ее та. — Надо сделать так, чтобы мужа не было дома... и, вообще, чтобы тот не видел его здесь!

— Ну, разумеется! — согласилась та.

— Почему же «ну, разумеется»?

— Ну, потому, что этот Орест, то есть у этого Ореста такой вид, что его неудобно показывать дуку.

Вследствие этого разговора на другой день Орест Беспалов появился в доме дука дель Асидо.

Вызвала его Жанна к себе и принят он был внизу, в ее с княгиней Гуджавели комнатах. Сюда же спустилась и княгиня Маня.

— Принчипесса! — вскидывая руками, воскликнул Орест, — Вы расцвели пышнее розы!

— Здравствуй, Орест! — улыбнулась княгиня ему. — Мне давно уже хотелось увидеть те-

бя...

Орест сел на стул, расставив ноги и так опершись о них руками, словно он был живой моделью при изваянии памятника какому-нибудь полководцу, сидящему верхом на коне... Он склонил голову набок, поставил усы ежом и проговорил:

— Польщен, принчипесса, но, извините, не верю!.. Ибо ваши слова совершенно не соответствуют фактам!

— А ты все такой же! — протянула княгиня Мария, стараясь казаться как можно любезнее.

— Все такой же!.. — подтвердил Орест. — И гений моего ума все так же остер на соображение... Ежели вы давно хотели меня видеть, то давно бы могли прислать за мной! А если не присылали, то видеть меня не хотели; а если теперь захотели, то, значит, я зачем-нибудь нужен вам...

— Как тебе не стыдно так говорить!..

— Я говорю так, потому что давно вас знаю, принчипесса! И не думайте, что я упрекаю вас!.. Я отлично понимаю, какая вам может быть забава в моем обществе!.. Другое де-

ло, если бы вы были настолько развиты, что играли бы на бильярде... тогда я мог бы доставить вам неизъяснимое удовольствие своим искусством! Но, так как вы на своем женском положении занимаетесь лишь обвораживанием мужчин, то я, как предмет для этого совершенно негодный, интереса для вас представить не могу!..

— Что он говорит? — спросила по-французски Жанна, не понявшая несколько кудрявой и замысловатой речи Ореста.

— Я говорю правду! — ответил Орест по-французски.

— О, у вас отличное французское произношение! — удивилась Жанна.

— И немудрено! — пояснила княгиня. — У него мать была француженкой, и он с детства говорит на этом языке.

— Да-с! — обратился Орест к Жанне. — А теперь, главным образом, произносить лишь умею, но поддерживать французский разговор затрудняюсь, хотя все и понимаю!.. Итак, принчипесса, повелевайте, без дальних подходов, что вам нужно, чтобы я сделал; вы знаете меня давно, так же, как и я вас, и знаете,

что я сговорчив... Удовольствуюсь небольшой мздой из нескольких моравидисов.

— Тебе нужны деньги?..

— Принчипесса, не делайте себя наивной!..

Кому же бывают не нужны деньги?!

Жанна, ходившая из угла в угол по комнате во время разговора, подошла к окну, вдруг повернулась и быстро проговорила:

— Мари, дук возвращается домой, его карета уже подъезжает к крыльцу... тебе надо поскорей скрыться, чтобы он не застал тебя здесь.

Она никак не ожидала, что дук, сравнительно недавно уехавший из дома, вернется так скоро и они обе рискуют быть застигнутыми врасплох, и главным образом от этой неожиданности она взволновалась так, что свои слова о возвращении дука произнесла той пугающей скороговоркой, которой растерявшиеся люди передают другим свою растерянность.

Тон Жанны даже на Ореста возымел действие, и он вскочил, как будто в чем-то пойманный и уличенный.

— Дайте мне скорее карандаш и кусок бу-

маги! — сказала княгиня Мария. — Мне нужно написать несколько слов всего...

— Некогда! — замахала на нее руками Жанна. — Дук уже вышел из кареты...

— Ах! Он поднимется еще наверх и станет искать меня там... Времени довольно! Скорее карандаш и кусок бумаги!..

Мария как бы инстинктивно открыла стоявшую на столе корзину с работой княгини Гуджавели и нашла там карандаш, а Орест, засуетившись под влиянием общей суеты, хлопнул себя по карманам и вытащил откуда-то скомканный лист бумаги, расправил его и сунул на стол перед княгиней Марией.

Та быстро написала несколько строк и проговорила:

— Передайте это Александру Николаевичу...

Все это было сделано так быстро, что Орест не успел опомниться и, только когда княгиня уже уходила, он остановил ее возгласом:

— Принчипесса, а моравидисы?!..

Мария на ходу выхватила кошелек из кармана, бросила его Оресту и скрылась.

— Уходите теперь скорее и вы! — заторо-

пила Жанна Ореста.

Но тот, недолго думая, выпрыгнул в окно и быстро удалился.

Глава XL

В чем заключалась важность предыдущей главы

Что мог сделать Орест Беспалов, получив кошелек с деньгами?

Всякий мало-мальски знакомый с его характером человек, несомненно, поймет, что, конечно, Орест Беспалов с полученными деньгами направился в трактир и сделал это немедленно после своего свидания с княгиней Марией, одним словом, после получения кошелька.

Записка, которую написала княгиня Мария Саше Николаичу, немедленно была забыта Орестом и он вспомнил о ней только поздним вечером в трактире, причем сам совершенно не знал почему? — так вдруг вспомнилось, и конец.

Орест Беспалов мог забыть о принятом на себя обязательстве, но сознательно не выполнить его не мог. Сознание обязанности портило теперь ему всякое удовольствие и, вспомнив про записку, он уже не мог дольше оста-

ваться в трактире, а должен был идти к Саше Николаичу.

Совершенно пьян Орест не был еще. Он был только, как он это называл, «в полгубы». Но и в таком состоянии он не дерзал являться к Саше Николаичу через парадный вход главным образом из скромности перед слугами, которым нельзя было подавать дурной пример. Поэтому он сначала отправился обходом, через сад, к окну кабинета, где еще надеялся застать Сашу Николаича.

В сумерках петербургской ночи он увидел издали, что окно открыто. Тогда он стал на-свистывать «Гром победы раздавайся!» и бодрым шагом направился вперед.

Саша Николаич сидел у себя в кабинете и мечтал, забыв обо всем.

Николаев не думал ничего определенного, его мысли расплывались как-то вместе с сумерками ночи в природе, но так как вся земная природа вращалась вокруг солнца, то и мысли Саши Николаича сами собой вращались вокруг княгини Марии. И он, думая о ней, прислушивался, не раздастся ли соловьиная песнь, и как будто даже загадал, что все

тогда будет хорошо. И ему так хотелось, чтобы все было хорошо, что он вытянул шею, уверенный, что сейчас услышит соловьиный свист...

Свист действительно раздался, но это был мотив «Гром победы раздавайся!», который выдавал Орест с большим чувством, но, разумеется, это не было похоже на пение соловья...

Несоответствие ожидания с действительностью было так резко для Саши Николаича, что он вздрогнул.

— Это вы, Орест?.. — сердито произнес он, издали еще заметив на дорожке сада силуэт Ореста.

— Я, гидальго!.. — стараясь попасть в тон ночной тишины, но тем не менее хрипло произнес Орест.

Саше Николаичу никого не хотелось видеть в эту минуту и он сделал невольное движение, чтобы захлопнуть окно.

— Остановись, гидальго!.. Все остановись... Остановись само время, ибо сейчас Орест Беспалов будет удостоен с вашей стороны всякой благодарности!.. Прошу, гидальго, сде-

дать мне почетную встречу, как это бывает, когда является посол от лица, носящего титулы...

Говоря это, Орест Беспалов подходил и, важно закинув голову, передавал Саше Николаичу в вытянутой руке сложенный лист бумаги.

— Что это? — спросил Николаев.

— Вы видите, гидальго, что до сих пор я подавал надежды, а теперь подаю записки, или, по крайней мере, одну записку, которая для вас ценней прочих всяких...

Он расшаркался на песке перед окном, раскланялся и, отдавая записку, проговорил:

— От ее сиятельства княгини Сан-Мартино...

— Что вы сочиняете? — не поверил сначала Саша Николаич. — Записка от нее?..

— От нее самой!

Саша Николаич схватил коробку с серниками и засветил восковые свечи.

«Помните, — прочел он, — что я сказала Вам, ни под каким предлогом не отдавать денег; найдите возможность увидеться...»

Саша Николаич прочел снова и снова, и те-

перь для него это была вовсе не песня соловья — вся его душа трепетала и пела...

Записка была написана на продолговатом куске синей бумаги, золотообрезной...

— Откуда вы взяли это?.. Вы говорили с ней?.. Вы видели ее? — стал спрашивать Саша Николаич Ореста.

— Я говорил с нею и видел ее! — произнес Орест, усаживаясь на подоконник с ногами.

— Когда?

— Сегодня утром.

— И вы до сих пор не отдали мне записку?

Орест почесал за ухом, чувствуя себя виноватым в этом пункте.

— Я хотел продлить вам удовольствие! — соврал он и сейчас же почувствовал, что вышло совсем неудачно.

Но Саша Николаич в это время уже в десятый раз перечитывал строки, написанные княгиней, и уже забыл про Ореста.

— Да! Ну как же она дала эту записку? — вспомнил он вдруг опять.

— Я получил приглашение, — начал было рассказывать Орест.

Но Саша Николаич опять перебил его воз-

гласом:

— Батюшки!.. Да что же это такое?.. Ведь это же — расписка дука дель Асидо в получении денег от моего отца! Ну да!.. Та самая, которая, как мне помнилось, была в документах, оставшихся после моего отца!..

Дело было в том, что карандашные строки, написанные Марией, оказались на оборотной стороне расписки дука дель Асидо.

— Позвольте, гидальго! — заговорил Орест. — Какая расписка дука?

— Очень важная для меня! — ответил Саша Николаич. — И вам ее дала княгиня Мария?..

Вся история с написанием записки произошла так скоро, и после нее Орест так быстро вылетел в окно, что у него все подробности спутались и он не мог себе дать отчет, что бумагу, на которой была написана записка княгиней Марией, он сам же вытащил из своего кармана. Да и неинтересно ему это было...

— Да, она сама мне ее дала! — подтвердил он.

Усевшись спокойно на окне, он почувствовал большое утомление после выпитого вина

и заклевал носом. Ему хотелось спать... И он заснул...

Глава XLI

Супружеская сцена

На другой же день утром дук дель Асидо получил от Николаева письмо, в котором тот в очень вежливой форме извещал его, что по изменившимся обстоятельствам он, Николаев, не считает себя более обязанным платить по расписке кардинала, так как имеет на руках доказательство, что кардинал вернул по принадлежности все деньги.

Дук Иосиф, прочтя это извещение, вынужден был перечесть его еще раз, чтобы убедиться, так ли он понял, до того оно ему показалось неправдоподобным.

Единственным неопровержимым доказательством того, что деньги были возвращены кардиналом, могла явиться обратная расписка, но для дукана было несомненно, что эта расписка была уничтожена во время ночного посещения кабинета Николаева бывшим графом Савищевым.

Правда, она могла упасть во время схватки бывшего графа Савищева с Орестом, но под-

купленный лакей на следующий день обшарил весь кабинет и нигде не нашел ни клочка бумаги.

Насколько помнил бывший граф Савищев, в их схватке Орест выхватил у него расписку и они стали отнимать ее друг у друга, разорвали ее и клочки записки вылетели в окно.

Подкупленный лакей на другой день после происшествия, пока все еще спали, обыскал все и за окном, но не нашел ничего. До него никто не мог подобрать расписку, и было ясно, что клочки были унесены ветром, так что собрать их было невозможно. Да и если расписка была найдена, то Саша Николаич сослался бы на нее раньше и не выражал бы желания платить. Ввиду этого в извещении Николаева для дука было много непонятного.

Он взял это извещение и направился к жене. Она, сказавшись больной, сидела в утреннем капоте, с французским романом, но не читала его, а, задумавшись, смотрела поверх книги.

— Он отказывается платить! — сказал, входя и подавая княгине письмо Николаева, дук.

Княгиня Мария, как сидела, так даже и не

двинулась, точно не слыша слов дук.

— Вы слышите, что я вам говорю?! — проговорил дук, несколько повышая голос.

— С тех пор как вы стали себе позволять кричать на меня, я перестала слышать обыкновенный голос!..

— Пойми, Мария, он отказывается платить!

Княгиня пожала плечами и произнесла:

— Может быть! Меня это не касается... Если вам угодно, чтобы я сидела взаперти, по крайней мере, не требуйте от меня, чтобы я помогала вам в ваших делах!

— Так вот оно что! — сообразил дук. — Так это просто месть с твоей стороны! Он, значит, не хочет платить благодаря какому-то твоему намеку?. Но, видишь ли, шутить такими вещами нельзя, потому что для нас это слишком важно.

— Уж будто бы в самом деле так и важно? — протянула княгиня Мария, прищурившись.

— Да, да!..

— Но, насколько мне было известно, вы на эти деньги не рассчитывали...

— Ты ошибаешься, я рассчитывал и даже очень... И, ты слышишь, я требую теперь от тебя, что ты должна сделать все возможное, чтобы он платил...

— Знаете! — вдруг серьезно обратилась к нему Мария. — Я с некоторых пор не узнаю вас... Вы до того изменились, что перестали быть похожими на самого себя... Где ваше прежнее спокойствие и уравновешенность?..

Дук Иосиф почувствовал, что она права. Он действительно очень изменился за последнее время, он и сам не мог не сознавать этого...

И именно потому, что Мария была права, он сейчас же рассердился и захотел немедленно восстановить авторитет сердитым окриком, хотя и должен был знать, что это не только будет напрасным, но и может послужить признаком еще большей его слабости...

Словом, испытанный в жизни человек, умевший укрощать таких, каким был даже Борянский, пасовал перед молоденькой, хорошенькой женой именно потому, что она была молоденькой и хорошенькой.

— Перестаньте учить меня, — рассердился

он, — а сделайте то, что я говорю вам...

— Как же мне быть? — насмешливо возразила княгиня Мария. — То вы хотите, чтобы я сидела взаперти и никого не видела, то вам угодно, чтобы я влияла на человека, который не хочет вам платить... Если вы ищете моей помощи, то дайте мне свободно действовать самой!

— Хорошо! Я согласен. Действуй! Действуй сама, но только действуй! Он отказывается платить...

— Как? Совсем?

— Да, вот его письмо...

Княгиня Мария прочла письмо Саши Николаича, уверенная в своей силе и уверенная, что он подписал это письмо под ее же влиянием и что теперь, когда ее цель достигнута, то есть она снова получила свободу действий от мужа, она сумеет справиться с Николаевым так, как это будет нужно ей.

— Понимаешь ли, — повторил дук, — положение гораздо серьезнее, чем ты думаешь.

— Нам эти деньги очень нужны?

Этот вопрос Мария задала не как оскорбленная жена мужу-обидчику, а как сотова-

рищ по общему делу, интересующийся выгодами компании.

Дук ответил одним только словом:

— Очень!

— Вы начинаете беспокоить меня, — сказала княгиня Мария.

— И могу уверить вас, что беспокоиться есть о чем...

— Даже так?

— Да... — Дук Иосиф подошел к жене совсем близко, нагнулся и почти шепотом произнес: — У меня такое положение, что я расходую последнюю тысячу рублей...

— Но вы можете, в крайнем случае, получить деньги из Парижа...

Дук покачал головой и произнес:

— Ничего я не могу получить: я только что получил письмо оттуда... Там произошел крах банка и все рухнуло...

Он дипломатично свалил все на крах банка, который действительно произошел тогда в Париже, на самом же деле он получил оттуда известие, что главная парижская фракция общества «Восстановления прав обездоленных» потерпела неудачу во всех своих делах

и понесла такие убытки, что теперь просила помощи Петербурга. Здесь же, в Петербурге, требовалась помощь Парижа. В эти частности своей деятельности дук не посвящал жену и удовольствовался тем, что сказал ей о крахе банка.

Это известие для княгини Марии было так неожиданно, что она в первую минуту не смогла ничего сказать. Она уже успела привыкнуть к окружающей ее роскоши и к тому, что когда ей нужны деньги, то достаточно обратиться к дуку, чтобы получить их. Эта привычка укоренилась до того крепко, что иначе она и не могла себе представить дальнейшую жизнь.

И вдруг, как снег на голову среди жаркой летней погоды, такое сообщение мужа!..

Княгиня Мария уже забыла в эту минуту оскорбление, нанесенное ей, и ту злобу, соединенную с жаждой мести, которую она имела против него. Опасность полного разорения снова соединила ее с ним.

— На что мы можем надеяться? — спросила она.

— Во-первых, на отдачу денег Николае-

вым, а во-вторых, на дело по наследству маркизы де Турневиль. Если эти комбинации удадутся, мы будем опять обеспечены надолго...

— Принимай меры относительно наследства маркизы и не беспокойся о деле Николаева. Это дело я беру на себя, — сказала княгиня.

Глава XLII

Все дороги ведут в Рим

Орест, вдоволь наигравшись на бильярде у себя в трактире, вспомнил про Борянского и решил проведать его.

У Борянского шла картежная игра, продолжавшаяся уже вторые сутки. Большинство игравших было в таком состоянии, что с трудом сознавало, что происходит вокруг. Только сам Борянский продолжал метать банк и выигрывать (это он делал наверняка) и, казалось, на него совершенно не действовало огромное количество вина, выпитого им.

— О Орест! — сказал он, увидев Беспалова. — Пей и служи гостям предметом подражания...

Орест терпеть не мог играть в карты. Он принялся пить и спаивать понтеров банка, что было на руку Борянскому.

Оресту случалось даже у Борянского засыпать под столом. Он там услышал один разговор, который до сих пор не мог привести в ясность, как следует.

Но Орест очень любил комфорт и не всегда довольствовался сном под столом... Если представлялась возможность устроиться иначе, он не брезговал ею...

Ублаготворившись достаточно, он пошел бродить по комнатам, оставив зал, где продолжалась игра.

В гостиной двое спали в креслах, а один, молоденький, почти мальчик, очевидно, только что проигравшийся в пух, стоял у окна, схватившись обеими руками за волосы.

Орест, как будто это вовсе не касалось его, проследовал дальше якобы в кабинет хозяйна; но и тут большой диван был занят «мертвым телом».

Орест прошел в следующую комнату — спальню Борецкого.

Здесь никого не было и благодаря открытым дверям воздух оказался чище и дышалось легче.

Орест остановился, подумал и без всякой церемонии, никого не спрашиваясь, лег на стоящую за ширмой постель. Последняя была очень мягка, удобна, и Орест почувствовал себя на ней хорошо. Он растянулся и стал гля-

деть в потолок.

Потолок, на котором был нарисован плющ, вертелся. Орест понял, что, разумеется, ему это только кажется, потому что у него кружится голова... И чтобы она больше не кружилась, ему нужно было заснуть. И он уже собрался сделать это, как вдруг услышал, что в комнату вошли.

Вошедшие видеть его не могли, потому что он был укрыт ширмой, но он их мог видеть в щель между двумя створками ширмы.

Вошедшие были сам Борянский и седой старик с большой бородой и длинными волосами, в черной шапочке.

— Пожалуйста, поскорее только! — сказал Борянский. — Игра в полном разгаре и мне нельзя отлучаться надолго... Что вам угодно?

— Я надеюсь, что ты спрашиваешь, что мне угодно приказать тебе? — произнес старик.

— Ну, да! Да! Только говорите скорей.

— Ты много выигрываешь в карты?

— Порядочно.

— А Орест Беспалов?

— Он приходит только навестить меня и

выпить.

— Ты продолжаешь поддерживать с ним отношения?

— Да говорите же, что вам нужно?.. Меня ждут пон-ты... мне каждая минута дорога... — с досадой сказал Борянский.

— Ты не забудь, что говоришь с человеком, которого хотел отравить, что тебе, впрочем, не удалось...

— Ах, вы измучаете меня! — воскликнул Борянский. — В вас ниспослано наказание свыше, должно быть!

— Должно быть! — повторил старик. — Так вот видишь ли! Надобно внушить этому Оресту, что где-нибудь — место сам выбери, где хочешь, — зарыт клад, и на этом месте потихоньку от него закопай какой-нибудь ржавый железный ящик с куском пергамента, который я пришлю тебе завтра... Тогда я тебя освобожу от этого вечно пьяного Ореста, и ты будешь иметь возможность отбояриться от него!

— Это все? — спросил Борянский.

— Нет, не все... Ты сколько выиграл за последние двое суток?

— Примета игрока никогда не говорить выигрыша...

— Ну, только не такого, как ты! При всяких приметах ты наверняка выиграешь!. Три тысячи ты, верно, выиграл? Так, видишь ли, мне нужны как раз три тысячи и ты дашь мне их!

— Но... — стал было возражать Борянский, — ведь мы, как члены общества, делим только те барыши, которые получены от совместной работы... личный же заработок каждого остается при нем!

— Совершенно верно, и эти три тысячи я у тебя требую не как паевые, а лично мне взаимы!.. Я думаю, ты можешь мне доверить такую сумму?

— Ох, никому я не доверяю!

— Ты дашь мне эти деньги, или будешь исключен из нашего общества!

— Ах, как бы мне хотелось этого! — невольно вырвалось у Борянского.

— И тогда, — продолжал старик, — из-под земли всплывет то, что зарыто у тебя в подвале.

— Вот вам... берите! — поспешил сказать Борянский и хлопнул бумажником по столу.

— Я отдам тебе через три месяца! — сказал старик.

Затем они вышли, прикрыв за собой дверь.

Орест лежал за ширмой, не дыша и не шелхнувшись, чтобы не выдать своего присутствия, и от слова до слова слышал весь их разговор... Он был удивлен тем, что Борянский возится с ним не по личному желанию, оказывается, а потому, что его принуждает к этому какой-то старик.

Этот старик был совершенно неизвестен Оресту, а между тем ему зачем-то понадобилось, чтобы Борянский его обманул насчет клада.

«И зачем, — рассуждал Орест, — он говорит обо мне довольно непочтительно, чтоб ему пусто было!..»

И Беспалов не на шутку рассердился, как смел этот незнакомый ему старик так говорить о нем! И кто он такой? Откуда он взялся?

«Ну погоди ж, — злобно подумал он, мысленно обращаясь к старику, — я тебе сделаю смешную шутку!»

Как он ни был выпивши, у него все же хватило настолько силы и смекалки, что он по-

тихоньку встал с постели и поспешил выйти из спальни Борянского, так, что никто не заметил, что он был там.

Впрочем, опасаться ему нужно было самого Борянского, а тот уже успел засесть за карточный стол и все свое внимание отдал картам.

Орест прошмыгнул на лестницу и вышел на улицу как раз в ту минуту, когда старик сел в свою карету и последняя уже готова была тронуться.

Орест, не рассуждая, по явившемуся у него вдруг соображению, сел на заднюю ось кареты и крепко ухватился руками за рессоры. На улицах вследствие тусклого слюдяного освещения было достаточно темно, чтобы Орест мог сделать этого.

Карета помчалась быстро и привезла старика к дому дука Иосифа дель Асидо.

«Куда, значит, ни правь, а все сюда попадешь!» — сообразил Орест, очутившись перед этим домом.

Глава XLIII

Тайный доброжелатель

Жанна де Ламот получила анонимную записку, составленную из склеенных букв, вырезанных из книги или газеты: «Если хотите узнать, — писали ей в записке, — что делает дук дель Асидо, когда запирается у себя в комнате, отворите вделанный в стене шкаф, надавите в правом углу его задней стенки третий гвоздь сверху и поймете, что надо делать дальше. Конечно, вы слишком опытны, чтобы не уничтожить эту записку немедленно, как только прочтете ее!»

Жанна, пробежав записку, сейчас же сожгла ее, растерла в порошок пепел и выбросила его в окно, а затем позвала горничную, которая подала ей записку, и спросила:

— Кто принес сейчас мне письмо?

Горничная ответила, что это был человек без ливреи, совершенно не известный ей.

— А что, вы не знаете, дук снимает этот дом или он его собственный?

— О нет! Дук этот дом снимает! — ответила

горничная.

— Со всей обстановкой?

— Да, большинство вещей здесь хозяйские.

— Хорошо, ступайте.

Выпроводив горничную, Жанна заперлась в своей комнате, желая сию же минуту воспользоваться благим советом, данным ей неизвестным лицом в анонимной записке.

Не было ничего удивительного, если дом был только снят в нынешнем году дуком, что тайны расположения этого дома были известны кому-нибудь, очевидно, жившему здесь перед ним. Кто именно был этот «кто-нибудь» и почему он делал Жанне такое важное сообщение, разумеется, она знать не могла, но это не мешало ей как можно быстрее воспользоваться сведениями, так любезно сообщенными ей запиской.

Жанна заперлась у себя в комнате, отворила шкаф (он был действительно вделан в стену и оставался пустым) и легко нашла в его правом углу на задней стенке три гвоздя. Она надавила на последний из них, и задняя стенка шкафа отворилась, оставив проход со ступенями, которые вели кверху. Проход был

очень узким, так что даже один человек мог по нему пройти с трудом.

Если бы ступеньки шли не кверху, а книзу, то Жанна не решилась бы спуститься по ним. Но наверху был кабинет, в котором имел обыкновение запирается дук дель Асидо, и Жанна смело стала подниматься по потайной лестнице.

Тайник оказался устроенным образцово. Он вел к одному из внутренних углов кабинета, а из него в этом углу было проделано небольшое отверстие, так что, глядя в него, можно было видеть и слышать все, что делалось в кабинете. Приложив глаз к этому отверстию, Жанна увидела большую комнату, в которой никогда не была, — дук никогда не приглашал ее к себе в кабинет.

За письменным столом сидел старец с длинной седой бородой, седыми волосами и в черной шапочке. Он сидел, облокотившись на спинку кресла, положив руки на подлокотники, склонив голову набок и закрыв глаза, словно дремал, а то и вовсе спал...

Жанна в душе не знала, как благодарить ей неизвестного доброжелателя, доставивше-

го ей одной случай стать наблюдательницей интимных сторон жизни такого человека, как дук дель Асидо.

Сидевший в кресле старик был, несомненно, тот подставной Белый, который приходил к дуку, когда тому нужно было обернуться в старика. Тогда он оставался в кабинете взаперти, а переодетый дук, под видом Белого, путешествовал по городу.

Жанна знала, что это было именно так, как теперь, и решила ждать на своем наблюдательном посту до тех пор, пока не вернется дук дель Асидо.

Ждать ей пришлось недолго. Вскоре послышался стук в дверь, очевидно, условный. Сидевший в кресле старик встал, направился к двери и из-за портьеры отпер ее.

И Жанна увидела двух совершенно одинаковых стариков, двух двойников, похожих друг на друга, как отражение в зеркале подходит на свой оригинал.

Зрелище было до того странное, хотя Жанна и была подготовлена к нему, что в первую минуту не могла дать себе отчет, во сне это или наяву?

Рост, походка, манеры были поразительно схожи, о лице, бороде и шапочке и говорить нечего. Все у обоих стариков было одинаково.

— Ну что? — спросил один, — Все благополучно?

— Насколько это может быть. Я у Желтого взял три тысячи рублей... Кстати, я отдал Желтому приказание насчет Жанны де Ламот.

Прибывший, видимо, давал отчет ожидавшему, для того чтобы он узнал, что тот делал, разыгрывая тут роль без него, что было необходимо, потому что они изображали одно и то же лицо.

Говорили они по-итальянски, но Жанна владела и этим языком и понимала его свободно. Из тайника, в котором наблюдала она, все было видно и слышно.

— Насчет Жанны де Ламот? — переспросил первый старик.

— Да. Она оказалась слишком предприимчивой: затеяла сунуться туда, где ее вовсе не спрашивали.

— А ее открытие твоей метаморфозы?

— Да, именно. За это я поручил ей фиктив-

ное дело об оставшихся якобы от Кончини драгоценностях, историю которых она сама же мне и напомнила. Я уверил ее, что драгоценности Кончини спрятаны в двойном дне венецианской шкатулки, находящейся теперь в России, и что эту шкатулку отыскивают иезуиты, а их агент — не кто иной, как вечно пьяный Орест Беспалов, живущий приживальщиком у Николаева.

— И она поверила?

— Поверила и уже стала нянчиться с этим Орестом. Комедия будет доведена до конца. Я приказал Желтому, чтобы он внушил Оресту, что тот должен отыскать клад, и даже указал ему место, где он должен его найти, а сам Желтый должен зарыть в том месте сундук с подписью на пергаменте, который ты сделаешь завтра и пошлешь к Желтому. Подпись такая: «Привет замечательному глубокомыслию хитроумной Жанны, принявшей пьяного дурачка за агента иезуитов. Написано это соком той травы, которою можно сделать отметины на коже!» Пусть она с Орестом вместо клада выроет в сундуке эту запись...

— А ты думаешь, она пойдет на эту удочку

с кладом?

— Я постараюсь об этом. К тому же, по первому разу этот Орест, сам того не зная, блестяще разыграл роль свою на маскараде.

— Все это хорошо, но стоит ли заниматься подобными пустяками?

— Все-таки надо отвлечь Ореста Беспалова от Николаева, потому что Орест служит для него всегда невольным подспорьем, и надо проучить эту дуру де Ламот, чтобы она не совалась не в свое дело, и занять ее на это время, пока не кончены наши дела, чтобы она не мешала...

— А Желтый все такой же?

— Да, сегодня опять пришлось его припугнуть...

— И он подчинился?

— Немедленно... он и три тысячи выдал сейчас же. — Дук, переодетый в Белого, хлопнул по кипе ассигнаций, брошенных им на стол. Видимо, эти деньги приводили его в хорошее расположение духа. Он рассмеялся и сквозь смех проговорил:

— Знаешь, мне пришла в голову мысль женить пьяного Ореста Беспалова на Жанне де

Ламот!.. У меня являются такие фантазии, и я их выполню ради курьеза...

Жанна, сердце которой билось часто и кулаки сжимались, потому что она слышала все от слова до слова, не могла устоять и двинулась.

Дук вздрогнул и прислушался.

— Что это? Как будто шорох? — проговорил он.

— Вероятно, мыши, кому ж тут быть еще? — успокоил его старик. — Однако мне пора, — заключил он и направился к двери.

Переодетый дук проводил его, запер дверь и прошел в смежную с кабинетом уборную, чтобы принять, вероятно, тот вид щеголя, которым он был в качестве дука дель Асидо.

Такого оскорбления, такого унижения не наносил ей даже палач, Жанна едва стояла на ногах. Почти шатаясь, она сошла с лестницы, заперла шкаф и упала на первый же попавшийся стул в полном изнеможении. Она пережила позор клейма на эшафоте, но этот позор был все-таки скрашен ужасом, который внушается такой казнью. Она могла говорить, что она невинна, что ее осудили лишь ради

того, чтобы обелить Марию Антуанетту, что она жертва, и тогда ее позор превращался в ореол мученицы, незаслуженно пострадавшей!.. Но то, что хотел с нею сделать дук дель Асидо, было неизгладимым оскорблением, потому что ставило ее в смешное положение, делало ее сразу же посмешищем...

Как, она, прирожденная Валуа, и вдруг жена какого-то проходимца!.. Она, прогремевшая на целый свет своей интригой в деле ожерелья королевы Марии Антуанетты, и вдруг разыгрывает нелепую партию в истории с «пьяным дураком», принимая его за агента иезуитов?!..

Но теперь Жанна предупреждена и не попадется впросак.

Она была несказанно благодарна неизвестному покровителю, предупредившему ее.

Но каков этот дук? И ведь она, несмотря на свою опытность, чуть было не попала в расставленную им ловушку! И хороша бы она была, если бы попала!

Из всего этого Жанна вывела, что счастье все-таки благоприятствует ей, потому что иначе, как счастьем, она не могла объяснить

полученное предупреждение. Понять путем логического рассуждения, почему было сделано такое предупреждение, она никак не могла; сделать это мог или благоприятель Жанны или же враг дука дель Асидо.

Но Жанна не знала в Петербурге никого, кто мог бы быть ее благоприятелем, и враги дука ей тоже казались неизвестными.

Глава XLIV

Объяснение

В записке княгини Марии Саше Николаичу было сказано: «Постарайтесь увидеться», — и он не понял, что это значит.

Происшедшую на его глазах сцену в Летнем саду, то есть то, как дук увел оттуда жену, Саша Николаич объяснил себе не грубой выходкой дука, на которую считал его не способным, а тем, что, очевидно, случилось дома у них что-либо очень важное, что потребовало немедленного возвращения домой княгини. Поэтому он прежде всего попробовал самый простой способ увидеться с княгиней, то есть прямо приехал к ней и велел доложить о себе.

Он приехал уже после объяснения княгини с дуком, и она немедленно приняла его. Он вошел в знакомую ему уже комнату, нижнюю гостиную с окнами в сад на балкон, и княгиня Мария тут встретила его.

— Вы мне написали! — заговорил Николаев, здороваясь с нею. — Я не знаю, как мне вас благодарить!

— За что?

— За те несколько строк и, главное, за обратную расписку отца дука моему отцу в том, что он получил все свои деньги обратно!

— Как расписку?.. Какую расписку?! — воскликнула княгиня Мария, пораженная его словами. — Я не посылала вам никакой расписки! Я вам только советовала подождать платить до тех пор, пока я вам не скажу этого сама, и вот сегодня именно это я и хотела сказать!!

— Вы хотели сегодня сказать мне, чтобы я заплатил Луку?!..

— Ну да, долг, который вы признали!

— Но тогда у меня не было обратной расписки, о которой я помнил довольно смутно... Мне казалось, будто она находилась среди документов моего отца, но, наверное, я этого не знал, потому что никогда внимательно не пересматривал этих документов, имевших, по моему, значение лишь историческое, как память или как автографы. Но вы сами прислали мне эту записку.

— Да нет же! — перебила княгиня Мария. — Я не посылала вам!..

— Но те строки, с которыми вы обратились ко мне, были написаны на оборотной стороне этой расписки!

— Вы не шутите и не ошибаетесь?

— Нет, княгиня, но меня удивляет ваше недоумение.

— Я второпях написала на первом же попавшемся клочке бумаги, который мне подсунул Орест... Я и не подозревала, что это была обратная расписка отца дука.

«Опять Орест! — подумал Саша Николаич. — Впрочем, доискаться будет легко, откуда у него появилась расписка!»

В это время княгиня Мария тоже соображала, что ей делать? Она осознавала всю необходимость получить деньги с Николаева и в то же время видела полную невозможность заставить теперь его заплатить.

Теперь ясно было, что он написал свое письмо дуку вовсе не в силу ее совета, а в силу того, что имел в руках неопровержимые доказательства, что платить ему не следует.

— Простите! — сказала княгиня Мария. — Я вообще терпеть не могу денежных дел! О существовании обратной расписки я и не подо-

зревала! Я очень рада, что она пришла к вам, хотя и косвенным образом, через меня!

Она решила сначала выяснить вопрос о расписке с мужем, а затем вернуться с Николаевым к разговору о его долге. В настоящую минуту она поспешила заговорить о другом.

А сам Николаев только и желал этого.

— Да! Не будем говорить о деньгах! — вос торженно произнес он. — Есть вещи, которые нельзя оценить никакими деньгами!..

— Например?..

— Например, вашу улыбку!.. Да ведь хоть раз кто увидит ее, тот не сможет забыть то счастье, которое испытал, когда вы улыбнулись!..

И между ними начался тот разговор, который имели обыкновение вести влюбленные в начале девятнадцатого столетия, то есть разговор высокопарный, с деланными, метафорическими фразами, условными поэтическими выражениями, соответствовавшими эпохе. Но суть всего этого была та же самая, что и испокон века. Та же постепенность соблюдалась в разговоре, и княгиня Мария, поощрявшая своим вниманием любовное красноре-

чие Саша Николаича, вела себя в данном случае, как все женщины, когда перед ними тот, кто им нравится.

Мало-помалу Саша сполз с низенького кресла, на котором сидел, и очутился на коленях; рука княгини Марии оказалась в его руках, и он припал к ней горячими губами...

Вечная песня... старая история... старая, как мир...

— Мария! — страстно шепнул Саша Николаич. — Я верю в то, что мы рождены друг для друга, что наши души давно слились на небесах, мы соединимся здесь, как они слились там, чтобы быть неразлучными... Я много думал о нас в последние дни и признал, что счастье для нас возможно... мы можем соединиться с тобой...

— Но я не могу оставить дука, моего мужа! — сказала княгиня Мария.

— Можешь... все можешь сделать... А для тебя это легче, чем для всякой другой!.. Ты обвенчана с дуком лишь по католическому обряду за границей и ваш союз скрепляет договором гражданского брака лишь Франция. Все это необязательно для тебя здесь, в Рос-

сии, как для православной и для русской подданной; мы можем обвенчаться по православному обряду.

Это было вовсе не то, чего желала княгиня Мария. Она хотела возвышенных поэтических отношений к молодому человеку, понравившемуся ей, но обстановка жизни, титул, знакомства и положение она хотела сохранить княжеские и оставаться по-прежнему женой дука дель Асидо. Перспектива стать просто госпожой Николаевой и пользоваться доходами с определенного капитала, а не швырять деньгами, когда и как заблагорассудится, вовсе не прельщала ее. И потому она не ответила на слова Саши Николаича тем восторгом, которого он ждал от нее.

А он был так уверен в этом восторге с ее стороны, что, увидев как будто нахмурившееся лицо княгини Марии, вдруг весь вспыхнул и заговорил взволнованнее прежнего, с нескрываемым испугом:

— Что значат эти нахмуренные брови и серьезно сжатые губы?.. Я не ждал этого... я думал, что когда я выскажу свой план, скажу, что нам можно будет соединиться навек пе-

ред Богом и людьми, то мои слова будут встречены с радостью.

— Вы слишком многого требуете от меня!

— Как многого?! — воскликнул Саша Николаич, не помня хорошенько, что говорит. — Да разве не вы улыбались и глядели на меня так, что я читал бессловесный ответ моему чувству в ваших глазах!.. Да сейчас... сию минуту я на коленях целовал ваши руки... разве после этого я не получил права назвать вас своей женой, если есть возможность сделать это перед законом?!

— Не все ли равно, чьей женой я буду называться?! — проговорила она так, что нельзя было разобрать, всерьез она это говорит или шутит.

Но Саша Николаич вдруг поднялся и выпрямился.

— Не говорите так! — почти закричал он.

— Да полноте, успокойтесь! — стала было уговаривать его княгиня.

Но Николаев, как закусивший удила конь, понесся вперед, не признавая никаких задержек.

— Как?! Примириться с тем, чтобы вы но-

сили имя другого, чтобы этот другой был тот старый муж, которого бы мы обманывали, воруя у него наши поцелуи, наше счастье и скрывая его от людей, как ворованное?.. Нет, я на это не способен! Я и сам не хочу лгать и не могу уважать ту женщину, которая будет вместе со мной лгать... Я знаю, что многие идут на такую низость, но я слишком люблю вас...

— Кто вам дал право говорить мне все это? — вдруг с сердцем произнесла княгиня.

— Моя любовь, — начал было Саша Николаич.

— Вы не смели бы говорить о своей любви, если бы я не дала вам права, а потому вы ничего не можете требовать, кроме того, что я хочу вам позволить! А если вы забылись настолько, что не можете соразмерить ваши слова, то лучше уйдите и возвращайтесь, когда придете в себя!

— И уйду!.. И уйду! — с отчаянием неистовства повторил Саша Николаич. — Все пусть пропадет, но я уйду!

И, как будто боясь, что не выдержит и останется, он, схватившись за голову, выбежал на

улицу.

Глава XLV

Три двери в гостиной

Не успел Саша Николаич выбежать из комнаты в одну дверь, как в другой с балкона появился человек в больших темных очках, рыжеволосый.

Княгиня Мария при виде его невольно взялась за сонетку и хотела крикнуть, но он остановил ее, протянув к ней обе руки.

— Ради Бога не звоните и не пугайтесь! Я не сделаю вам зла!

— Что вам здесь нужно? — спросила княгиня, успокоенная робким и даже как будто приниженным видом посетителя.

— Я был тут на балконе и слышал ваш разговор с Николаевым!

Княгиня Мария не без труда припомнила, что перед нею стоит господин Люсли, который раньше приходил несколько раз к ее мужу по делу.

— Позвольте! — остановила она его. — Кто вам дал право быть у меня на балконе и подслушивать то, что я говорю у себя в гостиной?

— Случай! — подхватил Люсли. — Слепой случай привел меня сюда! У меня было дело к вашему мужу, я несколько раз к нему заходил, мне говорили, что его нет дома, и мне показалось, что лакей говорит это нарочно. Тогда я прошел садом в надежде, что встречу его или вас, и так попал на балкон и слушал ваш разговор.

— С вашей стороны это слишком дерзко, чтобы не сказать больше, — нахмутив брови, произнесла княгиня Мария. — Но что вам нужно от моего мужа?

— Об этом мне стыдно говорить с вами! Мне нужны деньги, но вам я хотел бы сказать не это... Этот ваш разговор с Николаевым, с моим счастливым соперником...

— Как соперником?

— Ну да! Если слово уже сорвалось, я не стану отказываться! Напрасно вы думаете, что не знаете меня!..

Посетитель снял очки и сбросил рыжий парик...

— Граф Савищев? — воскликнула Мария.

— Да! Я — бывший граф Савищев... вы меня когда-то знали под этим именем, и я тогда

был без ума от вас; и все, что потом случилось со мной, я вынес только благодаря тому, что знал, что вы на свете существуете, и что я когда-нибудь добьюсь вашего внимания!.. Я решил, не пренебрегая никакими средствами, во что бы то ни стало составить себе такое положение, такое богатство, чтобы подойти и отуманить вас в десять раз большей роскошью, чем та, что окружает вас теперь...

— А вместо этого вы приходите за деньгами к моему мужу? — насмешливо проговорила княгиня Мария.

— Не смейтесь надо мной!.. Это слишком жестоко с вашей стороны!.. Не услышь я сейчас вашего разговора с Николаевым, я бы исполнил задуманное и только тогда открылся вам; но после того, что вы сказали ему, и после того, как он дерзко отверг вас, мне хочется вам сказать: «Приказывайте... Скажите мне, чтобы я сделал все, что вы захотите, и я буду ваши рабом!» Я не побоюсь обмануть вашего мужа!

— Да вы пьяны или с ума сошли? — топнув ногой, крикнула княгиня Мария.

На самом деле Люсли был пьян, но только

не от вина, а от давнишней своей упорной страсти к ней, и вместе с тем он был сумасшедший, потому что, потеряв возможность управлять своим рассудком, он слишком долгое время неестественно сдерживал свою бурную натуру, и с тем большим бешенством вырвалась теперь его скрытая страсть.

— А-а, так! — проговорил он. — Выгоните меня! Ну так я же на все пойду!..

Он выхватил из кармана свернутый платок, быстро распустил его и кинул в лицо княгини Марии.

Она почувствовала, что вдыхает в себя какой-то ошеломляющий, приторно-сладкий запах, и в тот же миг потеряла сознание и упала на пол без чувств.

Бывший граф Савищев кинулся к ней.

Но тут его схватила крепкая, сильная рука и отбросила в сторону.

— Разве для этого был дан тебе платок? — услышал он над собой рассерженный возглас.

Савищев обернулся и увидел дука дель Асидо.

— Я был тут! — указал дук на завешенную портьерой дверь, которая оказалась в гости-

ной третьей. — И слышал все, что ты тут говорил!

Но он не успел договорить, как бывший граф Савищев со стремительностью, которую трудно было ожидать от него, кинулся на балкон, перепрыгнул через перила и кинулся бежать.

Дук только поглядел ему вслед с отвращением и произнес:

— Негодяй и трус!

Он не преследовал Савищева, уверенный в том, что сможет разыскать его, если захочет, и наказать его за отчаянный поступок.

Да и прежде, чем возиться с этим человеком, нужно было позаботиться о княгине Марии. Опасности для нее никакой не было. Платок, который был брошен ей в лицо, был пропитан сильнейшим наркотиком, способным мгновенно усыпить, но безвредным.

Дук сам же, под видом Белого, дал этот платок бывшему графу Савищеву, носившему имя Люсли и желтую кокарду их общества. И он дал ему этот платок вовсе не для того, чтобы он усыпил им его жену. Она же вдохнула всего один раз, а затем дук, выскочив из-за

портьеры, отбросил мнимого Люсли и схватил платок.

Теперь дук поднял княгиню Марию и поднес ее к балконной двери, зная, что свежий воздух сейчас же приведет ее в себя.

Из сада повеял легкий ветерок; вздохнув, княгиня Мария открыла глаза. Дук бережно усадил ее в кресло.

— Прежде всего, ваша очередь! — произнес он. — Я все слышал, что тут было, слышал и ваш разговор с Николаевым и спас вас от этого ворвавшегося к вам негодяя!.. Итак, если бы этот Николаев согласился, вы были бы готовы обмануть меня?..

Княгиня Мария, не совсем еще очнувшись, посмотрела на него снизу вверх, но ничего не ответила.

— Вы готовы были обмануть меня, — повторил дук, — и теперь молчите, потому что вам нечего мне возразить.

Княгиня улыбнулась, скривив губы, словно уверенная, что не ему стращать ее, не ей робеть перед ним!

— Напрасно вы подслушивали! — спокойно сказала она. — То, что я говорила с Никола-

евым, вы, и не подслушивая, могли бы представить себе... Как же вы хотите, чтобы я иначе разговаривала с ним, когда мне нужно получить от него чуть ли не целое состояние?..

Дук склонил голову и потупился.

— Так ты так говорила с ним только для того, чтобы получить деньги?

— А для чего же еще?.. Неужели вы думаете, что меня может заинтересовать такой незначительный господин?.. Если бы я захотела, на меня бы обратили внимание люди, которые не чета Николаеву! — и, сказав это, княгиня Мария встала и гордо вышла, а дук остался на месте, уничтоженный поистине величественным спокойствием своей жены.

Глава XLVI

Он расскажет...

Саша Николаич, вернувшись домой после объяснения с княгиней, отправился к себе в кабинет и не вышел ни к обеду, ни к вечернему чаю, сказав, чтобы ему не мешали и что он хочет остаться один.

И он один провел целый день у себя в кабинете, раздумывая и размышляя, и, чем больше он это делал, тем более приходил к убеждению, что бывшая Мария Беспалова, ставшая княгиней Сан-Мартино, в сущности, осталась такой же, какой была прежде. Она и прежде была красивою, но и только... Душевных же качеств Саша Николаич никогда не знал за нею, и разве только в своем ослеплении мог наделять ее этими качествами.

Ее очевидная готовность, оставаясь княгиней Сан-Мартино, обманывать своего мужа, была органически противна такому человеку, как Саша Николаич, воспитанному совсем в других традициях, чем те, которые господствовали в обществе восемнадцатого века.

Его воспитатель, поклонник французских энциклопедистов и потому ярый противник барственной распущенности времен маркизов и маркиз, внушил ему совсем другие правила.

Саша Николаич воспринял эти правила как основу жизни и не мог примириться с тем, что та женщина, которая на минуту, вследствие своей внешней красоты, показалась ему идеалом, могла в нравственном отношении не соответствовать этим правилам.

Он испытывал разочарование, до болезненности обидное, и не хотел никого видеть, сомневаясь даже, стоит ли ему жить вообще, если в такой прекрасной оболочке, каковой была княгиня Мария, не вмещалась и духовная красота, как ее понимал он сам.

Стемнело.

Саша Николаич ничего не ел, но ему и не хотелось есть.

Ночь была теплая, как и всё лето, стоявшее в Петербурге. Всё словно замерло кругом, и тишина, царившая в природе, не нарушалась ни звуком, ни шорохом листьев.

Николаев не зажигал у себя лампы и, сидя

в темноте возле растворенного окна, глядел вверх на звезды, которые манили его к себе от низменной, греховной земли.

И совершенно как в тот раз, когда он с трепетом ждал звука соловьиной песни, раздался и теперь свист Беспалова, беспечно насвистывающего «Гром победы раздавайся!»

Саша Николаич хотя и не был на земле и думал совсем о другом, однако ясно различал, что свист этот приближается. Вот, наконец, он уже под самым окном...

— Гидальго, вы здесь?.. — раздался голос Ореста, и вслед за тем его длинная фигура, задев за куст, вскарабкалась на подоконник и уселась на нем.

Конечно, от него сильно пахло водкой.

— Фу! — с омерзением сказал Саша Николаич.

— А что? Пахнет? — осведомился Орест и прищелкнул языком. — Не правда ли, я в случае надобности могу заменить ароматическое сашэ из алкоголя?.. Ну а вы, гидальго, болеете?

— Оставьте меня, Орест, в покое. Я же просил, чтобы мне не мешали!

— Против этого имею возразить на основании многих пунктов. Пункт первый! — Орест загнул палец. — Я с утра не был в вашем благочестивом жилище и не мог быть осведомлен относительно отданных здесь распоряжений! Пункт второй! В силу установившихся между нами отношений до меня ваши строгости не касаются. Пункт третий!.. Видите ли, гидальго! Я мог бы привести пунктов сколько угодно, но буду краток и выразителен, что так идет, как вы знаете, к моей всегдашней скромности! Я все знаю, что с вами сегодня случилось насчет превратной принчипессы, и знаю потому, что вы больны и чем именно, отчего вы сидите в темноте, у косяка окна и разглядываете звезды без телескопа...

— Что вы говорите? — удивился Саша. — Откуда вы можете знать?

— Из самого достоверного источника!

— Может быть, она прислала вас?

— Нет, на этот раз я пришел сам, или, вернее, пришел потому, что вышел из себя... Теперь вы, конечно, в огорчении и не можете понять, как это остроумно сказано. Впоследствии же, когда распознаете, можете пере-

жить момент отчаянной веселости! Я узнал благодаря судьбе, чем вы, собственно, болеете, и привел к вам лекарство!.. Желаете испробовать его?.. — Орест обернулся в сторону сада и, наклонившись, позвал: Пожалуйте сюда, мой добрый друг!

В ту же минуту из-за кустов появился бывший граф Савищев, которого Саша Николаич узнал по облику, так как видел его в последний раз сравнительно давно днем, и недавно здесь, в своем кабинете, ночью, когда было так же темно, как и сейчас.

— Вы не бойтесь, пожалуйста, сюда!.. Сядьте!.. — ободрил Орест Савищеву, обращаясь к тому, как фокусник обращается к дрессированной им собаке.

Савищев, не торопясь, приблизился к окну и сел на подоконник по другую сторону, где сидел Орест.

— Вот вам две живые кариатиды! — сказал Орест. — Узнаете его, гидальго?.. Он расскажет вам сейчас такие вещи, которые сразу же излечат вас и изменят ваше мирозерцанье!

Глава XLVII

Нет, это правда

— Я теперь в таком положении, — стал рассказывать бывший граф Савищев, — что мне выбора нет! Теперь я восстал против себя людей, от которых всецело зависел, а это такие люди, что не остановятся ни перед чем! Мне остается только одно: искать убежища у вас!..

Он говорил это робким, жалким, трусливым голосом, так что Саше Николаичу это было неприятно, и, вместе с тем, у него явилось невольное сожаление, что этот бывший граф Савищев был теперь в таком состоянии, что только и мог вызывать сострадание. Ни сердиться на него, ни возмущаться им не стоило, и нельзя было иметь против него злобу: он был слишком жалок для этого.

— Что же случилось? — спросил Саша Николаич.

— Говорить обо всем слишком долго и тяжело! — ответил бывший граф Савищев. — Достаточно того, что я, вообразив, что могу со-

ставить себе состояние, пошел в общество «Восстановления прав обездоленных»...

— Вот как!..

— Вы что-нибудь знаете об этом обществе?

— Имел случай слышать, но думал, что оно уже прекратило существование!

— Нет, не прекращало существования и действует теперь в Петербурге под руководством некоего старика, который известен под именем Белого, и в которого переодевается некто иной, как сам дук дель Асидо, князь Сан-Мартино!

— Неправда! — воскликнул Саша Николаич. — Не может быть!..

— Нет, это правда... — задорно подхватил бывший граф Савищев. — Я не хочу лгать сейчас, во-первых, потому, что я с Орестом достаточно выпил, а во-вторых, потому, что только рассказав все, я могу рассчитывать на вашу помощь против этих людей!. Ни у полиции, ни у суда я не смогу искать защиты, потому что я был их сообщником. Мне были обещаны большие средства, а на поверку вышло, что я получал сравнительные гроши, а в последний месяц мне и гроши стали задержи-

вать! А между тем я должен был не щадить себя ради них, членов этого общества! И тогда ночью я забрался сюда и проник в бюро по их наущению, чтобы взять у вас расписку якобы от отца дука дель Асидо! На самом же деле, я уверен, что этот человек только присвоил себе это имя, и никогда сыном дука не был!

— Зачем им нужна эта расписка?

— Гидальго! — вступил в разговор Орест. — Вы впадаете в детство, задавая детские вопросы!.. Разумеется, им нужна была эта расписка, чтобы уничтожить ее, а потом взыскать с вас, как это и сделал этот сиятельный дук через своего поверенного Сладкопевцева!

— Петушкина! — поправил Саша Николаич.

— Не придирайтесь к словам, гидальго!.. Вы знаете, когда я нездоров, как выражается ваша матушка, — продли Небо ее годы! — я бываю тугой на фамилии; во всем же остальном у меня ясность ума необычайная. Итак, вы теперь понимаете, зачем им нужна была расписка?..

— Но откуда же они могли знать, что она хранится у меня вместе с другими документа-

ми в бюро, когда я сам настолько забыл об этом, что, когда она пропала, сомневался даже, была она тут или нет?

— А появление у вас этой княгини Сан-Мартино, невестки прекрасного дука?. Вы ей демонстрировали автограф кардинала де Рогана, который извлекли из свертка, где лежала расписка!.. Помните, я еще тогда лежал под окном...

— А ведь и в самом деле! — согласился Саша Николаич.

— Вот то-то, гидальго! Слушайте в другой раз умных людей!

— Да ведь этот дук, выходит, хотел смоненичать?

— А вы только теперь поняли это?! Поздравляю!.. Знаете, сеньор, я полагаю, что у вас вместо мозгов иногда гастролирует в голове кофейная гуца! Теперь слушайте дальше!.. Способны вы сообразить, как к вам попала обратно эта расписка с надписью прелестной принчипессы, обчихай ее медведица при первой же встрече?.. Я вам сейчас все концы покажу. Сей джентльмен, как вы помните, забрался в этот священный приют и сделал вы-

емку документа. А я вылез из дивана и схватился с ним... Между нами произошло то, что на вульгарном языке называется дракой. И подробностей всего этого происшествия я не помню; если вы спросите — почему, то это будет неделикатно с вашей стороны, ибо вы сами должны понять, в каком я состоянии был: «человекус экс дивасе»... И вот в этой драке я, очевидно, выхватил расписку у стоящего здесь сеньора и сунул ее в карман! Как вам известно, я к себе в карманы никогда не лазаю, ибо у меня в них никогда ничего нет... И расписка могла бы пролежать в моем кармане неопределенное время, если бы я случайно не вытащил ее, когда мадам принчипесса второпях потребовала у меня кусочек бумаги, когда ей было нужно... выхватил и подсунул, сам не зная того, расписку дука! Вот и все!

— Да не найдись эта расписка, с вас полностью взыскали бы деньги, — сказал Савищев. — Мало того, мне был дан платок, пропитанный наркотиком, чтобы я, явившись к вам, попросил бы вас показать эту расписку, кинул бы вам в лицо платок, одурманил вас, унес и уничтожил бы расписку... Но я погоря-

чился и кинул платок в лицо жене дука дель Асидо, и этого он мне не простит. И вот отчего я должен теперь скрываться от его преследований.

— Но ведь это ужасно! — проговорил Саша Николаич.

— Погодите, то ли еще будет! — проговорил Орест и кивнул графу Савищеву: «Продолжай, дескать!»

— Я сегодня, — снова заговорил тот, — решил во что бы то ни стало увидеть дука, который не давал мне денег, и так как через парадный, официальный вход меня к нему не пускали, я пробрался через сад на балкон, думая найти его и объяснить. И тут, на балконе, я услышал ваш разговор в гостиной с княгиней и после того, как вы ушли, не вытерпел, вышел и заговорил с княгиней сам, а в конце разговора кинул в нее этот платок. Но тут явился дук; мне оставалось только скрыться, и я перепрыгнул через балконные перила, но бежать боялся и спрятался в углублении под балконом, заставленном зеленью. Я думал, что они сейчас же кинутся за мной в погоню, и побегут по саду, но когда меня не

найдут, успокоятся, подумав, что я успел убежать, а я, когда стемнеет, выйду и скроюсь... Из-под балкона я слышал разговор дука с женой, которую он привел в чувство! Пока вы говорили с нею, он стоял за портьерой и подслушивал. Она его стала упрекать за то, что он подслушивал, а он, что она говорила с вами. Тогда она сказала, что говорила с вами исключительно для того, чтобы заставить вас уплатить деньги!

— Неправда! — опять воскликнул Саша Николаич, чувствуя, что этот последний удар для него чувствительнее всех предыдущих.

— Клянусь всем, что для меня осталось дорогого, что это правда! — сказал бывший граф Савищев.

«Всю правду» он рассказал не только для того, чтобы заслужить этим убежище для себя у Саши Николаича, но и потому, что знал, что в этой правде были такие подробности, которые не могли не оскорбить чувств Саши Николаича.

Граф Савищев понимал, что ему не поможет никто, кроме Николаева, и потому, выбравшись, когда стемнело, из-под балкона,

прямо направился в трактир, где обыкновенно бывал Орест, нашел его там, рассказал ему все, и Орест привел его к Саше Николаичу. И здесь он стал рассказывать, припасая под конец тот камень, которым хотел доконать ненавистного ему Николаева. Он не сомневался, что тому будет до боли обидно, когда он узнает, что княгиня Мария только ради денег разговаривала с ним.

В этой причиненной боли другому мелкая душонка Савищева видела хоть некоторое удовлетворение за свои несчастья. Для одного этого он был готов признаться во всем Саше Николаичу.

Глава XLVIII

Святая сумма

Наденька Заозерская сидела по обыкновению с теткой и они обе вязали напульсники для бедных.

Княгиня Гуджавели в последнее время реже заезжала за Наденькой; и та скучала в своем одиночестве еще больше после того, как судьба побаловала ее в лице княгини и дала ей возможность хоть немного окунуться в жизнь того счастливого общества, которое только и беспокоится о своем удовольствии и сумело выработать как бы целый комплекс этих удовольствий.

И вот снова сидение с больной теткой, снова напульсники, огромное окно и широкая Нева, однообразно катящая свои волны... И так изо дня в день, без конца и просвета!

Наденька сидела, вязала и глядела в окно, и думала о бедной женщине с ребенком, о которой ей сегодня утром рассказала ее горничная, единственная искренняя приятельница ее. С ней только и можно было поговорить по

душам, когда Наденька хотела этого.

Сегодня утром она пожаловалась Насте (так звали горничную) на свою судьбу.

— И, полноте, барышня! — возразила та, покачав головой. — Вон посмотрели бы, женщина лежит больная, с ребенком — девочкой, семь лет недавно минуло! Уж, значит, все понимает! Мать-то уж второй месяц не встает. Вот этакой жизни не дай Бог!

— А где же ее муж?

— А Бог его знает, где!.. Много горя на свете, барышня!.. А вы говорите, ваша жизнь не красна!..

— Так ведь сейчас же нужно помочь этой женщине! — тут же решила Наденька.

Но горничная словно застыдилась.

— Я не к тому, чтобы попрошайничать! — поспешила заверить она. — Коли Бог попустил, он и поможет!

— Но все-таки, если ей послать денег?

— Да, денег послать, отчего же... можно! — протянула Настя.

У самой Наденьки денег никогда не бывало. Все, что ей было нужно, оплачивала всегда тетка по счетам. Выезжала Наденька все-

гда в придворном экипаже, и если держала в руках монету, то только большой екатеринский пяточок, который был у нее для того, чтобы тушить на ночь свечу, а днем жечь на нем курительные маленькие конусы, называвшиеся «монашками». Поэтому она сейчас же обратилась с просьбой к тетке, чтобы та дала ей денег для бедной женщины.

— Что за вздор! — рассердилась фрейлина Пильц фон Пфиль. — Какие там еще бедные женщины!.. Наверное, какая-нибудь потерянная, которая рада бездельничать!.. Мы делаем, что можем, для бедных, отдаем им свой труд и вяжем из шерсти, а денег я никогда не даю! Это мой принцип! Всех деньгами не оделить, да и взять их неоткуда!..

— Позвольте тогда, — предложила Наденька, — я соберу деньги по подписке! Я знаю, так делают...

— Да! Да! — закивала головой графиня. — Так делала мадам Рожноф, и про нее все говорили, что она, под предлогом сбора для бедных, собирает деньги для себя! Это была, конечно, неправда, но все-таки говорили! И что же? Ты хочешь, чтобы и про нас так говори-

ли?

И вдруг фрейлина Пильц фон Пфиль до того ужаснулась возможности этого, что и про них будут говорить то же, что забеспокоилась и почувствовала мигрень. Потребовалась нюхательная соль, нашатырный спирт, одеколон.

И, как бы изнемогая от страданий мигрени, тетка взяла с Наденьки слово, что та ни за что, ни под каким видом, никогда ни копейки не возьмет ни для бедняков, ни для чего другого ни у кого из посторонних.

Наденька была вынуждена обещать все, что требовала тетка, и подкрепить свое обычное обещание честным словом, но ей от этого не стало легче, а, напротив, облик больной умирающей женщины с маленькой девочкой, как живой, стоял перед ее глазами.

Она никогда не видела настоящей нищеты и представляла себе ее по картинам и театральным представлениям, но это не мешало ей сочувствовать беднякам и желать помочь им.

Наденька целый день думала, как ей быть, и, наконец, приняла твердое решение сделать

для бедной женщины все, что было в ее силах.

— Можно мне поехать к Анне Петровне? — спросила она тетку, улучив минуту.

Тетка всегда разрешала ей съездить к Анне Петровне, матери Саши Николаича, именно ввиду того, что не прочь была бы выдать Наденьку замуж за Сашу Николаича. Она разрешила.

Наденька приехала на этот раз к Анне Петровне очень взволнованная, раскрасневшаяся, с горящими глазами, что, впрочем, ей очень шло.

Анна Петровна очень обрадовалась девушке, сейчас же предложила ей чай пить и стала спрашивать, что с нею и отчего она сегодня такая встревоженная. Наденька, как умела, рассказала ей о бедной женщине.

Анна Петровна сейчас же вызвалась ей помочь и заявила, что скажет сыну, тот, конечно, тут же сделает все, что сможет.

Но Наденька от этого чуть не ударилась в слезы. Нет, она именно этого и не хотела! Тетка так напугала ее рассказами про мадам Рожноф... И потом она дала ей слово... Нет,

она ни за что не хотела, чтобы ей помогали другие, она хотела все сделать сама!

Денег у нее, правда, не было, но у нее зато был медальон, единственная ее ценная вещь (в то время считалось неприличным носить драгоценности). Наденька хотела получить за этот медальон деньги, но ей только жалко было продавать его, а она слышала о том, что вещи как-то отдают под залог, так что получают по ним деньги, а вещи не пропадают. Медальон был полной ее собственностью, и она просила милую, добрую Анну Петровну помочь ей через кого-нибудь получить под медальон деньги. Хотела же она сделать это, не говоря об этом тетке, чтобы не возбуждать лишних и ненужных разговоров.

Анна Петровна прослезилась, тронувшись добродетелью Наденьки, и взяла от нее медальон, как это делают с детьми, когда не хотят обидеть их.

После этого они пили чай и долго говорили, обсуждая жизнь человеческую с философской точки зрения.

Все было великолепно, но, когда Наденька уехала и Анна Петровна осталась с ее меда-

льоном в руках, ей пришлось сильно задуматься, как же ей быть, чтобы исполнить принятое от Наденьки поручение.

Сыну она не хотела говорить, потому что сама Наденька особенно просила об этом, да и чувствовала, что неловко было посвящать его в это дело. Он, наверное, не повез бы закладывать медальон, и вышло бы совсем не то, что нужно.

Послать вещь в заклад с кем-нибудь из слуг Анна Петровна стыдилась.

На Тиссонье рассчитывать было нельзя, так как он плохо говорил по-русски и не нашел бы даже дороги в ломбард.

Оставался один Орест.

Так как выбора не было, Анна Петровна остановилась на этом человеке. Он был вполне подходящим человеком, ему все можно было бы объяснить. А соображение, что Орест может пропить полученные деньги, даже не приходило в голову наивной Анне Петровне, убежденной, что не может найтись на свете человека, который решился бы растратить такую «святую сумму», как мысленно выразилась Анна Петровна.

Она позвала лакея и приказала попросить к себе «месье Ореста», если «они дома».

«Они» были дома и в изрядном подпитии, и лежали дома на диване, задрвав ноги на стену.

Глава XLIX

Выгодный оборот

Орест лежал у себя на диване, главным образом, конечно, потому, что не имел моравидисов, спросить которые не решался у Саша Николаича, ввиду его возвышенного настроения, когда того нельзя было беспокоить предметами материальными и низменными.

Кроме того, Орест был подавлен до некоторой степени событиями. Жизнь начинала разворачиваться вокруг него, точно сложный роман, полный хитросплетений, и, чем дальше, тем больше запутывались они.

«А ведь выходит так, — размышлял он, — что даже трезвому занятно!»

— Чего? — поднял он голову в ответ на появление в дверях лакея, явившегося звать его к Анне Петровне.

— Вас барыня просят! — угрюмо доложил лакей.

— Барыня?

Но лакей, исполнив то, что было приказано ему, повернулся и ушел, видимо, не желая

входить в положение недоумевающего Ореста.

Последнему совсем не хотелось идти к барыне, но делать было нечего. Как тут не пойти, в самом деле?

Орест покосился на себя в зеркало; хохолок на макушке торчал, рожа была скверная с похмелья.

«Хоть бы полотеров нанять, что ли, чтобы мою рожу в порядок привести!» — подумал он, но, не сделав ничего для украшения внешности, как был, пошел к Анне Петровне.

После того как он побывал у княгини Сан-Мартино, Анна Петровна казалась ему уже не такой важной особой, как прежде.

Он вошел к ней, расшаркался и поскорее сел, потому что не помнил наверное, разорваны у него сзади брюки или нет.

Идя к Анне Петровне, он упустил из виду это обстоятельство, но теперь припомнил, и его взяло сомнение. Оттого-то он и терпеть не мог бывать в дамском обществе, что там требовалась такая щепетильность, что дворянину с разорванными брюками надо было краснеть.

— Месье Орест! — начала Анна Петровна. — У меня к вам есть просьба!..

Орест нацелил на нее взгляд так, будто хотел то ли попасть в нее бильярдным шаром, то ли опять попросить денег взаймы.

— Видите ли, в чем дело! — пояснила Анна Петровна. — Наденька Заозерская, то есть... Я хочу сказать, что... у Наденьки Заозерской... словом... она просила меня... привезла мне медальон и... просит... понимаете, миленький... словом, ей нужны деньги для одной бедной женщины...

Орест ничего не понял, но все-таки не смог удержаться, чтобы не сказать:

— Это я понимаю!.. Потому что и мне нужны деньги для одного бедного мужчины...

— Для кого?

— Для одного бедного мужчины, то есть для меня самого, ибо могу вас уверить, глубокоуважаемая Анна Петровна, что я мужчина бедный и нуждаюсь в деньгах!..

— Да, да!.. Вы даже брали у меня один раз... помню! — согласилась Анна Петровна, искренне не понимая намека Ореста. Она с детства воспринимала только такие понятия, ко-

торые ей были изложены без всяких околичностей.

— Ну так вот, — сказала она, — я могу вас попросить сделать это?

— Пожалуйста! — согласился Орест, думая, что сейчас последует объяснение, что именно он должен сделать.

Но Анна Петровна достала из ящика на столике у кушетки, на которой она сидела, медальон и протянула его Оресту.

— Вот, возьмите!

— Это мне? — осведомился Орест, недоумевая, зачем ему этот медальон.

— Ну да, чтобы... отнести в ломбард.

— Понимаю! — сообразил, наконец, Орест. — Вы хотите оказать мне субсидию в таком виде?

— Как субсидию в этом виде, миленький?..

— Ну да! Ввиду отсутствия у меня денежных знаков, вы предоставляете мне эту ценную вещь, с тем, чтобы я обратил ее, с помощью ломбарда, в деньги, каковые и употребил бы на свои нужды, в качестве заемного капитала, полученного от вашего благодеяния.

В общем Анне Петровне даже нравилось, как выражался Орест. Ей казалось, что это очень серьезно и дельно, потому что она не привыкла к таким оборотам и мудреным словам, вроде «каковые»... Но самую суть содержания речей Ореста она осталась недовольна.

— Да нет же! — даже испугалась она. — Вы не должны тратить эти деньги, потому что они, эти деньги, — святая сумма, предназначенная бедной женщине!

«А она тоже пьет?»- хотел спросить Орест, но воздержался, так как был уже утомлен долгим разговором.

— Так-с! — протянул он. — Значит, я должен заложить медальон и принести вам деньги?

— Ну да! Именно, миленький!

Орест подумал и после некоторого молчания важно добавил:

— Для вас, Анна Петровна, я могу это сделать!

— Благодарю вас, голубчик! — с чувством поблагодарила она.

«Оборот сей будет выгодным!» — мысленно решил Орест, взял медальон и, помня о

своём сомнении относительно разорванных брюк, пятясь, вышел из комнаты.

А Анна Петровна, воображая, что она не только отлично устроила это дело с медальоном Наденьки, но и вообще умеет устраивать всякие дела, сделала сама перед собой скромный вид, что она вовсе не гордится этим.

Глава I

Еще платок

Мифология, перешедшая в наследство из восемнадцатого в начало девятнадцатого века, была в большом ходу в то время, и Орест слышал подробности о Парисе, на суд которого пришли три богини.

Недолго думая, он решил, что сам до некоторой степени Парис; правда, в сущности, он не стал бы ни с кем спорить из-за этого: между ним и Парисом не было ничего общего.

Во-первых, не было яблока, а во-вторых, не было спора между богинями, но богини были, хотя они и приходили не к нему на суд, а приглашали его к себе.

Дело было в том, что, вернувшись от Анны Петровны, Орест нашел у себя письменное приглашение Жанны, или, вернее, княгини Жанны, которая требовала, чтобы он как можно быстрее пришел к ней.

«Вот что называется быть нарасхват!» — сам себе сказал Орест, представляя Анну Петровну, княгиню Жанну и княгиню Марию в

виде трех богинь.

Брюки у него сзади оказались действительно разорванными. Он, недолго думая, отправился в гардероб Саши Николаича, взял у него первую попавшуюся для себя нужную часть костюма и надел ее.

Часть костюма оказалась ему коротка, но Орест пренебрег этим как человек, стоящий выше подобных мелочей жизни.

Он явился к дому дука дель Асидо и дал о себе знать довольно оригинальным способом, не желая пользоваться обычной манерой, то есть докладом о себе через слуг.

Он подошел к окнам Жанны и запел хрипловатым басом нежно-чувствительную песенку, которую, как он слышал в детстве, пела его мать; Жанна услышала под окном песню Ореста и не могла не выглянуть на улицу, заинтересовавшись, кто это пел такие нежные французские слова таким несоответствующим, хриплым голосом.

— А-а! Это вы! — узнала она сейчас же Ореста и не могла не улыбнуться при виде его действительно смешной в укороченном костюме фигуры. Особенно забавным казался

при этом серьезный вид, деловитый и сосредоточенный.

— Войдите! — пригласила она. — Мне нужно поговорить с вами!

— Не люблю я, — сделал гримасу Орест, — эти условности светской жизни, относительно парадной лестницы и прочего... Дозвольте непосредственно в окно...

И прежде чем Жанна успела опомниться, Орест был уже внутри комнаты, перескочив через низкий подоконник.

— Вы чрезвычайно эксцентричны! — сказала Жанна не то в порицанье, не то в оправданье Ореста. — Я позвала вас, чтобы предупредить...

— Если это относительно дука дель Асидо, — заявил Орест, — то я был бы очень рад этому.

Орест и сам не знал хорошенько, что говорит, потому что у него в последнее время все спуталось: старик Белый, дук дель Асидо, Борянский, разговор, который он услышал, лежа на кровати за ширмой у Борянского, и, главное, то, что узнал из рассказа бывшего графа Савищева, и он пришел на свидание из

дома Николаева, уже многое зная. Роль Жанны, правда, во всем этом не так была ясна Оресту, и он пришел по ее приглашению как-то просто по инерции, запутавшись помимо своей воли во все эти дела.

— Вы ничего не слышали об одном кладе? — спросила Жанна.

— А, вам эта история известна-с? — сказал Орест. — Этому дуку дель Асидо, который переодевается в белого старика....

— А вы-то почему знаете об этом? — удивилась Жанна.

— Из достоверных источников, — коротко ответил Орест. — Этому дуку зачем-то понадобилось уверить меня, что я должен отыскать какой-то клад.

Жанна смотрела на него большими глазами, раскрытыми в удивлении.

О том, что затевал дук, она знала потому, что услышала об этом, воспользовавшись тайным ходом. Но откуда Орест мог знать все подробности этого? Она знала, что он ни с какой стороны не принадлежал к обществу, а между тем он знал не только название Белого, но и того, кто переодевается в него.

Все это показалось Жанне до того сложным, что она не могла решить сейчас ничего. Если бы Орест Беспалов был только смешной, пьяный человек, то откуда же явилась его почти проникновенная осведомленность, доходившая до того, что он знал ее настоящее имя, о чем, как бы случайно, упомянул тогда на маскараде.

— Ну, господину дуку будет наклеен нос! — продолжал Орест. — Я покажу этому шуту за морскому, как русские люди водку пьют!

— А вы не боитесь его?

— В каком это смысле?.. Чего мне бояться его, если я все знаю про него, а он про меня ничего не знает?

«А вдруг это и в самом деле — агент иезуитов?» — усомнилась Жанна, все более и более изумляясь Оресту.

Она видела, что его отношение к дуку неблагоприятное, и в этом смысле готова была взять его себе в сообщники, для того чтобы отомстить дуку Иосифу такой же насмешкой или злой шуткой, какую он готовил для нее. Но она не могла распознать, как относится Орест к обществу «Восстановления прав обез-

доленных» и не является ли он врагом этому обществу?

А враждовать с обществом сама она не хотела. Напротив, она мечтала о том, чтобы, высмеяв дука Иосифа, лишить его власти и значения, самой занять его место в петербургской фракции общества. Поэтому она вовсе не желала, чтобы Орест, знавший какими-то неведомыми для нее путями тайны общества, принес им вред.

Не зная еще, на что решиться, Жанна рискнула прежде всего попробовать с Орестом способ подкупа, то есть соблазнить его денежными выгодами, которые она якобы могла предоставить ему.

На заседаниях общества под председательством Белого она узнала, что источником солидного богатства может служить латинский молитвенник, находящийся в руках Тиссонье, и ей пришло в голову прежде всего воспользоваться близостью Ореста к дому Николаева, у которого жил Тиссонье.

— Хотите ли вы получить большую сумму денег? — спросила она Ореста.

— Всякий дурак этого хочет! — сказал тот

и сейчас же пояснил: — А всякий дурак — это я!

— Так если вы хотите войти со мной в одно дело, то я укажу вам путь...

— К получению большой суммы денег?

— Да. И для этого вам стоит только достать мне хотя бы на один вечер латинский молитвенник...

— Который у француза Тиссонье? — воскликнул Орест. — Эх вы мне надоели с этими молитвенниками! Вам-то зачем?

— Это моя тайна.

— Ну, я знаю эту тайну! — махнул рукой Орест. — Это разгадывать загадки по буквам на основании ключа в медальоне!..

«Боже! И это он знает! — почти с суеверным страхом ужаснулась Жанна. — И этого человека дук считает простым пьянчужкой!»

Она не могла и подозревать, что так удивившая ее осведомленность Ореста имеет очень простое происхождение: рассказ и чистосердечные признания бывшего графа Савищева. Через него Оресту стало известно, что он действовал под именем Люсли. Бывший граф Савищев под влиянием страха, что

его будет преследовать дук, и будучи опьянен выпитым с Орестом вином, все разболтал ему.

— Вам известны все тайны общества?! — воскликнула Жанна.

— «Восстановления прав обездоленных»?

— Да кто же вы?

— Орест Беспалов!

— Но откуда вы знаете все?

— Из достоверных источников! — с бесстрастной важностью и убедительностью ответил Орест. Ему нравилось то удивление, в которое его слова повергли Жанну.

— Однако ведь эти достоверные источники должны же иметь какое-то происхождение? Одно из двух: или вы сами должны состоять членом общества, или обладаете сверхъестественной способностью узнавать чужие тайны! А я знаю, что членом общества вы не состоите; что же касается сверхъестественной способности, то я в нее не верю, как и во все сверхъестественное, а потому и не могу понять...

— И становитесь в тупик?

— Но тем не менее желаю выяснить...

— Любопытство, значит?

— Может быть, и не одно любопытство, а и осторожность, чтобы знать, с кем имею дело: с врагом или с таким человеком, с которым я могла бы сойтись на определенных условиях и действовать сообща.

— Это со мной-то?

— Что с вами?

— Действовать сообща?

— Ну да, с вами! Отчего бы и нет?..

— Позвольте, моя прекрасная дама, в силу каких атмосферических движений я буду действовать сообща с вами, когда, если захочу, и один могу сладить все?

Эту фразу Орест, которому надоело говорить по-французски, вдруг выпалил по-русски, потому что она у него вырвалась, так сказать, от души...

— Что вы говорите? — не поняла Жанна.

— Я говорю, зачем я буду делать вместе, если могу сделать один? — перевел Орест суть своей фразы на французский язык.

Жанна поняла это как вызов с его стороны на дальнейшие переговоры и потому сейчас же продолжала:

— Да, но вы один можете достать молитвенник, а я знаю, у кого находится медальон, и я могу достать его.

«А что если поразить ее? — мелькнула вдруг мысль у Ореста ни с того ни с сего. — Чего она мне тут, на самом деле, бобы разводит? Пусть понимает Ореста Беспалова!»

— Да и медальон уж у меня! — проговорил он.

— Как у вас?

— Очень просто... желаете посмотреть? Вот он... нате!

И Орест Беспалов достал из кармана медальон Наденьки Заозерской, порученный ему Анной Петровной.

«На, мол, разбирай, тот это медальон или не тот!»

Жанна каким-то быстрым, кошачьим движением выхватила из рук Ореста медальон, открыла его и крикнула, исполненная удивления:

— Да, в этом медальоне действительно есть ключ! Вот эти цифры, должно быть, и составляют этот ключ.

Внутри медальона была миниатюра из

слоновой кости, изображавшая маркиза в напудренном парике, а на обратной стороне крышки был вырезан ряд цифр, на который и показывала Жанна.

— Какие цифры? — усомнился Орест в свою очередь, вовсе не ожидавший, что медальон в его руках может заключать что-нибудь особенное.

— Да как же, вот, — заволновалась Жанна, — вот эти цифры указывают, в каком порядке надо взять подчеркнутые буквы в молитвеннике...

— Вот оно что! — протянул Орест. — Так тогда — нет-с, пожалуйста-ка мне медальон, — и он протянул руку, чтобы без церемонии взять медальон у Жанны из рук.

Ее глаза блеснули, она почувствовала, что переживает один из тех моментов в жизни, когда может решиться ее судьба. В самом деле, если этот медальон останется у нее в руках и она каким-нибудь путем добудет молитвенник, тогда она помимо дука дель Асидо завершит важное для общества дело и таким образом по праву сможет стать во главе его петербургской фракции.

С Орестом ей стесняться особенно было нечего, никто не видел, как он попал к ней через окно. Поэтому Жанна ловко достала из кармана платок, распустила его и бросила в лицо Оресту.

Этот платок имел те же свойства и был приготовлен по тому же рецепту, как и тот, который был дан дуком бывшему графу Савищеву.

Но на Ореста он не оказал никакого действия. Получив платок в лицо, он вдохнул в себя воздух, но вместо того, чтобы упасть под воздействием наркотика, преспокойно снял платок со своего лица и кинул его в Жанну....

В то же мгновение она, как подкошенная, упала на пол.

Орест никак не ожидал этого, испугался, растерялся и, не зная, что ему делать, решил немедленно удалиться от зла, схватив медальон. Выскочив в окно и оглянувшись, увидел, что никто не заметил этого, и он не побежал, но пошел довольно мерным шагом, как будто он прогуливался.

И его никто не остановил.

Глава LI

Медальон графини Косунской

Княгини Гуджавели не было дома, прислуга в комнаты без зова не заходила, и Жанна могла бы пролежать, одурманенная до состояния обморока, очень долго, если бы случайно не спустилась вниз и не зашла к ней княгиня Мария.

Увидев лежащую на полу Жанну, княгиня Мария кинулась к ней и, заметив платок, сразу поняла, в чем дело, потому что сама недавно испытала на себе его действие.

Она откинула платок в сторону, распустила шнуровку на груди у Жанны и увидела, что на теле Жанны одета плотная рубашка, закрытая до самой шеи.

Расстегнув и откинув фуфайку, чтобы сделать дыхание свободнее, княгиня Мария увидела на левой стороне груди у Жанны красный знак выжженной лилии, и узнала в нем клеймо палача.

Она отшатнулась и вскрикнула.

Приток свежего воздуха и освобожденное дыхание вернули Жанне силы, да и наркоз уже, вероятно, терял свое действие.

Жанна открыла глаза, увидела княгиню Марию, увидела свою расстегнутую фуфайку, открытую грудь и клеймо на ней и с неизвестно откуда взявшейся нечеловеческой энергией вскочила и вскинулась на княгиню Марию:

— Как вы смели! — начала она.

Однако княгиня Мария перебила ее невольно вырвавшимся у нее криком:

— Клейменная!.. Каторжная!..

— Да, клейменная! Каторжная! — в страшной злобе, не помня себя, в свою очередь закричала Жанна. — Но прежде всего я — ваша невестка, и если вы будете позорить меня, то этот позор упадет и на вашу голову!

Гордость княгини Марии была уязвлена слишком чувствительно, чтобы она не постаралась сейчас же восстановить свое якобы попорченное достоинство. Она встревожилась, несомненно, величественно оглядела Жанну и брезгливо сказала:

— Если брат моего мужа сделал вам честь,

женившись на вас, и дал вам свое имя, то, я уверена, вы обманули его или он не знал вашего прошлого и этого отвратительного знака, который у вас на груди и который свидетельствует о вашем прошлом!

— А-а! Вы так разговариваете! — начала Жанна. — Ну так я скажу вам, что мое прошлое вовсе не таково, чтобы передо мной могла чваниться жена самозваного дука... Если хотите знать, кто я на самом деле, я скажу вам!.. Я — графиня Жанна де Ламот, по прямому происхождению — Валуа, и не вашему самозваному мужу, проживающему темными делами, кичиться передо мной...

— Однако же прошу вас не забывать, что вы живете и теперь находитесь в доме дука, моего мужа, и пользуетесь его гостеприимством...

— Неправда!.. Я только делю с ним то, что он добывает воровским образом!.. Я не считаю себя ничуть обязанной ему...

В это время отворилась дверь и вошел дук дель Асидо.

— Что такое?.. Что тут за шум? — заговорил он, строго и внимательно оглядывая кня-

гиню Марию и Жанну.

Взбешенная Жанна, не зная, чем еще досадить, выбрала самое неприятное из всего, что могла сказать дуку:

— Что тут произошло? — воскликнула она. — А то, что вы — старый глупец, и больше ничего... что вы слабая пародия на человека и деятеля, что вы можете обмануть своей фальшивой фамилией и заученными манерами такую ходячую пустоту, как ваша жена, но ни меня, ни настоящих людей вы не обманете... Тот, кого вы считали презренным, — Орест Беспалов, — на самом деле оказался искуснее вас... Он сейчас только был здесь и от него я узнала, что ваше дело с медальоном и молитвенником пропало для вас, слышите ли?.. Пропало!.. Потому что и молитвенник и медальон — он мне показывал его — находятся у него!

— Что за вздор вы говорите?! — перебил вдруг дук Иосиф. — Какой Орест Беспалов был здесь? Какой медальон у него?

— Тот самый, который вы ищете!

— Какие пустяки!

— Вы видите этот платок?.. — показала

Жанна на отброшенный в сторону и лежавший на полу платок. — Он приготовлен по известному вам способу... Ну так вот, я кинула этот платок в лицо Оресту и я, не верящая в сверхъестественное, увидела своими глазами, что этот платок на него не подействовал... Я думаю, даже этого достаточно, чтобы признать Ореста Беспалова не только пьянчугой, а исключительным человеком!

— Этого достаточно, — спокойно улыбнулся дук, — чтобы признать, что платок был плохо приготовлен!

— Тогда, — возразила Жанна, — он не подействовал бы и на меня!.. А этот Орест спокойно снял его с лица, кинул его в меня, и я упала в тот же миг... Ну так вот, знайте теперь, что ваше дело не удалось!..

— Позвольте! — остановила ее княгиня Мария. — Вы знаете, — обратилась она к мужу, — что у этой женщины на груди клеймо палача?

— А ты откуда знаешь это? — вырвалось у дук а дель Асидо.

— Как?! — воскликнула княгиня Мария. — Так это вам было известно?! Так, значит, все

правда, что говорила эта женщина? Что вы — самозванный дук, что живете темными делами... воровскими...

— Эта женщина — сумасшедшая, — проговорил дук, — и вам не следует быть вместе с нею здесь!.. Пойдемте отсюда!

Дук взял княгиню Марию за руку и вывел ее. На лестнице он остановился и спросил у стоявших там лакеев:

— Вы все время находились тут?

— Да! — ответили слуги в один голос.

— Кто-нибудь приходил сюда, вниз?

— Решительно никого.

— Вы это наверное знаете? И сможете показать под присягой?

— Можем.

Тогда дук, обратившись к жене, сказал:

— Ну, ты видишь, что эта несчастная сошла с ума и в своей галлюцинации дошла до того, что глупого Ореста, пьяного бездельника, приняла за одаренную свыше натуру и за какого-то сверхъестественного человека?!

Они поднялись по лестнице и уже наверху княгиня Мария спросила мужа:

— А то, что она говорила про дело, ведь

это, кажется, то самое, на которое ты единственно рассчитываешь?..

— Не беспокойся! — сказал дук. — Это дело у меня в руках! Мне нужно только достать молитвенник, а медальон, который служит к нему ключом, у меня в кармане!.. Я только что получил его от старой кормилицы графини Косунской, — в доказательство своих слов дук Иосиф вынул из кармана медальон и показал его княгине Марии.

Глава LII

Мечь

От княгини Гуджавели у Жанны не было тайн, и когда та вернулась домой, Жанна сейчас же поспешила рассказать ей обо всем случившемся.

Княгиня пришла в неистовство; восточная кровь заговорила в ней и она потребовала немедленной и беспощадной мести.

Жанна и сама более ничего не желала, как отомстить скорее, и они стали сначала обсуждать, кому именно надо было отомстить и за чем, а затем, каким образом это можно было сделать.

Они обе признали и согласились на том, что главным виновником был все-таки дук.

Жанна узнала, что он был уязвим только с одной стороны, то есть, что на него можно было воздействовать только через его жену.

И вот они обсудили план мести в подробностях и сейчас же принялись приводить его в исполнение.

Для княгини Гуджавели осталась задача

отправиться в качестве парламентаря наверх к княгине Марии. Она долго там разговаривала с нею. В конце концов, она добилась того, что княгиня Мария обещала исполнить ее просьбу, а именно, спуститься к ним вниз в первый же раз, когда к дуку придет так называемый Белый. Тогда она, княгиня Мария, увидит и узнает такие вещи, которые сразу же раскроют ей правду и которые слишком интересны, чтобы пренебрегать ими.

Княгиня Гуджавели до того возбудила любопытство Марии, что та обещала сойти вниз, хотя и недоумевала, зачем ей нужно было это делать.

Княгиня Гуджавели очень красноречиво доказала, что Жанна — вовсе не сумасшедшая и что Орест Беспалов, по всей видимости, действительно, тайный иезуит, потому что умеет проникать в такие тайны и обладает такой силой, что не может быть простым смертным.

С этим княгиня Мария не могла согласиться и, зная Ореста с детства, не смогла удержаться, чтобы не расхохотаться самым искренним образом.

— Это Орест-то — тайный иезуит?! — воскликнула она, — Да он ни в какие иезуиты не годится!.. Ведь нужна особенная фантазия, чтобы из Ореста сделать вдруг какое-то таинственно-романическое лицо!

Княгиня Гуджавели не настаивала особенно на этом пункте; ей было гораздо важнее другое: представить биографию Жанны княгине Марии в таком свете, чтобы вызвать жалость и сочувствие к ней, и тут-то ей особенно потребовались все ее красноречие и горячность.

Она преуспела-таки в этом. Княгиня Мария изменила свой взгляд на Жанну как на «преступницу» и готова была признать свою неправоту перед нею.

Княгиня Гуджавели намекнула было, что недурно было бы пойти и извиниться перед Жанной, но к этому княгиня Мария не выказала никакой склонности, и Гуджавели не настаивала.

Разговаривая с княгиней Марией, она все время прислушивалась, не идет ли дук Иосиф. Ей не хотелось, чтобы он застал их за этим разговором. И, как только она услышала

его шаги в соседней комнате, тотчас же встала, чтобы уйти. Однако дук появился раньше и они волей-неволей встретились.

Он оказался в отличном расположении духа, вошел бодрой походкой, высоко держа голову.

«Ишь ты, каким победителем!» — невольно подумала княгиня Гуджавели про него.

— Знаешь, Мари, — заговорил дук, обращаясь к жене, — я думаю в будущее воскресенье сделать у нас вечер, с тем чтобы пригласить всех... Дом у нас такой, что мы можем принять не хуже других. Если будет хорошая погода, мы можем устроить праздник в нашем саду... Займись списком приглашенных, а я берусь все сделать так, что о нашем вечере станут говорить в городе. Словом, лицом в грязь не ударим...

Для того чтобы осуществить высказанный дуком проект, прежде всего были необходимы средства, и княгиня Мария сразу же поняла, что эти средства у ее мужа появились, если ему не жаль истратить деньги на праздник.

— Мы еще ни разу, — продолжал дук, — не

принимали у себя, и надо, чтобы наш первый прием был достоин нашего имени.

Все это очень нравилось княгине Марии, она слушала с большим удовольствием мужа. Слушала и княгиня Гуджавели, считавшая неловким уйти, пока продолжается эта беседа.

Но этот разговор, интересный, в особенности, для княгини Марии, должен был скоро прекратиться, потому что вошел лакей и доложил, что старик Белый явился и просит принять его...

Дук сейчас же вышел, Гуджавели бросилась к княгине Марии, схватила ее за руку и почти насильно повлекла за собой.

— Идемте, идемте! — торопила она. — Вы же обещали спуститься к нам, как только придет этот Белый...

Княгиня Мария последовала за нею.

Они спустились вниз, достигли комнаты Жанны; перед княгиней Марией отворился шкаф, служивший входом в тайник, и княгиня Гуджавели сказала ей:

— Войдите туда и наблюдайте за тем, что увидите...

Все произошло так быстро, что княгиня Мария едва успела опомниться...

И, опомнившись, она очутилась уже у отверстия, в котором, к своему удивлению, увидела мужа и старика Белого.

Они разговаривали. Дук сказал что-то, засмеялся и прошел в соседнюю с кабинетом уборную.

Через некоторое время оттуда вышел точно такой же старик, какой остался в кабинете. Княгиня Мария легко догадалась, что это переодетый дук.

Теперь ей стали ясны частые посещения их дома этим стариком. Ее муж под видом старика отправлялся куда-то.

Для открытого, честного дела не переодеваются, и княгиня Мария вспомнила выкрик Жанны, что самозванный дук занимается «воровскими штуками»...

Растерянная и бледная, она вернулась в комнату Жанны.

Де Ламот была больна — на самом деле или притворно, трудно было сказать, — хотя и перенесенный удар мог бы свалить ее весьма легко. Она лежала в капоте в своей постели.

ли поверх одеяла и изредка стонала.

— Каким образом вы устроили этот ход? — спросила княгиня Мария, до того пораженная, что сразу не сообразила нелепости этого вопроса.

— Разве мы могли устроить этот ход? — слабо произнесла Жанна. — Мы открыли его совершенно случайно; а устроен он был уже раньше...

Она не хотела объяснять, что получила указание на этот ход от неизвестного благоприятеля в анонимном письме.

— А вы таким образом следили за дуком? — воскликнула княгиня.

— Но ведь и вы сейчас сделали то же самое!

Княгиня должна была сознаться, что это правда. Она не только сама сейчас следила за дуком, но и желала продолжать свои наблюдения, вернувшись снова в тайник, когда переодетый в Белого дук придет домой и пройдет к себе в кабинет.

— Кто же этот старик и какие у него дела с дуком дель Асидо? — допытывалась Мария.

Но Жанна с некоторым оттенком оскорб-

ленного достоинства, как бы показывая, что не желает входить в подробности из боязни какой-нибудь новой выходки со стороны княгини, на все ее вопросы отвечала только:

— Подождите немного, и вы сами все узнаете и увидите...

Княгиня Мария сильно желала все увидеть и узнать сама, потому что она и не поверила бы никаким рассказам.

Дук отлучился ненадолго, и вскоре послышался стук подъехавшей кареты.

Княгиня Мария поспешно устремилась в тайник и увидела, как ее переодетый муж был впущен в кабинет каким-то совершенно таким же стариком, двойником которого он являлся.

Дук вошел очень поспешно, держа в руках толстую книгу в кожаном переплете.

— Теперь все здесь! — сказал он. — Вот молитвенник, а здесь медальон, и стоит только сличить две вещи...

Он говорил и доставал в это время из запертой шкатулки медальон, который тогда показывал на лестнице княгине Марии.

— А тебе известно, как надо дешифровать

сделанное таинственное указание? — спросил настоящий старик.

— О да! — уверенно произнес переодетый дук. — Это очень просто! В этом медальоне под портретом, вставленным в него, есть кусок пергамента, а на нем написан ряд цифр. На каждой странице этого молитвенника подчеркнуто по одной букве. Цифры в медальоне указывают на те страницы, на которых находятся буквы, составляющие слова указания. Вот и все! Конечно, мне хочется поскорее узнать, где это место, в котором хранится сокровище, способное обогатить нас...

Дук достал из медальона кусок пергамента с цифрами и быстро стал перебирать страницы молитвенника.

Вдруг он вздрогнул, захлопнул книгу и бесильно опустился в кресло.

— Нет, этого не может быть! — хрипло произнес он. — Не может быть!.. Это кошмар!.. Наваждение...

Он сделал над собой усилие, опять взялся за молитвенник и опять откинул его.

Княгине Марии видно было при этом его лицо. Оно было бледно, посиневшие губы

скривились и вздрагивали, глаза словно выкатились и уставились в одну точку.

— В чем дело? — спросил старик.

Дук безвольно поднял руку, но она сейчас же упала, и он с расстановкой, с трудом произнес:

— По ключу и молитвеннику вышли слова: «Орест Беспалов все знает и ничего вам не скажет»... — он замолк; потом его губы снова зашептали:

— Кто же это, кто в самом деле — этот Орест?! Я не поверил Жанне де Ламот, предупреждавшей меня рассказом о том, что сделал с нею этот человек. Я дал бы голову на отсечение, что это у нее была галлюцинация... Но ведь я сам-то не сплю теперь?.. Ведь все мои способности, к сожалению, слишком отчетливы... Проверь, не ошибаюсь ли я?!

Другой — настоящий старик — проверил и опять вышло то же самое: из латинских букв молитвенника составила французская фраза: «Орест Беспалов один все знает, и ничего вам не скажет!»

— Ну да!.. Да! — заговорил опять дук. — Этот человек обладает как будто сверхъесте-

ственными средствами, и, может быть, когда я говорил, что он тайный агент иезуитов, и думал, что говорю это в насмешку над Жанной де Ламот, у меня была интуиция и я сам, того не ведая, разгадал истину?!.. Иначе, что же это?.. Как же это?.. Здесь очевидна его рука, очевидно, что это дубликат медальона, сфабрикованный им самим, а подлинник находится у него самого и он его действительно показывал Жанне де Ламот!

— Что же из всего этого ты заключаешь? — медленно проговорил старик.

— Что все рухнуло, мы разорены, что я, не боявшийся никого на своем веку, нашел, наконец, в Оресте Беспалове такого сильного врага, с которым сам не могу справиться и который взял верх надо мной... До сих пор я чувствовал себя сильнее других, теперь я нашел человека сильнее себя... Но я еще не сдамся так легко, я еще попробую бороться!..

— Ты все еще хочешь бороться?..

— Да, да! — воскликнул дук и, упав в полном изнеможении, бессильно откинулся на спинку кресла.

Глава LIII

Последняя ставка

Саша Николаич был сильно поражен вероломством княгини Марии. Иначе он и не мог назвать ее отношение к нему.

Он, питавший к ней самые нежные и возвышенные чувства, никак не ожидал, что она так жестоко надругается над ним и его чувствами, и окажется не только не соответствующей идеалу, какой себе представлял Саша Николаич, но, напротив, явилась как бы полной противоположностью этому идеалу.

И всегда, как это бывает, чем больше он был влюблен и отуманен красотой княгини Марии, тем сильнее было его разочарование и тем больше теперь он ненавидел ее.

Теперь, разочаровавшись в княгине Марии, Саша Николаич настолько же преувеличивал и свое разочарование. Его возмутил ее разговор с ним, но он окончательно убедился, как ему казалось, в ее ехидстве и в том, что она недостойная женщина, после того, как услышал рассказ бывшего графа Савищева о

подслушанном им разговоре, который состоялся у дука с его женой.

Саша Николаич не мог простить княгине Марии, что она говорила с ним только ради получения от него денег.

Он сидел у себя в одиночестве, дулся на весь мир и уже готов был проклясть огулом всю человеческую породу.

В своем одиночестве он видел только одно постороннее лицо — Наденьку Заозерскую, приезжавшую к его матери.

Он должен был признаться сам перед собой, что всегда, во всех случаях жизни, даже в минуты полного отчаяния, которые ему приходилось переживать прежде, Наденька Заозерская всегда производила на него тихое, умиротворяющее впечатление. В ней было что-то до того ласковое, душевное, притягивающее к себе, что у Саши Николаича, хотя и не билось сердце сильнее, когда он видел ее, но на душе становилось легче и он чувствовал себя добрее и лучше. И он всегда так думал о Наденьке Заозерской и иначе не мог на нее смотреть, и вот только появление княгини Марии внесло полный разлад в его отноше-

ния, главным образом, с самим собой.

Теперь Саша Николаич мало-помалу приходил в себя снова и, чем больше он думал о Наденьке Заозерской, тем ему становилось легче и тем уравновешеннее он становился сам в своих чувствах.

Чтобы избежать всякого соблазна, он решил, что не станет больше и смотреть на княгиню Марию, и встречаться с нею не станет, и не увидит ее никогда.

Однако только что он решил так, как тотчас же должен был не только увидеть ее, но и говорить с нею.

Княгиня Мария явилась к нему сама. Она пришла под густой, темной вуалью, не назвала лакею своей фамилии для доклада и открыла лицо только тогда, когда осталась наедине с Сашей Николаичем.

Она сильно побледнела, осунулась и похудела так, что ее щеки ввалились, черные глаза выдались вперед и стали еще больше, но не красивее — покрасневшие веки портили их.

Возле ее глаз Саша Николаич сразу же заметил морщинки, гусиные лапки, на которые

прежде, очевидно, внимания не обращал.

Княгиня Мария пришла, откинула вуаль, села и заранее достала платочек, как будто знала, что заплачет.

И это было неприятно Саше Николаичу, который ужасно не любил женских слез.

«Ну что она может сказать мне?» — грустно, бередя себе душу, думал он. Он словно бы глядел на черепки еще недавно нравившейся ему и дорогой для него вещи. Впрочем, в том-то и была вся суть, что княгиня Мария для него была только вещью, а он, безумец, не понимал этого!

— Я пришла к вам, — заговорила Мария тихим, упавшим голосом, так что трудно было узнать в ней прежнюю гордую и даже надменную княгиню Марию. Она пришла к Саше Николаичу, потому что не видела для себя иного выхода.

То, что произошло в кабинете ее мужа, и чего она стала тайной свидетельницей, открыло ей глаза на ее положение и сильно подействовало на нее.

Всякая загадочность, которую мы не можем объяснить себе, всякое явление, непонят-

ное для нас, непременно внушает нам как бы безотчетный страх перед неизвестным. И чем невероятнее, непостижимее это непонятное, тем оно сильнее действует на нас.

Княгиня Мария не могла ни вообразить, ни представить себе, каким образом вечно пьяный Орест, которого она и знала-то всегда за пьяного и который смешными выходками выманивал у нее «моравидисы» на водку, каким образом этот Орест был самым дуком дель Асидо, да и такой женщиной, как Жанна де Ламот, признан исключительным существом, силу которого они не только признавали, но и готовы были преклоняться перед ней.

Эти два совершенно противоположные представления об Оресте не могли совместиться в разуме княгини Марии и она отмахивалась от думы об Оресте, как от чего-то страшного.

Другое, более реальное, что узнала она, было, несомненно, то, что она и ее муж разорены. Как сказал дук, чтобы продолжать ту жизнь, которой они жили, у него нет средств. Но единственная надежда — на дело с Нико-

лаевым и на молитвенник с указанием на наследство маркизы де Турневиль. Пусть дук теперь говорит, что он еще готов бороться и не сдастся так легко (это Оресту-то, Оресту!), но княгиня Мария знала, что у него нет ни возможности, ни средств для борьбы, что благодаря «краху в Париже», как он сам сказал, для него все уже потеряно...

А тут еще слова Жанны де Ламот о том, что он — самозванный дук, что титулы не принадлежат ему; значит, они живут по подложным документам, и это может открыться, как и остальные темные и тайные дела, на которые, очевидно, и ходил дук, переодетый стариком.

Для княгини Марии оставалось, по ее расчету, лишь одно: ответить согласием на отвергнутое было ею предложение Саши Николаича, повенчаться с нею на том основании, что ее брак с этим дуком был только католический и закреплен гражданским актом только во Франции.

Еще недавно княгиня Мария отвергла это предложение, потому что не хотела сменить свои титулы на скромную фамилию Николае-

ва. Но теперь вместо этих титулов у нее могло явиться нравственное, позорное клеймо, перед которым ничем не запятнанная фамилия Николаева была неизмеримо выше и почетнее.

И вот сама Мария отправилась к Саше Николаичу, вооруженная, как она думала, всеми чарами своей прелести, не подозревая того, что эти чары уже утратили для него всякое очарование.

Заговорив перед Николаевым, она расплакалась (для него и был заранее приготовлен платочек) и довольно связно и даже красиво рассказала о том, что она много-много думала обо всем, сказанном ей Сашей Николаичем, и о том, как глубоко был прав он, а не она.

Мария говорила, по-видимому, так искренне, так хорошо, что могла, вероятно, вот такой задушевностью повлиять и на менее доверчивого человека, чем Саша Николаич.

Только вся ее беда в том, что она, как говорят, переборщила: слишком уж невинной, слишком непорочной прикинулась она.

Саша Николаич долго слушал княгиню Марию, в душе испытывая неподдельное чув-

ство жалости. Но эта жалость была не к ней, не к самой княгине Марии, не к ее несчастьям, о которых она повествовала, но к тому, как это в такой кажущейся прекрасной оболочке может существовать такая несоответствующая этой оболочке душа!

— Неужели вы все это искренне говорите, княгиня? — спросил Николаев, когда она, наконец, замолчала.

— Не называйте меня этим титулом — он мне теперь неприятен! — вздохнула Мария. — Разве вы имеете основание подозревать, что я говорю неправду?

Саша Николаич пожал плечами.

— Смотря как и когда!

— То есть что вы этим хотите сказать?

— Например, правда ли то, что, как вы сказали своему мужу после последнего нашего свидания и разговора у вас, что вы говорите со мной так только для того, чтобы получить от меня деньги?

Мария знала наверное, что сказала эту фразу с глазу на глаз и теперь до того была удивлена тем, что Саша Николаич говорил, повторив ее дословно, что, широко открыв

глаза, подняла на него свой взор и, сама не зная как, проговорила: «Неужели и это узнал Орест?»

Она в последнее время до того привыкла, что все необычайное, касающееся дука и госпожи де Ламот, относилось к Оресту, что и теперь у нее вырвалось невольное упоминание о нем.

— Да, я узнал об этом через Ореста! — просто ответил Саша Николаич, потому что оно так и было на самом деле.

Теперь и княгиня Мария испытала над собой силу этого человека, в которую она должна была поверить, даже если и могла сомневаться до сих пор. Она совсем растерялась, точно над ней вдруг раскрылся потолок и этот страшный Орест слетел оттуда и воочию явился перед нею.

Раскинув руки, она беспомощно простонала:

— Как же это так? Опять, значит, он? Везде и всюду — он?!

Саша Николаич приблизился к Марии со стиснутыми руками и со сжатыми зубами, что явилось в нем рефлекторным движением,

от усилия сдержать в себе вспыхнувшее негодование.

Ведь она даже не отрицала своих слов!

Она всего лишь испугалась, откуда он узнал о них... Что же это за крайняя степень беззастенчивости и предательства!

Мария в это время была совсем подавлена фигурой Ореста, внезапно всплывшей перед ней в неожиданном ореоле.

— Скажите мне! — с расстановкой произнес Саша Николаич. — Говорили вы это вашему мужу или нет?!

Княгиня Мария мгновенно сообразила, что даже если она и станет это отрицать, то вездесущий Орест узнает и уличит ее, и потому она, как будто повинуюсь не своей воле, а воле этого Ореста, произнесла:

— Ну да, говорила!

— Ну так и уходите!.. — не своим голосом взвизгнул Саша Николаич. — Уходите, уходите!.. — повторил он несколько раз и, взявшись за голову, вышел из комнаты.

Княгиня Мария поняла, что теперь Саша Николаич для нее потерян навсегда.

Глава LIV

Глава, пока еще не совсем понятная

Авиновник всех этих смут, передраг, откритий и катастроф Орест Беспалов пропал в течение трех дней, пропивая «святую сумму»... Он честно заложил в ломбард медальон, невзирая даже на то, что случайно должен был узнать от Жанны, что в этом медальоне был ключ к уразумлению молитвенника, и полученные деньги, конечно, пропил.

Анна Петровна в первый день ждала его возвращения, не выказывая нетерпения, сознавая даже, что всякие дела нужно исполнять обстоятельно и что Орест медлит именно потому, что он человек обстоятельный.

На второй день она начала беспокоиться, но не забила тревоги, а подумала, что, может быть, Ореста могло задержать что-нибудь другое... Она то и дело посылала горничную узнать, возвратился он или нет.

Но когда Орест не явился и на третий день, тогда Анна Петровна испугалась, тем более,

что вещь принадлежала не ей, была чужой, и ответственность всецело падала на нее, Анну Петровну. Старушка живо представила себе, как она не сможет найти ничего, что сказать Наденьке в оправдание, и поплакала по этому поводу, а потом посеменила мелкими шажками к сыну и рассказала ему, в чем дело...

Саша Николаич страшно рассердился.

— И зачем вы, маман, трогаете этого балбеса? — стал он выговаривать ей. — Разве вы не знаете, что это такое?.. Я его держу при себе только потому, что он без меня совсем бы спился с кругу, а вы ему даете такие поручения!..

— Ах, миленький, — оправдывалась Анна Петровна, — теперь-то я и сама вижу, что меся Орест такой, что ему нельзя поручить ничего. Но я подумала, что это же святая сумма!.. И так убедительно просила его и объяснила, что это именно — святая сумма!

— Ну а он пропил ее!

— В таком случае, нужно его немедленно разыскать и сказать в полицию, чтобы приняли меры...

— Нет, маман, теперь разыскивать Ореста

бесполезно, потому что если он не является, то, значит, он в таком виде, что лишен всякого сознания! Он проспится, явится сам, и тогда я все выясню и сделаю! А жаловаться на него тоже нечего, потому что просто не надо было давать ему это!

— Но как же мне, миленький, быть перед Наденькой?

— Вот отвезите ей двадцать рублей и скажите, что это дали за медальон... Вероятно, он больше и не стоит.

— Да, он был самый простенький!

— Ну вот и отлично! Скажите, что за него дали двадцать рублей, а потом уж мы разберемся...

Анна Петровна, успокоенная мудростью своего сына, повезла Наденьке двадцать рублей.

А между тем протрезвевший Орест, как и рассчитывал Саша Николаич, явился к нему по собственному побуждению. Вид у него был необычайно жалкий. Он, видимо, сильно страдал, разумеется, от винного перегара, а не от угрызений совести.

Лицо у Ореста было жалкое, сморщенное,

голову он держал набок, руки беспомощно болтались, как плети, и, в особенности, были трогательны непомерно поднятые, и потому особенно короткие, брюки Саши Николаича.

При всяком другом случае Николаев, увидев эту фигуру, наверняка расхохотался бы. Но тут он был крайне рассержен, потому что дело касалось не его, а посторонних, да еще не кого-нибудь, а Наденьки Заозерской. И в первый раз за все их многолетние отношения Саша Николаич накинулся на Ореста:

— Послушайте! Ведь это же из рук вон что такое?!..

Орест протянул руку наподобие руки у статуи Петра Великого работы Фальконе, и произнес:

— Знаю! Понимаю! Свинство! Сам чувствую больше, чем вы можете выразить это!

Он ударил себя кулаком в грудь и сдвинул картуз на лоб так, что тот ему съехал на самый нос.

— Где квитанция? — сурово спросил Саша Николаич.

Орест, признавший свою вину и потому не ожидавший дальнейших строгостей, сейчас

же обиделся на эту суровость. Он одним движением передвинул картуз на затылок, заломив его набок, что у него означало «отношение набекрень», и с гордым великолепием проговорил:

— Прошу вас, сударь, обходиться со мной, как с дворянином!

При этом он повернулся и стал удаляться. Эта сцена, по обыкновению, происходила у окна кабинета Саши Николаича.

— Я говорю вам, чтобы вы немедленно отдали квитанцию! — крикнул вслед Оресту Саша Николаич.

— А я вам заявляю, — обернувшись, произнес тот, — что если встречаю от вас столь невежливый прием, вместо утешения по поводу моей подлости, которой я не могу не чувствовать, пропив святую сумму, то я сейчас принесу эту сумму целиком и квитанцию, и между нами все будет кончено!

Он сделал новый оборот и удалился, стараясь сделать это наиболее твердым шагом.

Он направился прямо в комнату к французу Тиссонье и с печатью необыкновенной мрачности на лице, поздоровался с ним и

проговорил замогильным голосом:

— Мой добрый друг, месье Тиссонье, спасите честь Ореста Беспалова с помощью ваших сбережений!..

— Вы хотите опять взять у меня денег в долг? — удивился француз.

— Вы проникновенны, как Пифия олимпийская! — сказал Орест.

— Но Пифия не называлась олимпийской! Она была в Дельфах! — заметил Тиссонье.

— Наплевать! — заявил Орест. — Мне нужно десять рублей семьдесят три копейки!..

— Такую сумму?

— Да, такую сумму! — мрачно произнес Орест, опустив голову, скрестил на груди руки и усы поставил ежом.

— Такую сумму я вам не могу дать, месье Орест! — заявил Тиссонье.

— Вы не верите, значит?

— Нет, вы не подумайте...

— А вы знаете, что если я захочу, то могу открыть клад?

— Клад?!..

— М-мда!.. И тогда смогу заплатить не только десять рублей, а десять тысяч, и сде-

дать это я смогу при помощи вашего молитвенника...

— Ах, месье Орест, и до вас уже дошло это!.. В таком случае, я должен извиниться перед вами. Конечно, относительно молитвенника, если вы намекаете на него, я немного виноват перед вами и извиняюсь...

Орест думал, что у него еще не совсем прошел хмель, и потому он не понимает, что ему говорит Тиссонье...

На самом же деле, вероятно, и самый трезвый, развитой и умный человек, не разобрался бы, в чем смысл того, что сказал Тиссонье, и в чем он, собственно, извиняется, если бы не узнал его дальнейшего рассказа.

Глава LV

Что значили слова Тиссонье?

— Видите ли, месье Орест, — продолжал Тиссонье, — дело было так: помните, еще когда вы у меня... так сказать, взяли этот молитвенник, то за него на аукционе давали большую сумму денег, и вы знаете почему?

— Знаю.

— Да, теперь это стало известно. Вся эту историю знает инкогнито проживающий у нас граф Савицев; он рассказал мне об этом.

— И мне тоже, — вставил Орест.

— Ну вот видите, это избавляет меня от необходимости повторять все вновь. Но я-то и раньше знал, в чем дело, только не показывал вида... А я знал, что в молитвеннике подчеркнуты буквы, и, чтобы их прочесть, нужен этот медальон... И вот я тоже искал этот медальон, потому что мне это было приказано монсеньором кардиналом Аджиери. Мне было приказано передать молитвенник с объяснением тому или той, у кого будет этот медальон. Мне было известно, что у маркизы Тур-

невиль, оставившей этот молитвенник, не было потомства, и клад должен был достаться потомкам графа Косунского... Узнав, что в Петербурге есть графиня Лидия Косунская, я, разумеется, поторопился справиться, не родственница ли она маркизе и ее брату и нет ли у ней медальона. Для этого я познакомился в католической церкви, по указанию прелата, со старой кормилицей графини Лидии, очень милой особой, панной Юзефой. Это было почти тотчас же после того, как мы поселились в Петербурге... Вы следите за моим рассказом?

— Слежу, — отозвался Орест.

— Так вот по этой справке у панны Юзефы выяснилось, что ее питомица — вовсе не родня графу Косунскому, брату маркизы де Турневиль, и никакого медальона у нее быть не может. В недавнее время эта самая панна Юзефа, с которой мы продолжали видеться, сообщила мне, что у нее опять ищут этот медальон... Тут к нам явился бывший граф Савищев и объяснил, что он под видом господина Люсли покупал тогда на аукционе молитвенник и что их общество находится под управ-

лением старика, которого они называют Белым. У панны Юзефы медальон тоже спрашивал старик, к которому отвез ее познакомившийся с нею также в церкви некий господин Соломбин.

Он выдавал ей старика чуть ли не за святого. Этот господин Соломбин познакомился в церкви и со мною и стал торговать мой молитвенник... Я, разумеется, не хотел продавать, Соломбин настаивал и все повышал цену. Тогда мне пришло в голову сыграть с этими господами шутку, раз уж я был осведомлен о них через бывшего графа Савищева. Я объяснил панне Юзефе, что этот старик Белый вовсе не святой, и она согласилась вместе со мной немножко его обмануть. Мы с нею, вернее, я один, купили медальон, вставили туда купленную по случаю миниатюру и под нее подложили кусочек пергамента с составленным мною ключом. Тогда я продал за хорошие деньги молитвенник господину Соломбину, а у себя оставил полную запись подчеркнутых букв, то есть на какой странице и какая буква подчеркнута. Ведь в этом, наверное, главное. Сам же молитвенник не

имеет никакого значения, и я его продал с легкой душой, оставив у себя запись. Но в ключе, составленном мною и проданном Белому панной Юзефой, я дал цифры таких страниц, на которых подчеркнутые буквы составляют фразу:

«Орест Беспалов один все знает и ничего вам не скажет».

— Мне показалось забавным указать ваше имя как человека очень веселого, и я дорого бы дал, чтобы хоть краешком глаза в щелку посмотреть откуда-нибудь, какую рожу скорчил этот Белый, когда дешифровал эту фразу...

Говоря это, Тиссонье не подозревал, разумеется, что то, чего он желал, испытала княгиня Мария, жена дука.

— Та-ак-с! — протянул Орест. — Но только вы попали, кажется, именно, куда следует... Ведь я действительно, как вы выразились столь картинно, один знаю все это и все, что ли, понимаю... или, вернее, могу понять и все знать... Стоит мне только выкупить заложенный медальон Наденьки Заозерской...

— Медальон Наденьки Заозерской? Этой

милой и скромной барышни, которая посещает матушку месье Никола?

— Вот именно...

— Но как к вам попал этот медальон?

— Это я не имею права рассказывать. Но на его крышке вырезаны цифры...

— Да, да, так оно и должно быть...

— Ну вот... я и просил у вас десять рублей семьдесят три копейки, то есть сумму, равную той, которая «святая», по мнению почтенной Анны Петровны, потому что она получена за медальон.

— Неужели вы заложили медальон и пропили деньги?

— Вот именно!

— О месье Орест!

— О месье Тиссонье!..

— Когда вы бросите этот пагубный порок?..

— То есть?..

— Пить.

— Теперь нельзя, месье Тиссонье.

— Почему же?

— Политика.

— Как политика?

— Так. Водку откуп продает...

— Ну?

— Ну, а откуп платит деньги правительству, значит, потребляя водку, я помогаю правительству в его финансовых операциях.

— Но, возвращаясь к медальону, вы позволите мне завтра выкупить его. Ведь мы, может быть, сравнив его цифры с моими буквами, откроем для этой барышни целое состояние и богатство!.. Ай, ай, месье Орест, как же можно было закладывать такой медальон?!..

— Так ведь если бы я не заложил его, — рассердился вдруг Орест, — и не пропил бы денег, так не пришел бы к вам за десятью рублями семьдесятю тремя копейками, а без этого ничего бы и не было!

— А ведь это правда! — сказал француз, как громом пораженный таким рассуждением.

Глава LVI

Седьмое мая 1801 года

Положение дука дель Асидо было тем хуже, что из занятых у Борянского денег, он отдал двести рублей панне Юзефе за медальон и восемьсот рублей Тиссонье за молитвенник.

Француз не сказал Оресту, за какую сумму он продал свою книгу, на самом деле эта сумма была восемьсот рублей!

Однако дук ставил последнюю копейку ребром, но продолжал как ни в чем ни бывало готовить затеянный у себя праздник.

Это была его всегдашняя, давно испытанная система, а именно: он, когда чувствовал недостаток в деньгах, начинал их больше тратить и старался делать вид, что именно теперь-то у него их слишком много.

Княгиня Мария ходила мрачная, но не противилась устройству праздника и писала приглашения. Казалось, она предоставила событиям течь своей чередой, убедившись, что, приложив свою волю, не сможет их изме-

нить.

Дук, поразмыслив и одумавшись, решил некоторое время жить кредитом, который по широте уже сделанных им трат должен был явиться у него, а затем все-таки попробовать изыскать какие-нибудь новые дела.

Он не собирал заседаний общества «Восстановления прав обездоленных», но каждому из сообщников, носивших отдельный цвет, сообщил, что Фиолетовый оказался изменником и скрылся неизвестно куда. Опасаться, что он что-либо выдаст, нечего, потому что тогда он должен, прежде всего, оговорить самого себя, но все-таки его надо найти и постараться избавиться от него. Между прочим, дук снова побывал у Борянского и попросил у него денег. Тот пришел почти в неистовство: ведь дук только что взял у него деньги и требует опять, ведь так можно дойти и до полного разоренья! И что же, в самом деле, он его считает своим рабом, что ли, который должен ему платить чуть ли не ежедневно крупную дань?.. Борянский крепко задумался, и у него само собой сорвалось обещание, что если ему удастся отделаться от этого челове-

ка, от которого его не могла освободить даже аква тофана, то он изменит свою жизнь...

Он получил записку от Жанны, которая просила его побывать у нее...

Она, даже будучи больной, продолжала свои интриги. Она знала, что нанесла уже значительную «рану господину дуку», как она мысленно выражалась, и хотя он не чувствовал этой раны еще, но почувствует непременно, когда княгиня Мария примет какое-нибудь решение. А что та примет его, Жанна не сомневалась по виду княгини. Она слишком хорошо знала женщин!

Считая это главным ударом, который должен будет, наподобие разорвавшейся бомбы, доконать дука, Жанна вместе с тем работала против него и среди членов общества «Восстановления прав обездоленных». Она каждого из них по одиночке приглашала к себе и говорила с ними; в их числе был приглашен и Брянский.

Как только Жанна заговорила с ним против дука Иосифа, тот так стиснул зубы, и на его лице появилось выражение такой ненависти, что Жанна сразу увидела, что найдет в

Борянском без всякой подготовительной работы готового врага дука.

— К сожалению, — сказал Борянский, — я ничего не могу сделать против него, потому что я у него в руках! И нет, кажется, власти в мире, которая освободила бы меня от него!..

— Есть один очень странный человек, — задумчиво произнесла Жанна, — некий Орест Беспалов...

— Орест Беспалов? Пьяница?.. Я знаю его! — воскликнул Борянский. — Он самый обыкновенный, низменный тип, может быть, не лишенный некоторой оригинальности, но не больше!

— Он только кажется таким, — наставительно произнесла Жанна, — но на самом деле это удивительный человек!.. Вот что было со мной!

И она рассказала, что было с ней в отношении Ореста, и, главное, что было с дуком. Борянский задумался.

— Неужели это правда? — удивился он.

— А вы испытайте! — сказала Жанна.

Борянский попробовал «испытать» и, к крайнему его удивлению и радости, увидел,

что слова Жанны вполне оправдались и в приложении к нему самому.

Борянский нашел Ореста в доме Николаева, скрывающимся в саду, так как Орест считал себя в ссоре и непримиримым с Сашей Николаичем, а потому удалялся от него и не попадался ему на глаза.

И едва Орест заговорил с Борянским, идя по дорожке сада, как вдруг Борянский остановился пораженный.

Было ли это видение перед его глазами, или же это была действительность? По дорожке навстречу им медленно шла женщина с маленькой девочкой, которую она вела за руку.

Борянский вскрикнул... Женщина тихо ахнула и упала навзничь.

Борянский кинулся к ней, подхватил ее, отнес в дом. Женщину привели в чувство, и между нею и Борянским произошла трогательная сцена, во время которой даже Орест почувствовал щекотанье слез в носу и кулаком вытер себе глаза.

Эта женщина семь лет назад была близка Борянскому, но он хотел скрыть их связь от

человека, которого она называла своим мужем.

Звали его Андрей Львович Сулима.

Этот Сулима был в отсутствии, и к его возвращению она оказалась беременной. Она должна была родить, роды прошли в доме Борянского, и он, думая, что родившийся ребенок — мертвый, снес и закопал его в подвале. Но потом его взяло сомнение, не был ли ребенок жив. Ему даже стало казаться, что тот был именно жив, и это составляло для него неизъяснимую пытку.

Сулима узнал о неверности жены, увез ее далеко на юг России и бросил ее там на произвол судьбы, оставив при ней ребенка, которого он успел вырыть тотчас же после того, как Борянский закопал его.

Он со своими агентами следил за женой и за домом Борянского.

Эту тайну как-то узнал дук дель Асидо и держал его в своих руках ею, упоминая при нем лишь «седьмое мая 1801 года», то есть число, когда это произошло. И такого упоминания для Борянского было достаточно, чтобы дрожать и исполнять все, что ему прика-

зывали. Он испытывал суеверный, смертельный страх перед этим человеком!

Несчастливая женщина много вынесла и испытала на своем веку, пока снова добралась до Петербурга и встретила с Борянским в саду у Саши Николаича.

Как же она попала в этот сад? Это было очень просто!

Саша Николаич, узнав, зачем Наденьке Заозерской нужны деньги от заложенного медальона, сам поехал к женщине с ребенком и перевез ее к себе в дом.

Так сказать, свою исповедь Борянский сделал открыто, при всех, и на его слова, что он удивляется, откуда это старик Белый мог узнать эту тайну, присутствовавший при этом бывший граф Савищев, господин Люсли, дал ясный и определенный ответ:

— Белый старик, дук Иосиф дель Асидо, князь Сан-Мартино и Андрей Львович Сулима были одно и то же лицо!

Бывший граф Савищев знал это, потому что был вытащен из воды Сулимой и им же посвящен в тайны общества «Восстановления прав обездоленных».

— Но ведь Сулима, насколько я знаю, сгорел во время пожара своего дома на Фонтанке! — воскликнул Борянский.

— Это было всего лишь искусно разыгранной комедией! — сказал бывший граф Савищев.

Глава LVII

Итоги

Когда дук дель Асидо пришел к Борянскому чтобы получить у него деньги, которые он ему «приказал» приготовить для себя, он увидел огромную перемену в квартире Борянского. Комнаты были прибраны, карты спрятаны, ломберные столы вынесены. Не только стаканов, бутылок, но даже винного запаха и в помине не было.

Борянский вышел к дуку свежий, румяный, краснощекий и веселый. Он смеялся, показывал свои белые ровные зубы и на вопрос о деньгах раскатистым хохотом ответил:

— Пошел ты вон, старый шут! Довольно я побывал в твоих лапах! Теперь твоя власть надо мною кончена... хочешь знать почему?..

Он поднял дука дель Асидо вместе с креслом, в котором тот сидел, и поставил перед растворенной дверью, в которую дук, через две комнаты, увидел женщину с ребенком.

— Андрей Львович Сулима, Иосиф дель

Асидо, конечно, легко узнает, кто она? — сказал Борянский. И вслед за этим выгнал дука, без церемоний вытолкнув его на лестницу.

Дук Иосиф вернулся к себе домой и по дороге встретил карету, в ней увидел Марию с красивым лейб-гусаром, с которым она разговаривала на празднике у графа Прозоровского.

Дома были в полном разгаре приготовления к празднеству. В парадных комнатах набивали ковры, драпировали стены материями, а в саду устраивали щиты и разные хитрые затеи для иллюминации.

В комнате жены дук нашел лаконичную записку:

«Я уезжаю и никогда не вернусь к Вам!»

Ящички шифоньерки княгини Марии были раскрыты, бриллианты и драгоценности, какие были у нее, она увезла с собой. Эти бриллианты и драгоценности были последним резервом, на который дук мог рассчитывать...

Оскорбленный, униженный и подавленный, он пришел к себе в кабинет и застал там старика Белого, который ждал его.

Старик тихо запер дверь. Он вошел, обер-

нулся к нему и сказал:

— Джузеппе Велио, неужели ты не опомнился еще?

— Как? И ты против меня? — удивился дук, которого старик назвал Джузеппе Велио.

Он менее всего ожидал что-нибудь от этого старика, незначительного, как он думал, члена их сообщества, почти выжившего из ума человека, годного лишь для того, чтобы воспользоваться его внешностью и иметь его в качестве, так сказать, дубликата.

— Да, я более чем кто-нибудь против тебя, — заявил старик, — потому что недаром предостерегал тебя, недаром постоянно в продолжение твоей деятельности был под тем или иным видом подле тебя... Ты спросишь, почему я это делал? Да потому, что я — настоящий прирожденный дук дель Асидо, князь Сан-Мартино, именем которого ты так грубо и нагло воспользовался!..

— Ты — дук дель Асидо? — воскликнул Джузеппе.

Он знал, что дук дель Асидо был основателем их общества «Восстановления прав обездоленных» и что его считали умершим.

— Да, я основал общество «Восстановления прав обездоленных», — продолжал старик, — я отрекся от всего — от титулов, которые имел, все отдав на пользу общества, думая сделать из него благочестивый тайный орден, который невидимо бы для злых сил карал бы их преступления, а также неизвестно и бескорыстно восстанавливал бы нарушенные этими злыми силами права обездоленных... Так оно и было до тех пор, пока в общество не был принят ты, нагремевший аббат Велио, посаженный в тюрьму за свои деяния, бежавший из нее, снова явившийся в нем и соблаздивший большинство членов общества, которое превратилось по твоей милости в преступную шайку мошенников. В этом прежде всего я видел кару себе и своей гордости, с которой основал это общество, думая исполнять роль судьбы и своим человеческим умом исправлять ее ошибки. И мой низкий человеческий ум родил, несмотря на его благие намерения, низкое человеческое дело!.. Ты же думал, что выше тебя нет человека, что ты возносишься своим умом и знаниями над всеми людьми... И вот теперь ты по-

бежден — и ты сам это признал — ничтожным человеком, пьяницей, человеком, который достоин только смеха и сожаления... Я вижу истинный перст судьбы в том, что она дала победить тебя не мне, а именно такому ничтожеству, как Орест Беспалов, чтобы ты не мог сказать, что какой-нибудь особенный человек или гений возымел над тобой верх...

Тут Джузеппе Велио не выдержал... Признать, что обстоятельства сложились так, что он был побежден простым пьянчугой, он не хотел!

— Однако этот Орест, — возразил он, — обладает довольно обширными знаниями, если умеет предохранять себя от действия наркоза, чего не умею я. Я, не боящийся аква тофаны!

— Объяснение очень просто! — улыбнулся старик. — Если это для тебя — загадка, то дело в том, что наркоз не действует на алкоголиков — вот и все!..

Джузеппе и тут был разбит.

— Я этого не знал! — сказал он.

— Мало ли чего еще ты не знал и не знаешь... Ты вот готовишь празднество, а на самом деле тебе нужно было бы готовить для

себя погребальную процессию, так как ты умрешь скорее, чем думаешь... кончатся твои злодеяния... А без тебя распадется и это преступное общество... И тогда я смогу сказать: «Ныне отпускаеши!».. Прими мой последний совет: постарайся покаяться! Через час ты почувствуешь себя дурно, а через три часа умрешь! Призови к себе духовника! Дольше я не могу оставаться с тобою, мне нужно спуститься вниз в твоём доме к другой умирающей, или, вернее, уже умершей в этой жизни, а теперь готовой путем смерти воскреснуть к новой жизни, а именно, к Жанне де Ламот.

Как предсказал старик, так все и было.

Несчастный аббат Велио, окончивший свою жизнь под присвоенным именем дук Адель Асидо, ровно через час почувствовал нездоровье и через два часа умер, не призвав к себе духовника.

Когда старик вошел к Жанне, она заметалась по постели и отстранилась, думая, что к ней явился мнимый дук Асидо. Но старик подошел к ней и тихо проговорил:

— Я — тот, кто прислал вам извещение о тайном ходе из этого шкафа наверх...

Глава LVIII

Заключение

Княгиня Гуджавели повезла умирающую Жанну на юг, боясь, что наступившие в Петербурге холода будут губительны для де Ламот, и больше никогда ни о самой Гуджавели, ни о Жанне не было никаких известий.

Саша Николаич женился на Наденьке Заозерской, мать которой была урожденная графиня Косунская и которая поэтому по праву получила огромное наследство, хранившееся в Париже и раскрытое Тиссонье на основании записи из молитвенника и медальона, заложенного Орестом и затем немедленно выкупленного Тиссонье.

Супруги Николаевы стали одними из самых богатых людей, но их значительное состояние не осталось в дальнейших поколениях, потому что им пришлось разделить его между своими детьми, которых у них было двенадцать человек... Впрочем, в те времена бывало и побольше!..

Анна Петровна нянчила, ухаживала, обу-

вала и одевала своих внуков и внучек, переселившись совсем жить в детскую.

Фрейлина Пильц фон Пфиль стала вязать сапожки для детей Наденьки, а напульсники для бедных вязала только по праздникам и воскресеньям, потому что производить в эти дни другую работу считала грехом.

Француз Тиссонье, получив от Наденьки порядочный капитал и, кроме того, ежемесячную ренту, распростился с Николаевым и поселился в «Прекрасной Франции», приобретя себе несколько акров земли и называя это своим поместьем... Изредка он писал Николаевым напыщенные письма, и просил их сделать честь приехать к нему в гости и говорил, что если они не найдут у него роскоши, то уж, во всяком случае, найдут все необходимое.

Брянский женился на вновь найденной им любимой женщине, зажил правильной семейной жизнью, занявшись воспитанием дочери.

Бывший граф Савищев утешился тем, что уехал путешествовать.

А Орест продолжал пить. Одно время он, под влиянием убеждений Наденьки, перестал

было пить и, желая стать на стезю трезвости, искренне пытался образовать себя наукой, для чего пошел в кунсткамеру, в Академию наук, но увидел там в спирту сохраняющихся монстров, и это погубило его опять. Он стал пить уже на основании науки, доказывая, что спирт предохраняет, как он сам увидел в Академии наук, человеческое тело от гниения и что, в сущности, все равно, как ему пропитывать себя спиртом — извне, как это сделано в кунсткамере, или изнутри, как это делает он сам... На него даже Наденька махнула рукой, по пословице: «Горбатого лишь могила исправит».